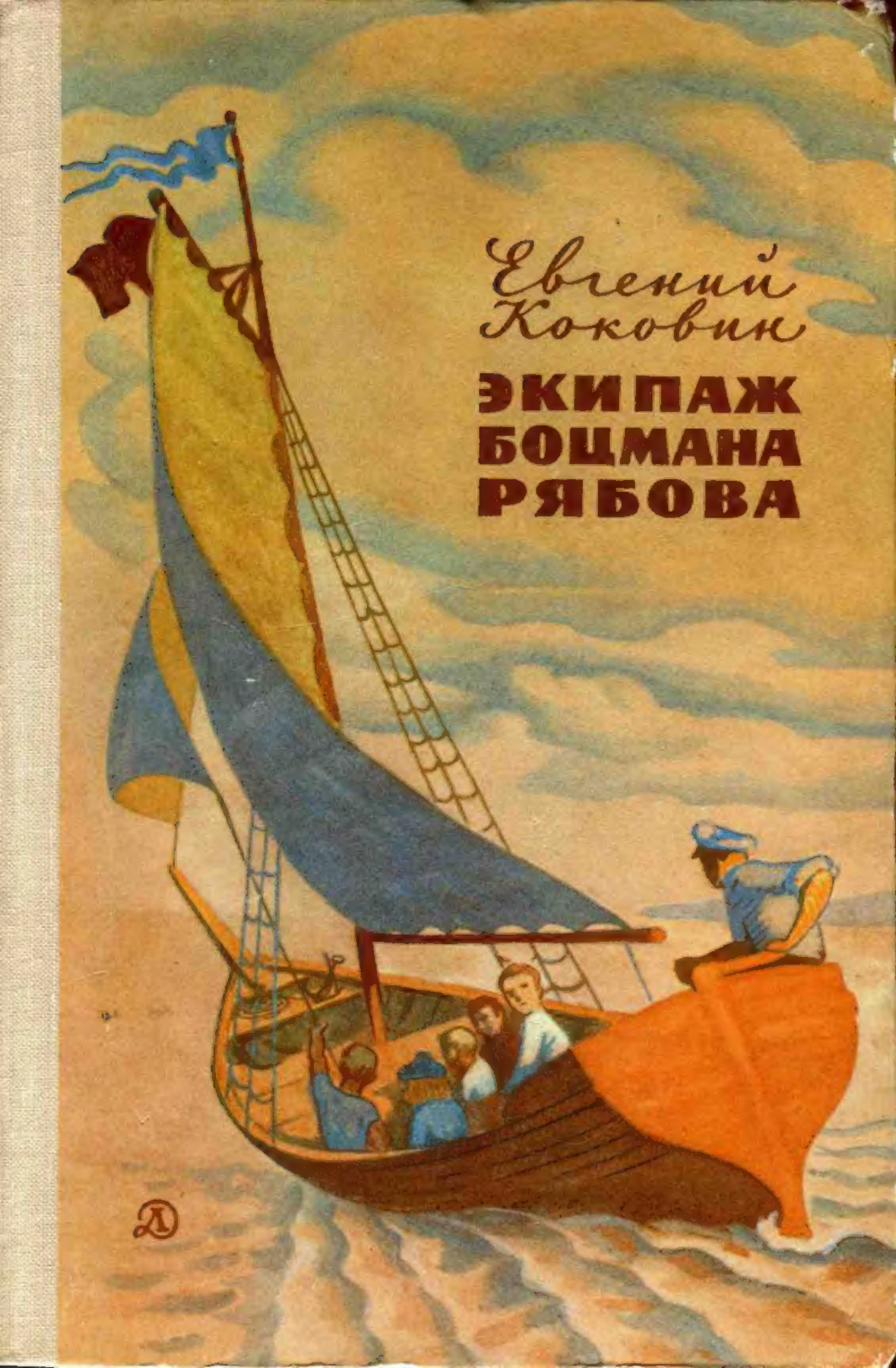

Евгений Коковин
ЭКИПАЖ БОЦМАНА РЯБОВА
Д

ЕВГЕНИЙ КОКОВИН

ЭКИПАЖ БОЦМАНА РЯБОВА

Рассказы и повести

МОСКВА
„Детская литература"
1976

Р2
К59

Рисунки С. Бойко

Коковин Е. С.

К59 Экипаж боцмана Рябова. Рассказы и повести. Рис. С. Бойко. М., «Дет. лит.», 1976.

176 с. с ил.

Рассказы и повести о моряках, о Северной Двине, о ребятах, которые с малых лет приобщаются к морскому делу. Повесть «Полярная гвоздика» рассказывает о жизни ненцев.

К $\frac{70802-215}{М101(03)76}$ 193—76 Р2

БРОНЗОВЫЙ КАПИТАН

Старый художник писал на холсте маслом. Он был очень стар и быстро уставал. Тогда он отходил от мольберта и присаживался на шаткий складной табурет с брезентовым сиденьем.

За спиной старика, чуть в стороне, лежала Северная Двина, величественная и безмолвная.

Бронзовый великан — два метра и четыре сантиметра — смотрел на реку, вдаль, поверх старика. В жизни Пётр Первый тоже был высокий, тоже два метра и четыре сантиметра. Сейчас Пётр, в треуголке и мундире офицера Преображенского полка, с тростью, шпагой и подзорной трубой, должно быть, думал о море, о мощнорангоутных кораблях, о дальних плаваниях и о своём большом портовом городе.

Ему не было дела до того, что творил художник. А художник писал его, памятник капитану России восемнадцатого века. Он писал из благодарности не самому Петру, а из благодарности памятнику.

Художник приехал в Архангельск издалека, с Прибалтики. Он приехал, чтобы побывать на могиле своего любимого брата.

В кармане у художника лежало письмо, пожелтевшее, более чем пятидесятилетней давности.

В девятьсот шестнадцатом году вместе с другими рижскими портовыми рабочими его брат Ян приехал в Архангельск. Когда англичане и американцы захватили русский Север, коммунист Ян остался в городе, в подполье. Но его выследили и арестовали.

Письмо было из тюрьмы.

«Не знаю, дойдёт ли это письмо до тебя. Я сижу в архангельской тюрьме и ожидаю, что́ подготовила мне судьба. А сладкого она мне не приготовит. Ходят слухи, что некоторых из наших отправят в индийские колонии, иначе говоря, в рабство. Мне это не угрожает. Каждый день из нашей камеры уводят товарищей. Мы знаем — они живут последние часы, последние минуты. Это же ждёт и меня. Одних из камеры уводят на смерть, других приводят. Камера большая, но нас много и спать приходится прямо на каменном полу. Эти несколько листочков бумаги мне дал один товарищ по нашему общему несчастью. Ему разрешили передачу. Меня арестовали дома, а когда вели в тюрьму, я бежал. В меня стреляли и ранили. Было темно, и меня не нашли. Я укрылся в кустах у памятника. Как я потом узнал, это был памятник русскому царю Петру Великому. Думая об этом, даже при моей горькой доле, я усмехаюсь: меня, коммуниста, прикрыл от преследователей, спас царь. У памятника меня подобрали местные женщины. Их было две — сёстры. Они тихонько довели меня до своего дома. Эти женщины перевязали мою рану, накормили, вы́ходили меня. Они очень рисковали. Я прожил у них почти полгода, пока окончательно не выздоровел. И не скрою от тебя, я полюбил одну из них — Елену. И она любила меня, эта простая, но замечательная девушка, необычайно скромная и самоотверженная северянка. Но нашёлся предатель — сосед моих спа-

сительниц. И вот я в тюрьме. За принадлежность к партии коммунистов и за побег хорошего мне ожидать нечего. Не хочется умирать, но, поверь, смерти я не боюсь. Может быть, мне удастся передать это письмо на волю. Только не уверен, дойдёт ли когда-нибудь оно до тебя. Но вот за мной пришли... Прости, прощай...»

Подписи под письмом не было. Но художник хорошо знал почерк брата.

Хотя Елене свидание с Яном не разрешили, письмо ей передали, когда интервенты были изгнаны из Архангельска. Пересылать его брату Яну в те времена было бессмысленно: в Латвии свирепствовала белогвардейщина.

Елена тоже прожила недолго. Потрясённая гибелью любимого, ослабевшая, при первой простуде она заболела воспалением лёгких и умерла на рассвете бледного июньского дня.

Письмо рижского коммуниста к брату сестра Елены, Анна, случайно нашла в забытой книге. Эту книгу Елена читала перед смертью. Но нашла более чем через полвека. Что с ним делать?

Пораздумав, Анна заклеила письмо в конверт, надписала рижский адрес, найденный в бумагах Яна, и указала адрес свой, обратный. Всё это она делала без малейшей надежды. Но отправка письма казалась ей выполнением последней воли погибшего.

Письмо не возвратилось. Неожиданно приехал брат Яна, старый художник. Когда они сидели за вечерним чаем, художник спросил у Анны:

— Вы знаете, где похоронен Ян?

— Здесь есть братские могилы.

— А памятник Петру Великому уцелел?

— Он стоял раньше там, где сейчас братские могилы. А теперь перенесён.

— Странное совпадение,— прошептал художник.— Братские могилы там, где бронзовый капитан укрыл от белогвардейцев Яна.

Прошли минута, другая в горестном молчании. Потом художник попросил:

— Вы сможете завтра проводить меня на братские могилы и к памятнику Петру?

— Конечно,— согласилась Анна.— Это недалеко.

Утром они пошли на набережную, к обелиску жертвам интервенции на братских могилах.

— Я напишу могилу моего брата и его товарищей,— сказал художник.

Они постояли в скорбной тишине, пошли дальше, к памятнику. И тут художник не поверил своим глазам.

— Как же так?! — воскликнул он.— Работа Марка Матвеевича Антокольского, моего земляка-прибалтийца и моего учителя! До сих пор я считал, что таких памятников всего три — в Москве, Ленинграде и Таганроге. Но, оказывается, бронзовый капитан обитает и в Архангельске. Я думал увидеть здесь совсем другую работу, другого скульптора.

Художник несколько раз обошёл памятник.

— Я побуду здесь, посижу, отдохну,— сказал он Анне.— Вы идите. Спасибо вам! Я дорогу найду.

На другой день художник опять пришёл к бронзовому капитану. Мальчики, соседи Анны, помогли ему донести мольберт и палитру. Так он навещал памятник несколько дней. Мальчики, глядя на холст, восхищались:

— Картина! Как похоже и красиво!

— Нет, это ещё не картина,— возразил художник.— Это только этюд к будущей картине.

— А кто там лежит? Он спит или умер?

— Он тяжело ранен.

Художник хотел добавить: «Это мой брат». Но больше он ничего не сказал.

Уезжая из Архангельска, художник в последний раз пришёл поклониться обелиску и погребённым под ним отважным революционерам.

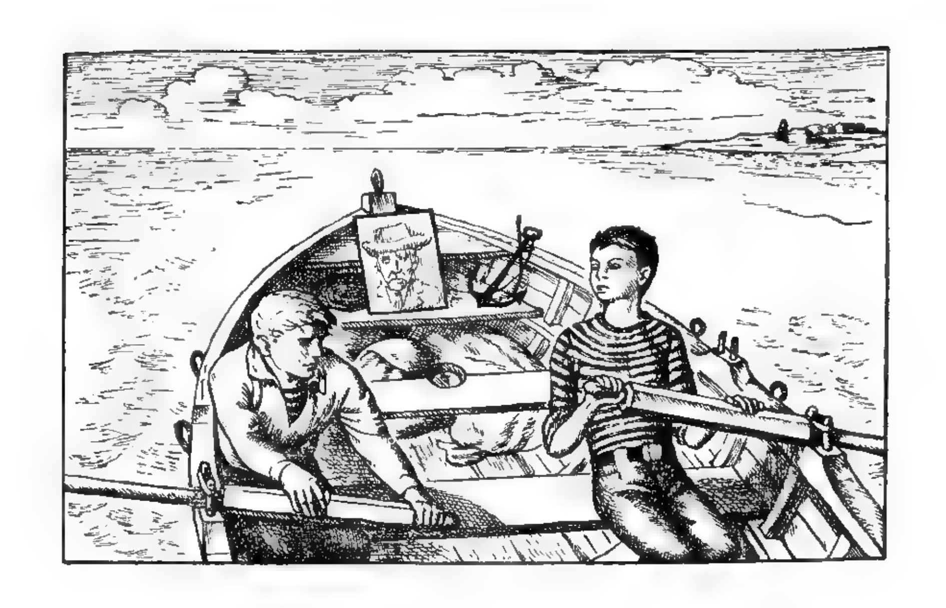
У памятника Петру он мысленно произнёс малень-

кую прощальную речь. Последними словами его были:

«Спасибо тебе, создание талантливых рук русского ваятеля».

Но бронзовый капитан молчал. Он смотрел на Северную Двину, на большие торговые корабли под красными флагами с серпом и молотом, ведомые славными советскими капитанами. И кто знает, может быть, в эти минуты он хотел сказать: «Добро, друзья! Счастливо плавать! Так держать!»

ПУТЕШЕСТВИЕ НА „ФРАМЕ-2"

...Прочёл всё оказавшееся доступным о полюсах — и о Северном, и о Южном — и влюбился в Нансена.

Юхан Смуул

Павел Владимирович Симонов, наш сосед, крупный водолазный специалист, уезжая в очередную экспедицию, оставил нам, двум соломбальским дружкам, в безвозмездную аренду свою корабельную шлюпку. Огромная, многовесельная и старая, чуть ли не времён парусного флота, шлюпка носила гордое имя «Фрам».

— «Фрам» в переводе означает «вперёд!»,— сказал Павел Владимирович.— Значит, мои друзья, на этом корабле поворота на сто восемьдесят без достижения цели у вас быть не может.

Симонов дал нам также почитать книгу Нансена «На лыжах через Гренландию».

Знаменитый полярный путешественник, владелец настоящего «Фрама», Фритьоф Нансен был кумиром Симонова. Для нас, соломбальских мальчишек, кумиром был сам Павел Владимирович, страстный охотник и меткий стрелок, следопыт, рыболов, один из первых кавалеров ордена Ленина.

Наш «Фрам-2» стоял на узкой и многолодочной речке Соломбалке.

На этой речке мы учились плавать, впервые брали в руки вёсла и поднимали на лодках паруса.

Раза три или четыре мы с моим закадычным другом Володей Охотиным выезжали на Северную Двину и на Кузнечиху. Потом Володя сказал:

— «Фрам» — это «вперёд!», это — дальние путешествия. Давай совершим путешествие! Большое, как в настоящей экспедиции.

— А куда это путешествие мы совершим? — спросил я.

— Куда? Как можно дальше от дому. Вот, например, на море.

— На Белое?

— Пока на Белое,— сказал Володя таким тоном, словно в будущем на своей тихоходной и ветхой посудине мы совершим ещё путешествия на море Средиземное или в Тихий океан.

– Экспедиция на «Фраме»,— с увлечением продолжал мой приятель.— Как у Нансена!

Мы не беспокоились, что дома нас в экспедицию не отпустят: частенько и раньше выезжали на рыбную ловлю с ночёвками.

В книге «На лыжах через Гренландию», которая начиналась главой «План путешествия», мы читали: «Как молния пронеслось в моём мозгу: экспедиция... Скоро был готов тот план, который позднее был осуществлён и выполнен».

У Нансена был план путешествия. Как же мы могли обойтись без плана?!

У нас была отцовская карта дельты Северной Двины, и мы без особого труда составили подробнейший

план и маршрут путешествия, сокрушаясь лишь о том, что на нашей карте не было белых пятен, не было неисследованных мест. Мы мечтали, жаждали открывать, исследовать, искать.

Карта изучена до мельчайших речушек и островков, и мы знали, какими путями поплывём. Наша экспедиция была обеспечена всевозможным снаряжением и продовольствием. На «Фрам-2» мы погрузили, кроме вёсел и старенького паруса, топор, лопату (а вдруг найдём полезные ископаемые!), верёвку, чтобы при случае тянуть шлюпку бечевой, рыболовные снасти, котелок и даже подсадную утку (неизвестно для чего — ружья не было, да и охота в это время запрещена). Не было у нас теодолита и секстана, как у Нансена, не было вяленого и солёного мяса и кофе. Но это нас не смущало: секстаном мы всё равно пользоваться не умели, а кофе не пили и дома.

Драночная корзина была заполнена сухарями, которые мы сушили и копили две недели (а вдруг зимовка!). Там же уместились два десятка картофелин и кулёк пшена, кусок солёной трески, банка с солью и ученическая тетрадь для ведения судового журнала и путевого дневника.

Словом, в подготовке экспедиции всё шло отлично, кроме... кроме того, что мы не знали, что будем открывать и исследовать.

— Не унывай,— после некоторого раздумья бодро сказал Володя,— что-нибудь откроем.

А я и не унывал. Просто мне хотелось поскорее отправиться в экспедицию. А откроем или не откроем что-нибудь — я об этом не беспокоился.

Итак, ранним июльским утром мы погрузили всё снаряжение на «Фрам-2» и отплыли. Банки на шлюпке отсырели — ночью была обильная роса. Бледное утреннее небо и неяркое, подёрнутое лёгкой дымкой солнце предвещали добрую погоду. Взмывая в розоватую высь, вёдро обещали и ласточки, и качающиеся на волне крепенькие, словно литые, остроглазые чайки.

Никакого сравнения не найти для тихого и ясного раннего утра на Северной Двине. Большая вода шла от моря вверх по реке, покрывала левобережные отмели, как говорят архангелогородцы, прибывала. И пахло морем и водорослями.

В прохладе запахи чувствительнее, а солнце едва оторвалось от далёких прибрежных ивовых кустов.

На рейде стояли океанские пароходы. Они пришли в Архангельск из разных стран за нашим северным лесом. Было рано, а на ночь кормовые национальные флаги на судах спускаются. Но в школе мы уже второй год изучали английский язык и теперь на корме пароходов кое-как читали названия портов их приписки.

— Ли-вер-пуль... Значит, англичанин,— сказал Володя.

— А это датское. Видишь, написано: «Ко-пен- га-ген».

— И ещё из Осло, из Норвегии. Это там, где жил Нансен.

Мы были довольны своими познаниями в английском языке и географии. А между тем в школе отличных оценок по этим предметам мы почему-то не получали, и преподаватели совсем не восхищались нашими успехами.

Наш «Фрам» должен был плыть вниз по Северной Двине, к морю. Но мы излишне занялись международными делами и не заметили, как наше судно сильным приливным течением снесло далеко вверх.

Против течения выгребать было трудно, почти невозможно, и потому мы решили пересечь реку в надежде, что у низкого противоположного берега вода идёт тише. А между тем солнце неторопливо, но упорно поднималось. От судна к судну побежала звонкая скляночная эстафета, что означало: время 8.00. Наступило настоящее полное утро.

— Часа через два вода пойдёт на убыль, — сказал Володя.— Не пристать ли пока к берегу?.. Разведём костёр, поедим, а потом и дальше, к морю.

Я охотно поддержал предложение друга: утомился на вёслах да и уже почувствовал голод.

Мы пристали к песчаному берегу, вбили кол и пришвартовали «Фрам». Прибывающая вода могла легко его поднять, унести, и нам угрожала участь Робинзона. Нет, мы были опытные и предусмотрительные мореходы.

— «Оставалось только разбить палатку и ждать»,— подозрительно торжественно сказал Володя.

Это были слова из книги Нансена.

Палаткой нам послужил парус. Мы его и «разбили», хотя, откровенно говоря, в этом не было никакой необходимости. Погода стояла чудесная.

Ловить рыбу было бы напрасно: на большой воде рыбалка плохая, да и времени у нас оставалось в обрез. Поэтому мы принялись варить уху из трески.

Пока разжигали костёр, готовили еду и завтракали, наше судно развернуло кормой к северу. Значит, вода пошла вниз, на убыль. Теперь мы уже могли плыть к морю по течению.

Отплывая, Володя сказал:

— «Мы должны достигнуть цели, открыть, или великое море станет нашей могилой».

Я не остался в долгу и отвечал:

— «Было бы неправильно, если бы мы вернулись обратно».

Слова из книги Нансена мы использовали бездумно, не разобравшись, что они принадлежали не Нансену, а сопровождавшим его спутникам — туземцам.

Но в этом многозначительном разговоре мы утверждались в своей мысли достигнуть цели и что-нибудь открыть.

Гребли мы легонько, потому что течение всё набирало силу, и «Фрам» шёл хорошо. Мы проплывали мимо островков, поросших ольхой и ивняком. Потом потянулись штабеля брёвен, лесопильные заводы и лесобиржи, похожие на миниатюрные города с небоскрёбами. Но здесь-то, уж конечно, открывать было

нечего. Отовсюду слышался шум лесокаток и лесопильных рам — больших станков для распиловки брёвен на доски. И кругом было множество людей: лесокатов, погрузчиков, речников, катерников, женщин, полощущих бельё, и купающихся ребятишек. Словом, всё здесь было давным-давно открыто и обжито. Нет, нам нужно поскорее к морю, в далёкие края...

— Володя,— сказал я,— пожалуй, дальше Белого моря нам не доплыть.

Я уже опять чувствовал усталость от вёсел. Шлюпка всё-таки была тяжела.

— Посмотрим,— отозвался мой приятель.— Вот откроем что-нибудь, тогда и увидим...

Левый, островной берег закончился. Мыс острова остался у нас позади, и река необъятно расширилась, словно по-богатырски расправила плечи, задышала свободно, могуче. Берега её расступились, стали далёкими, а лес и кусты на них слились в сплошные полосы. Вдали виднелся последний лесопильный завод.

Я оглянулся, чтобы прикинуть, сколько же мы проплыли от нашей Соломбалы, и вдруг заметил чуть повыше мыса небольшую избушку.

— Володя,— сказал я,— давай пристанем, передохнём. Вон избушка, она, наверное, рыбацкая. А потом уже и дальше.

— Давай,— согласился Володя.

Мы повернули своё судно и вскоре подошли к берегу, на котором стояло старенькое, крошечное строение, прокопчённое и замшелое. Поблизости горел костёр. На тагане висел большой котёл и нещадно парил. Значит, в избушке кто-то есть.

Неожиданно дверь избушки отворилась, и появился старик, на вид очень симпатичный и добрый. Доброта тихо светилась в его по-странному молодых глазах. А лицо было в морщинах и почему-то напоминало мне географическую карту. Эх, опять география, в которой мы с Володей были сильны здесь и почему-то слабы в школе.

Мы выскочили из «Фрама», честно говоря, побаиваясь.

— Гости? Прошу к нашему шалашу! Вода кипит, рыба вычищена. Сейчас уха будет.

И тут же старик высыпал в котёл гору на зависть крупных сигов и камбал.

— Дедушка! — крикнул Володя.— У нас картошка есть...

В добрых глазах старика появилось не то презрение, не то усмешка.

— Парень, да кто же уху варит с картошкой?! Это только у вас, в городу... Картоха уху только портит, рыбный дух убивает. Не-ет, настоящие рыбаки картоху к ухе на полверсты не подпустят. Ты, парень, ту картоху лучше в золе запеки. Такую и я за милую душу скушаю.

Вот тебе и открытие: уха без картошки! Не полюс, конечно, и не новый остров, а всё-таки... для нас новое.

Всю рыбу дедушка Никодим выложил на большую, чисто выскобленную доску, и мы ели поблёскивающую янтаринками сиговую уху «пустую». Ели с хлебом, деревянными, раскрашенными соловецкими ложками. Ручка у моей ложки была вырезана в виде рыбки. Может быть, из-за неё уха и показалась мне такой душистой и вкусной?.. Но Володя тоже похваливал уху, хотя у него ложка была без рыбки.

— Мы тут с сыном рыбачим,— говорил дед.— Он с утра домой поехал — сольцы да табачку привезти. Тоже уже мужик в годах. Сорок шестой с Петрова́ пошёл. Семья своя и изба своя. Растёт народ!

«Сорок шестой,— подумал я.— И растёт. А нам с Володей по тринадцать. Сколько ещё расти, узнавать, открывать!»

Потом мы ели рыбу, тоже такую вкусную и нежную, что язык за ней в горло лез.

И пока мы завтракали у гостеприимного деда Никодима, узнали, что «не умеючи и лапти не сплетёшь»,— всему нужно учиться. Это, конечно, нам бы-

ло известно и раньше, но всё-таки... И ещё дед говорил: «Не вбивай гвоздь в тонкую доску, не затупив его,— расколет. Крепкую бечёвку-стоянку можно легко разорвать, сделав из неё на ладони петлю. Не целься в человека даже из простой палки: случается — и палка стреляет».

— Это для того, чтобы не иметь вообще привычки целиться в человека,— пояснил дед Никодим.— Будешь играть с палкой, а потом и ружьё ненароком вскинешь. Станешь целиться из палки в человека — от опытного охотника и по шее можешь получить.

От деда мы узнали ещё много нового для себя. И всё это были маленькие открытия для будущего.

Поблизости от берега проплывал небольшой карбас. В нём сидел бородатый старик в зюйдвестке—под стать деду Никодиму.

Старик в карбасе приподнял зюйдвестку и поклонился в нашу сторону. Дедушка Никодим ответно приветствовал его:

— Моё почтение! Доброго здоровья!

— Кто это? — спросил я деда Никодима.

— Не ведаю,— ответил дед.

— А почему же он поздоровался? И вы...

— Так уж, обычай. Знаком не знаком, а поклониться да здоровья пожелать обязательно надобно. Порядок такой, уважение к встречному человеку.

Спустя полчаса мы поблагодарили деда Никодима за угощение, попрощались с ним и отплыли.

Володя достал подсадную утку и долго рассматривал, видимо стараясь найти ей применение.

— На старых кораблях под бушприт прилаживали вырезанную из дерева русалку,— сказал он.— А на некоторых нос украшался головой дракона. Это для устрашения врагов. А у нас судно мирное.

— И ты хочешь украсить нос «Фрама» подсадной уткой? — спросил я с усмешкой.

— А что, плохо разве?

— Да нет. Всё равно ни русалки, ни дракона у нас нету.

Не раздумывая долго, мой предприимчивый друг за минуту укрепил утку на носу нашего экспедиционного судна. И нам показалось, что от такого нововведения «Фрам-2» как-то возвеличился и даже поплыл быстрее.

У лесобиржи, мимо которой мы проплывали, стоял норвежский лесовоз.

Вдруг с борта «норвежца» мы услышали странные тонкоголосые выкрики, конечно для нас непонятные: «Тойе... беед...» и ещё какие-то слова, по тону выражающие радость.

Велико было наше удивление, когда на борту судна мы увидели мальчишку лет семи. Он показывал пальцем на нас, оборачивался, похоже, что кого-то звал. Потом стал нам махать.

Около мальчишки стали собираться моряки, тоже нам что-то кричали; кажется, они требовали, чтобы мы пристали к борту их парохода. Один из них, высокий, плечистый, громкоголосый, поднял мальчишку на руки и тоже призывно кричал нам.

— Что им нужно? — спросил я Володю.

— Сам не понимаю.

Мы опустили вёсла в недоумении и нерешительности.

— Мальчики, кэптен просит вас на судно.

Это было уже совсем неожиданно. Кто-то из норвежцев говорил по-русски и довольно чисто, хотя с сильным акцентом.

С борта спустили штормтрап и бросили нам конец.

— Поднимемся,— сказал Володя.— Не съедят.

Минуты через две, пришвартовав «Фрам-2», мы поднялись на борт норвежского судна. Нас окружили моряки. Первым пожал нам руки высокий норвежец, который поднимал на руки мальчишку.

— Кэптен Христиан Валь,— сказал он нам, словно взрослым.

Мы смущённо молчали. Знающим русский язык оказался радист. Едва удерживая мальчишку, а тот так и рвался к нам, он сказал:

— Это сын капитана, Кнут. Капитан приглашает вас к себе в каюту. Пойдёмте!

И мы пошли.

Не знаю, как Володя, а я, признаться, едва соображал, что происходит. Капитанская каюта была просторная, светлая.

Нас усадили в кресла, словно мы были важные персоны. Принесли и разлили по чашечкам кофе. А мы не знали, что делать. Среди окантованных фотографий на стенах я заметил портрет Нансена, такой же, какой мы видели у Павла Владимировича. Я толкнул локтем Володю и показал глазами на портрет. И мой друг неожиданно сказал:

— А наша шлюпка называется «Фрам».

— «Фрам»? — удивился радист.—Это здорово! — И он что-то сказал капитану.

Я разобрал только «Фрам» и «Нансен».

Капитан тоже оживился. Через переводчика он сообщил, что ему известно: Нансен — большой друг Советской России.

— Вот в нашей экспедиции появился и кофе,— шепнул мне Володя.

А я всё ещё не мог понять, почему нам оказан такой почёт. Ведь норвежцы, когда позвали нас к себе, ещё не знали, как называется наша шлюпка. Без наших вопросов всё объяснил радист:

— Сыну капитана понравилась птица на вашей шлюпке. Он назвал её игрушкой-птицей. Может быть, вы продадите её?

Оба мы были удивлены: Кнуту понравилась наша подсадная утка.

— Зачем же продавать? Мы просто её подарим Кнуту.

Мальчишка был вне себя от радости, а капитан Валь снял со стены портрет Нансена и передал его Володе.

— Капитан в знак благодарности и вашей любви к нашему великому соотечественнику делает вам подарок.

Капитан снова крепко пожал нам руки. Мы вышли из каюты, унося с собой дорогой подарок.

В шлюпке Володя быстрёхонько освободил подсадную утку, и деревянная птица, не расправляя крыльев, на тросике мигом взлетела на палубу судна прямо в руки маленького норвежца.

На другой день мы вернулись в свою родную Соломбалу, а вскоре приехал и Павел Владимирович. Конечно, мы поспешили показать ему подарок норвежского капитана — портрет Нансена.

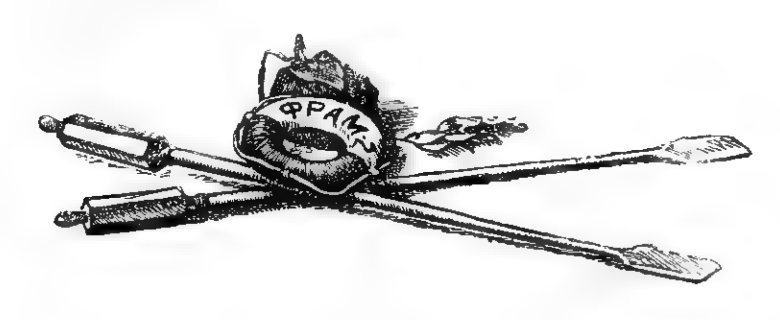
— Да, капитан Валь прав,— сказал Павел Владимирович.— Фритьоф Нансен был большим и искренним другом Советской страны.

И мы ещё узнали от Павла Владимировича, что в 1914 году Нансен написал книгу «В страну будущего» — о путешествии в Сибирь. В 1921 году он оказывал помощь голодающим Поволжья. Замечательный норвежец получил Почётную грамоту IX Всероссийского съезда Советов и был избран почётным депутатом Московского Совета. Великий путешественник и полярный исследователь написал книгу «Россия и мир».

И всё это было для нас новым.

Отплывая на своём «Фраме», мы мечтали об открытиях и боялись, что открывать уже нечего. Но даже в маленьком путешествии мы открыли для себя многое.

Мы открывали мир. Он был неизмеримо велик. А нас впереди ждала, как широкая и неизведанная дорога, чудесная жизнь, и предстояло множество новых открытий.

МЫ ПОДНИМАЕМ ЯКОРЯ

— А вы знаете, что такое якорь?..

Этот вопрос даже обидел меня.

Подумаешь, якорь! Да это известно каждому мальчишке, каждой девчонке, хотя бы они и жили за тысячу миль от моря и никогда не видели судна. А я за последнее время перечитал уйму морской литературы — штормовых романов, штилевых повестей, рейдовых рассказов и всевозможных абордажно-яхтенных учебников, словарей и справочников. Но я мог и не читать всех этих книг, чтобы ответить, что такое якорь.

Весной я закончил десятилетку, получил аттестат зрелости и летом решил поработать в редакции местной газеты.

Несколько дней назад меня вызвал заведующий нашим отделом и сказал:

— Слушай, Ершов, есть возможность отличиться! Блистательная тема — море! Передовой теплоход

«Амур» в прошлую навигацию получил переходящий вымпел. Капитан на нём — опытный моряк. Команде «Амура» скоро присвоят звание экипажа коммунистического труда. Как, по-твоему, это тема?..

— Тема,— согласился я и загорелся: — Напишу очерк на подвал.

— Если хорошо, то можешь писать на два подвала,— расщедрился заведующий.— Недавно «Амур» ушёл в первый рейс. Вернётся—сразу же отправляйся на него. А в эти дни почитай что-нибудь такое... О морях и океанах... Настройся, понимаешь, настройся!

Я понимал. Когда рабочий день в редакции закончился, я поспешил в библиотеку.

В тишайшем читальном зале я боролся со штормами, сражался с пиратами, гарпунировал китов. Я поднимался по трапам на палубы фрегатов, бригов, шхун, яхт, пароходов и теплоходов, заходил во все портовые города, на необитаемые острова, в гавани, бухты и лагуны. Из морских словарей я узнал, что флаг «А» по международному своду сигналов означает: «Произвожу испытание скорости», а ящичные суда (на последнюю букву в алфавите) служили для перевозки сыпучих грузов, и теперь они не строятся.

Если эти ящичные суда больше не строятся, то зачем они мне? Ну пусть, на всякий случай. А вдруг после очерка об экипаже коммунистического труда я надумаю написать исторический морской роман!

Словом, я перегрузился морскими знаниями и романтикой сверх ватерлинии, и эти знания взвивались над моим клотиком. Выражать свои мысли иначе я уже не мог.

Вопрос о якоре мне задал на причале моряк. Я пришёл сюда встречать теплоход «Амур», чтобы поговорить с командой и потом писать очерк. С виду моряк мне понравился — высокий, блондинистый, с открытым добрым взглядом. Было ему лет сорок.

— Скажите, пожалуйста,— обратился я к нему,— «Амур» пришвартуется к причалу или бросит якорь на рейде?

«Пришвартуется», «причал», «на рейде»—эти слова должны были свидетельствовать о немалых моих морских познаниях.

Моряк чуть заметно поморщился, а потом загадочно усмехнулся, но ответил тоже вежливо хрипловатым, приятным баском:

— «Амур» — теплоход грузо-пассажирский. На нём находятся пассажиры, и он, конечно, подойдёт к причалу.

Затем последовал этот странный — глупый или каверзный — вопрос: «А вы знаете, что такое якорь?»

Я обиделся и ничего не ответил. Я уже не школьник, чтобы меня экзаменовать. Пусть не думает, что я совсем ничего не смыслю в морском деле.

Правда, я не моряк, и мне никогда не приходилось бывать в море. Я, как уже говорил, только собирался написать о моряках «Амура» очерк для нашей газеты. Для этого и штудировал произведения маринистов и учебники морской практики.

А может быть, моряк хотел посмеяться, разыграть меня? Я знал, за моряками такое водится. Любят подшутить над невеждами и новичками. Но хотя я не бывал в море, хотя вид у меня был совсем не моряцкий, невеждой я всё же себя не считал. Во всяком случае драить наждачной шкуркой тот же якорь или колосники меня никто не заставит.

Мы стояли на причале, к которому прижимались каботажные теплоходы, неуклюжие лихтеры и грязноватые работяги-буксиры. Нежнейший юго-западный ветерок чуть заметно шевелил флаги и вымпелы на бесчисленных мачтах и флагштоках. Он был бессилен приподнять даже лёгкую сухую материю. Безмятежная вода гавани была неопределённого цвета, и я, забыв о моряке, раздумывал, как буду такую воду изображать. В голову лезли тысячу раз использованные «плавные воды», «зеркальная гладь», «чистые струи», «отражённые облака» и прочий словесный балласт.

Не знаю, что в эти минуты выражало моё лицо, но

только моряк сказал тем же хрипловато-мягким баском:

— Вы, я вижу, обиделись. Но в самом деле нехорошо говорить «бросить якорь». Якорь — это символ! Как чудесно сказал один писатель: «Якорь — символ надежды». От якоря очень часто зависит участь судна, хотя он и небольшой по сравнению с самим судном. И ни один корабль, заметьте, без якорей в море не выйдет. Кроме того, якорь — материальная ценность, он сто́ит не так уж дёшево. Зачем же его «бросать»? Якоря бросают только в романах и нередко даже в морских газетах. А моряки якоря отдают.

Я внимательно слушал незнакомца. Вот это здорово, чёрт возьми! Я бы, наверное, в своём очерке тоже «бросил якорь» или наплёл ещё какую-нибудь околёсицу, а потом моряки надо мной потешались бы. Книги — дело хорошее, но, оказывается, чтобы писать, нужно, кроме книг, знать ещё и кое-что другое.

— Скажите, а какой писатель назвал якорь символом надежды? — спросил я.

— О, это отличный писатель-маринист,— ответил моряк.— Джозеф Конрад. Читали?.. Это не якоребросатель. Конрад сам моряк, судоводитель и хорошо знает жизнь моряков.

Оказывается, этот моряк не профан и в литературе. Совсем неплохо бы познакомиться с ним поближе.

— Вы интересовались «Амуром». Вы, вероятно, из редакции? Хотите что-нибудь написать?

Удивительно, как он угадал? Неужели по моему виду можно заключить, что я из редакции? Кроме того, он раскусил мой замысел, вернее — задание, которое мне дали в редакции.

— Вообще-то я работаю в редакции,— уклончиво ответил я и стыдливо соврал: — Но здесь по другому делу... встречаю знакомого, он приезжает на «Амуре»... А писать о моряках не собираюсь. Я и в море никогда не бывал.

Последние слова были святой правдой.

Моряк оживился:

— А вы сходите в море, ну хотя бы на один рейс. Тогда напишете. Может быть, станете нашим советским Станюковичем.— Он протянул мне руку: — Капитан «Амура» Краев.

Капитан «Амура»?.. Я стоял поражённый, даже забыв протянуть в ответ свою руку.

— Как же так?.. «Амур» идёт с моря, а капитан... а вы на берегу...

— Ничего особенного. Только вернулся из отпуска. А сейчас за меня на судне старпом.

Я пожал капитану Краеву руку и тоже представился:

— Вячеслав Ершов, корреспондент местной газеты.

— Очень хорошо, очень приятно. Так собирайтесь с нами на «Амуре» в следующий рейс. Покачаетесь, посмотрите, и пусть будет ваш якорь чист.— Капитан взглянул на часы и попрощался.

Он пошёл к проходным воротам, пошёл не вразвалочку, не враскачку, а спокойной походкой обыкновенного человека. Почему-то считается, что все моряки должны ходить вразвалку.

Я многое прочитал о море и о морской практике и всё-таки в разговоре с первым встречным моряком попал впросак: «бросил» якорь, а его можно только отдать.

«Пусть будет ваш якорь чист»,— сказал мне капитан «Амура». Позднее я узнал: «якорь чист» — значит якорная цепь свободно прошла клюз и якорь без задержек поднят. Судно уходит в море.

И я решил последовать совету капитана Краева: пойти на «Амуре» в рейс.

Скоро мы поднимем якоря.

КОРАБЛИ МОЕГО ДЕТСТВА

В пасмурные апрельские дни, когда на Северной Двине темнеет лёд и капризные ветры робко приближающейся весны непрестанно меняют направления, ко мне всё чаще наведываются беспокойные чувства. Я знаю: это чувство ожидания. Ожидания полной, всесильной весны, открытия навигации, приказа начальника порта.

Весна приходит на архангельскую землю без журчания ручьёв, без цветения роз и без майского грома. Весна приносит на Север медлительно-ровное, колдовское посветление ночей, коварство распутиц на просёлочные дороги и неукротимый ледоход с тревожным подъёмом воды — на большие реки.

Порт встречает весну гудками ледоколов и надрывным завыванием сирен.

Приказы начальника порта о ледокольной кампании и открытии навигации предельно кратки, чётки и

суховаты. Но меня они волнуют. Приказы печатаются на четвёртой странице в местной газете. Читая их, я слышу первый пароходный гудок, команду вахтенного штурмана, шум брашпиля и металлический перебор машинного телеграфа.

Я слышу и голос самого начальника порта и вижу его, седого коренастого мужчину в морском кителе. В молодости, говорят, он был портовым грузчиком. Влюблённый в пароходы и парусники, гавани, ковши и причалы, с детских лет я помню по фамилиям всех начальников нашего порта.

И осенью тоже подступает беспокойное чувство, но уже без радости, горьковатое: скоро конец навигации.

Я захожу к начальнику порта. Он легко определяет моё настроение:

— Чем недоволен?

— Навигация-то скоро закроется...

— Продлим. Видел, какие у нас теперь ледоколы! А вот-вот и у нас будет навигация круглогодовой. И в январе, и в феврале, и в марте будем грузить.

Я верю ему. Деловой, работящий, добрый народ портовики!

Мой отец тоже был портовиком. Он служил в Дирекции маяков и лоции Белого моря. К старости, лишившись ноги, он ковылял на деревяшке и громко именовался смотрителем створных знаков в морской слободе Соломбале и на судоходном рукаве Северной Двины — Маймаксе, а проще — был фонарщиком. Отец гордился личным знакомством с Георгием Яковлевичем Седовым. Перед походом Седова к полюсу отец чинил на «Святом Фоке» паруса и ремонтировал такелаж. Был он и умелым плотником, и столяром, шил лёгкие шлюпки, а однажды на досуге смастерил мне расчудесную полуаршинную поморскую шхуну. Это был мой первый корабль. Он совершал длительные рейсы в бассейне узенькой речки Соломбалки, забитой лодками, шлюпками и карбасами. У соломбальских ребятишек шхуна вызывала восхищение и зависть.

В мальчишестве самым закадычным моим другом был ровесник Володя Охотин, отличный пловец и неуёмный рыболов. Во всех ребячьих смелых предприятиях нам покровительствовал умный и мечтательный юноша Андрей Семёнов. Он жил на нашей улице и пользовался у нас непререкаемым авторитетом. Отец Андрея — крупнейший водолазный специалист страны, страстный охотник, настоящий следопыт и меткий стрелок — был обожаем ребятами Соломбалы.

Позднее у нас появилась большая и тяжёлая корабельная шлюпка «Фрам». На «Фраме» мы путешествовали по Северной Двине и по её бесчисленным притокам.

Андрей был до фанатизма влюблён в Арктику, знал имена и биографии её исследователей, мог показать на карте все арктические земли, острова и островки. Он учился в мореходном училище и мечтал стать полярным капитаном. Фритьоф Нансен был его кумиром.

Однажды мы плыли на «Фраме» по Северной Двине. Навстречу, с моря, шло гидрографическое судно «Пахтусов». Володя прочитал название парохода и спросил у Андрея:

— Кто такой Пахтусов?

— Это был полярный путешественник. Он исследовал Новую Землю и умер почти сто лет назад,— пояснил Андрей и спросил: — И знаете, где он похоронен?

Конечно, мы этого не знали и потому молчали.

— Он похоронен у нас в Соломбале,— сказал Андрей.

— У нас? В Соломбале? Где?

Поверить было трудно. Наша маленькая, хотя и древняя морская слобода Соломбала — и такой знаменитый человек, именем которого даже назван большой пароход. Правда, в Соломбале Пётр Первый построил первые морские корабли, которые ушли под русским флагом за границу. И всё-таки...

Вечером Андрей потащил нас на кладбище. Оно

находилось за Соломбалой и было похоже на все другие русские кладбища: тихое, заросшее ольхой и берёзой, черёмухой, рябиной и ивовыми кустами. Тут росли трубчатая бадронка, сочная сладкая пучка, дурманящая до головокружения нежно-жёлтая душмянка. В ботанике все эти цветы и травы, вероятно, имеют другие названия.

За небольшой кладбищенской церковью в тесной металлической ограде лежал большой обтёсанный камень. На камне — крест и адмиралтейский якорь. И высечено:

«Корпуса штурманов подпоручик и кавалер Пётр Кузьмич Пахтусов. Умер в 1835 году, ноября 7 дня. От роду 36 лет. От понесённых в походах трудов и д... о...»

Андрей снял фуражку. Мы с Володей летом шапок не носили.

— Тут ошибка,— сказал Андрей.— Когда Пахтусов умер, ему было тридцать пять лет.

— А что означают буквы «и д... о...»?

— Отец говорил, что буквы означают «и домашних огорчений».

И домашних огорчений... В нашем мальчишеском представлении Пахтусов был счастливцем, потому что он плавал на корабле по просторам холодного Ледовитого океана, переживал приключения и подвергался опасности.

Возвращаясь домой с кладбища, Андрей рассказывал нам о Нансене и Амундсене, о Седове и Русанове, о Брусилове и капитане Скотте. Он говорил о Новой Земле и Шпицбергене — Груманте, о Земле Франца-Иосифа и Гренландии. Он рассказывал горячо, вдохновенно и пространно, и можно было подумать, что он сам путешествовал со знаменитыми полярниками и сам открывал все эти арктические острова и архипелаги.

Да, Андрей тоже был счастливцем. У него была заветная мечта, у него была Арктика — страна, которую он будет завоёвывать и исследовать. Он будет

плавать капитаном на больших ледоколах. А у нас с Володей были только полуаршинная игрушка-шхуна, тяжёлая шлюпка «Фрам» да старый поморский карбас, на котором мы с отцом выезжали рыбачить. Эти посудины, как их называл мой отец, мы считали нашими кораблями. Пока мы ещё играли. Но мы тоже мечтали о больших, настоящих кораблях.

Однажды вечером Володя пришёл ко мне и сказал:

— Завтра пойду чистить котлы. Буду зарабатывать деньги. Хочешь со мной?

— Где, какие котлы?

— На пароходе, паровые котлы.

— На настоящем пароходе? А как их чистить? Ты умеешь?

— Научат.

— Это хорошо,— сказал я Володе.— Я тоже пойду с тобой.

На другой день мы пошли в морское пароходство, и там нам дали бумагу — направление чистить котлы на ледоколе, название которого привело нас в трепетный восторг: «Георгий Седов». Тогда «Седов» ещё не участвовал в поисках итальянской экспедиции Нобиле, не доходил до самых высоких широт Арктики и не совершил своего героического двухгодичного дрейфа. Но он носил имя отважного русского полярника, погибшего на пути к Северному полюсу.

Мы поднялись по трапу, переживая все треволнения, какие только могут быть у ребят нашего возраста.

Второй механик дал команду машинисту проводить нас в кочегарку. Машинист сунул нам в руки молотки, шкрабки и щётки и, показав на лаз в котле, равнодушно сказал:

— Полезай и чисть!

Всё было буднично и скучно. А мы ждали... Но главное — мы не знали, что и как чистить.

— А как? — залезая в котёл, спросил Володя.

— Молоток есть? Ну и стучи по стенкам, да осто-

рожно, отбивай накипь и чисть! Потом проверю. Да чисть так, чтобы как чёртов глаз блестело. А потом регистр будет принимать.

Мы отбивали накипь обоюдозаострёнными молотками и чистили шкрабками и щётками. Но ничего у нас не блестело. Как блестит чёртов глаз, мы не знали. И не знали, кто такой регистр, который будет принимать нашу работу.

Как мы перемазались, об этом мы узнали потом, на палубе, взглянув друг на друга. Машинист потрепал Володю по чумазой щеке и сказал:

— Молодцы!

Грязь и мазут на наших лицах и куртках, очевидно, убеждали его, что мы трудились на совесть.

На палубе я увидел вдруг своего родственника. Как это я мог забыть о том, что на «Седове» старшим механиком плавает Георгий Алексеевич!

— Ты что, у меня котлы чистишь? — спросил он.

Я смутился и даже забыл поздороваться.

— Эх, замазались-то как! Ну ничего, теперь чистите, а потом и сами будете плавать вот на таком ледоколе в Арктику,— подбодрил Георгий Алексеевич.— Пойдём ко мне в каюту, я велю чайку принести.

Каюта старшего механика была небольшая, но уютная и весёлая. На койке лежал баян. Я знал, что Георгий Алексеевич любил музыку. Нас удивили в каюте манометры — приборы для измерения давления в котле, точно такие же, какие мы видели в котельном отделении. Стармеху, чтобы знать давление в котлах, не нужно было даже выходить из своей каюты.

Мы сидели в каюте у самого старшего механика, пили с ним чай и затаённо ликовали: будет о чем рассказать ребятам с нашей улицы.

В дверь постучали, и в каюту широко шагнул высокий и плечистый усатый моряк.

— Это что у тебя за гости, Алексеич?

— Котлы у нас чистят,— ответил стармех.— Вот

этот мне родственником приходится. Знакомьтесь, Владимир Иванович!

Я встал, смущённый, и протянул руку.

— Ты что же, начальник пароходства или нарком, что капитану первым руку суёшь? — усмехнулся моряк и отрекомендовался: — Капитан Воронин.

Я ещё больше смутился. Капитан? Володя тоже вскочил. Мы так и стояли, немного испуганные, не веря своим глазам. Мы видели капитанов, но ни с одним не были знакомы.

Так я впервые увидел Владимира Ивановича Воронина, впоследствии на весь мир прославившегося своими походами на ледоколах «Сибиряков» и «Челюскин».

Потом я чистил котлы ещё на многих пароходах — на «Малыгине», на «Соловках», на «Софье Перовской» — и на буксирах. Всё это были корабли моего детства, и на них я впервые изучал корабельную науку. Но детство уходило.

Последним судном моего детства и первым в начинающейся взрослой жизни был ледокол «Владимир Русанов». На него я пришёл практикантом из морской школы. И на нём в первый раз вышел в море, в свой первый рейс.

Много было на «Русанове» бывалых и опытных моряков. И самым опытным среди них был ледовый капитан Борис Иванович Ерохин. Это о нём, о его смелости и выдержке писал друг Ерохина известный детский писатель Борис Житков.

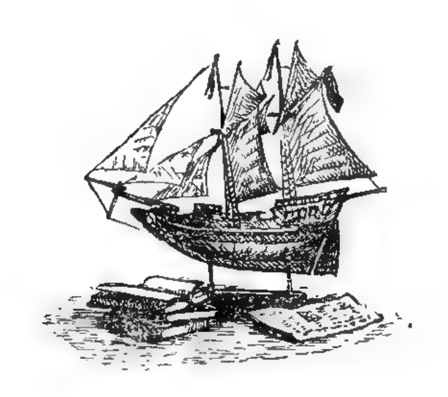
Своим примером капитан Ерохин воодушевил команду на подвиг при тушении горящего и готового взорваться у архангельского причала парохода, гружённого бертолетовой солью. «Горел не пароход, сам Ерохин горел,— сказал Житков.— Этим чувством был подпёрт его дух».

Далеко-далеко уплыли корабли детства. В жестоком морском бою героически погиб мой друг Андрей Семёнов, командир корабля, торпедированного фашистской подводной лодкой. По всему свету плавают

товарищи по морской школе, по старинной морской слободе Соломбале.

Уплыли корабли. Но чудесный и драгоценный груз оставили они мне. Это память о море, о заполярных рейсах, о полуночном солнце и новоземельских птичьих базарах, о далёких бухтах, рейдах и причалах.

Потому всегда так волнует меня время навигации, призывные корабельные гудки, приказы капитана порта.

СОЧИНЕНИЕ ПРО ЕРША

В первый день нового учебного года я встретил на улице своего юного друга — школьника Юру Капустина, страстного рыболова, отчаянного футболиста и любителя шахмат.

Юра возвращался из школы, и вид у него был печальный. Нужно сказать, что Юра с давних пор всегда делится со мной и радостями, и неудачами.

— Ты что такой грустный? — спросил я, надеясь подбодрить мальчика.— Двойку успел получить?..

— Ещё не получил, но получу.

— Как же так? — удивился я.— Не получил, а уже знаешь, что получишь. Сегодня-то уроки кончились, а к завтрашнему дню можно ещё подготовиться.

— Уроки кончились, но и сочинение уже написано и сдано.

Тут я всё понял. Ребята писали сочинение, а результаты будут известны завтра или послезавтра.

— Очень плохо написал? — спросил я. — Может быть, ещё хоть тройка будет. Рано горевать.

— Хотел написать много, а написал про одного ерша.

На бульваре мы присели на скамейку, и Юра рассказал мне о том, как он писал сочинение на тему «Как я провёл лето».

— Учительница Вера Ивановна нам сказала: «Не пишите обо всех каникулах, не описывайте каждый день, а выберите для сочинения самое главное, самое интересное, что произошло в вашей жизни за время каникул. Главное, чтобы было ярко и художественно». Я и подумал: «Ох, какое сочинение можно написать! Ведь столько интересного произошло за всё лето, столько я повидал! Рыбная ловля с папой. Мы с ним трёх огромных щук выловили, и окуни были, и подъязки, и сороги. Потом я ездил в пионерский лагерь. Там военная игра была и соревнования по лёгкой атлетике. Я одно первое и одно второе места занял. Потом я с мамой в Москву ездил. Были в Третьяковской галерее. С дядей Колей на футбол ЦСКА — «Динамо» ходили. Вот здорово было! А во Дворце пионеров я с мастером на шахматном сеансе ничью сделал. А здесь два раза на яхте катался. У нас ещё был поход по местам партизанской славы. Какое сочинение можно было написать! А написал только про одного ерша...

Юра замолчал, ещё больше пригорюнившись, а я спросил:

— Так почему всё-таки про одного ерша?..

— Я решил начать с рыбной ловли. Мы с папой на первую рыбалку ещё в начале июня ездили. Очень здорово. Знаете, какие щуки были! Этого нельзя было никак пропустить в сочинении. Долго я сидел и обдумывал, как начать. Потом стал писать: «Раннее весеннее утро. Золотистые лучи июньского солнца позолотили голубой небосклон...» Перечитал. Вначале понравилось, а потом подумал-подумал: утро весеннее, а солнце июньское. Июнь-то — уже лето. Потом пишу

о солнце, а в тот день, когда мы с папой поехали ловить рыбу, шёл мелкий дождь. Папа ещё сказал: «Ничего, не размокнем. Мы же с тобой мужчины! А в дождь иногда рыба ещё лучше клюёт». Зачем же, думаю, мне врать в сочинении про хорошую погоду! Я ещё раз перечитал. И так писать нельзя: «Золотистые лучи... позолотили...» Как Вера Ивановна говорит, масло масляное. Вот я всё и зачеркнул и решил начать всё снова.

Сижу, думаю. Вспоминаю, как начинал свои повести и рассказы Аркадий Гайдар. У меня его книга всегда с собой в портфеле. Вот, например, «РВС» начинается: «Раньше сюда иногда забегали ребятишки...», или «Четвёртый блиндаж»: «Колька и Васька — соседи». Просто и хорошо. И никаких золотистых лучей. Конечно, я знал: природу, пейзажи описывать нужно, но только как-нибудь по-новому. Тут я вспомнил ещё Николая Васильевича Гоголя. «А поворотись-ка, сын! Экой ты смешной какой!» Так начинается повесть «Тарас Бульба»...

И тогда я начал смело: «А ну, сынок, вставать да на рыбную ловлю ехать пора!» — разбудил меня ранним утром папа». И дальше легко пошло. Сижу вспоминаю и пишу. Вспомнил, как мы накануне червей искали и удочки готовили. Поплавки такие яркие, сине-красно-белые, на маленьких куколок похожие. Я так и написал. И как рюкзак собирали — это же целая экспедиция. Вспомнил, как у Пржевальского снаряжение описывается. Описал и я наше снаряжение. Утром я с разрешения папы отдал часть червей Славке Воробьёву. А то он тоже на рыбалку собрался, а червей не нашёл. Потом написал, как я (мы помогли соседям обмелевший катер стаскивать) в воду в одежде бухнулся. Папа сказал: «Задержались, зато доброе дело людям сделали». Всё это я тоже написал в сочинении. Описал поездку на катере, красивые берега Северной Двины, потом — узкую извилистую речку, где мы остановились, высокие сосны и ели, густые кустарники. И написал о том, как я волновался, в пер-

вый раз забрасывая удочку. Вначале не клевало. Я ждал, скучал, сердился... И вдруг как поплавок нырнул, вынырнул и глубоко-глубоко ушёл в воду. Я подсек и вытащил... маленького ёршика. А я думал, что окунь на полкилограмма. И в это время Вера Ивановна говорит: «Дети, через пять минут будет звонок. Заканчивайте писать и сдавайте тетради». Писал, писал, хотел о многом, а написал только про одного ерша. Сочинение про ерша! Ребята засмеют. И двойка обеспечена!

— Ничего,— сказал я, чтобы успокоить Юру.— Ещё Козьма Прутков сказал: «Нельзя объять необъятное!» Как бы ты обо всём этом на нескольких страничках написал? И про рыбалку, и про Москву, и про пионерский лагерь, и про футбол.

— Вера Ивановна велела написать про главное и художественно,— возразил Юра.— А я про ерша!

— Ничего,— повторил я.— Важно, как написать. Чехов о чернильнице и о пепельнице рассказы писал.

Учительницу русского языка и литературы я хорошо знал и вечером зашёл к ней домой.

— Один ваш ученик очень беспокоится,— сказал я.— Написал сочинение и боится, что получит двойку.

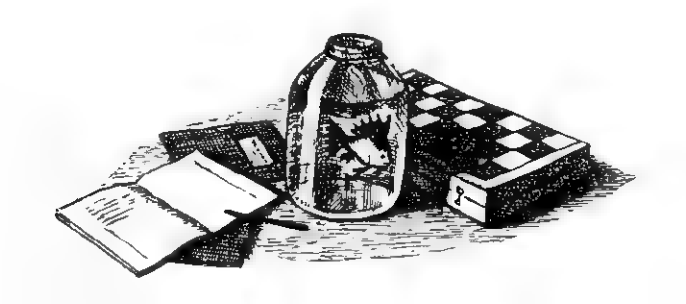
— Это кто же?

— Юра Капустин.

— Капустин? — удивилась Вера Ивановна.— Да у него же самое лучшее сочинение во всём классе.

Я раскрыл тетрадь Юры Капустина, открыл страницу, на которой заканчивалось сочинение, и увидел крупную красную цифру отметки: 5.

«Вот вам и сочинение про ерша!» — подумал я с радостью за своего юного беспокойного друга, за его успех в новом учебном году.

ЭКИПАЖ БОЦМАНА РЯБОВА

Моим юным друзьям —
Игорю, Оле и Инге.

Где потомки знаменитого кормчего?..

Великие даты нужно запоминать и записывать. Потом их будут высекать на мраморе и граните, бережно хранить в истории.

Руководствуясь этой мудрой мыслью, школьник Вяча Полянкин записал в своей новенькой книжке-блокноте: «1973 года июня 7-го в 2 часа 25 минут пополудни на острове Соломбала произошла знаменательная встреча...»

За три дня до этой записи отец подарил Вяче отличную книжку-блокнот в голубой обложке. Три дня книжка оставалась чистой, если не считать имени и фамилии её владельца, каллиграфически начертанных в правом верхнем углу на первой странице.

В школьном дневнике и тетрадях ученика Вячес-

лава Полянкина отметки были самые разнообразные. По всем предметам, кроме истории. По истории у него всегда сияли твёрдые и гордые пятёрки. Они не просто сияли в журнале, они сияли на всю школу, потому что от первоклассников до директора все знали: Полянкин влюблён в историю. А одноклассник Серёжка Зноев насмешливо называл Вячу летописцем Нестором. Сам-то Серёжка о Несторе знал лишь понаслышке. И вообще, по мнению Вячи, Зноев был из тех людей, которые думают, что вся история берёт начало со дня их рождения.

Кто знает, рассуждал Вяча Полянкин, не сделай я такую запись, может быть, произошла бы непоправимая ошибка, непростительное упущение. Тогда лет через триста или пятьсот люди читали бы в энциклопедиях об этом событии: «Дата встречи неизв.» (это значит «неизвестна») или «ок. (это означает «около») 1950—2000 гг.».

Вот, например, упоминается в нынешней энциклопедии какой-нибудь древний философ, учёный, полководец, зодчий или стихотворец. И всё в энциклопедии о нём есть: строил пирамиды, храмы или крепости, лепил бюсты полководцев, изобретал колесницы и камнеметательные машины, совершал походы, открывал новые земли и острова, завоёвывал чужие страны, писал оды и сонеты. А когда родился, умер или встретился с другим великим, опять «неизв.» или «ок.».

Имя древнегреческого математика и механика Архимеда сверкает в мировой истории. Это имя знакомо каждому шестикласснику. Законы Архимеда живут тысячелетия. Это он изобрёл рычаг и сказал: «Дайте мне точку опоры, и я сдвину Землю».

Легенда гласит: царь Гирон собрал много рабочих, чтобы спустить на воду большой корабль. Но корабль был велик, и рабочие ничего не смогли сделать. Появился Архимед и сказал: «Вот тебе, владыка, конец верёвки. Потяни её!» Царь потянул за конец, и корабль легко сошёл на воду.

Тогда, более двух тысяч лет назад, это показалось невероятным чудом. А сейчас наш шестиклассник усмехнётся и скажет: «Что ж тут особенного! Архимед изобрёл полиспаст — систему блоков. Конец верёвки от этого полиспаста он и подал царю».

Мы знаем законы Архимеда и часто пользуемся его механизмами. Велик был сиракузский учёный, а о его рождении и смерти в энциклопедии написано: «ок. 287—212 до н. э.» (до н. э. означает «до нашей эры»). Люди не записали даты, и потому мы теперь точно не знаем, когда Архимед родился и когда в родном городе Сиракузах римляне его убили.

Так рассуждал школьник Полянкин, делая первую запись в новой книжке 7 июня 1973 года.

А вообще-то день 7 июня 1973 года был самый обычный. Солнце взошло точно по календарю — в 3 часа 48 минут и закатилось тоже без опоздания — в 21 час 09 минут.

В тот день рано утром Вяча Полянкин, запыхавшись, прибежал к своему другу Антоше Прилучному и закричал:

— Эврика!

Известно, что это слово прокричал Архимед, открыв свой знаменитый закон. Слово означало «нашёл», «открыл».

Вяча потрясал какой-то газетой и ещё раз ликующе крикнул:

— Эврика, Антон! Эврика!

— Что ты открыл? — спросил всегда спокойный и всегда уравновешенный Антон.— Что ты нашёл?

Антоша был занят конструированием радиоприёмника совершенно нового типа, и вторжение Полянкина его сейчас совсем не обрадовало, хотя они и были закадычными друзьями.

Комната, в которой занимался своим делом Антоша, представляла собой что-то среднее между мастерской, корабельной радиорубкой и маленькой электростанцией. Её опутывали разной толщины и разных расцветок провода. Небольшой пульт с приборами и

рубильниками был укреплён на стене. В углу стоял верстак с маленькими параллельными тисочками. Над верстаком, тоже на стене, в аккуратном, почти симметричном порядке были развешаны слесарные и столярные инструменты. Антоша был одержим техникой, изобретательством и конструированием.

— Ну что? — нетерпеливо переспросил он.— Узнал, когда родился Наполеон?..

— Сам ты Наполеон! — огрызнулся Вяча.— Наполеон родился пятнадцатого августа тысяча семьсот шестьдесят девятого года. А ты посмотри! Читай! Или нет, давай вместе почитаем. Ты знаешь, кто такой Иван Рябов?

— Ещё бы не знать! Я здесь, в Архангельске, родился. Иван Рябов — лодейный кормщик, который спас наш город.

Антоша сел на диван и развернул газету. Вячеслав пристроился рядом. И друзья прочитали в газете о том, что в ближайшее время в Архангельск выезжает киносъёмочная группа и будет снимать новый художественный исторический фильм под названием «Сказание об Иване Рябове».

Иван Рябов...

В честь Ивана Рябова назван большой океанский корабль. В Архангельске есть улица имени славного помора. Здесь все жители от мала до велика знают о подвиге отважного русского человека, который жил у Белого моря во времена Петра Первого и которого называют северным Сусаниным.

Тогда шла война со Швецией. Вражеская эскадра вошла в Белое море в надежде захватить Архангельск. На взморье шведы взяли в плен молодого русского рыбака Ивана Рябова и под страхом смерти приказали ему вести свои военные корабли по Северной Двине к городу. Подумав, отважный и смекалистый помор согласился, но повёл чужеземные корабли не по фарватеру, а посадил их на мель под огонь пушек русской Новодвинской крепости. В бою под крепостью шведы потеряли фрегат, большую яхту,

много оружия и знамёна, которые оказались трофеями русских. Потерпев поражение, незадачливые захватчики позорно бежали. Так, благодаря бесстрашию простого русского помора, был спасён город Архангельск.

Ещё во время боя враги расстреляли на палубе Ивана Рябова и его товарища Дмитрия Борисова. Но Иван не был убит. Раненный, он упал и притворился мёртвым. Покидая корабль, шведы не заметили этого, и Иван Рябов после их бегства спасся.

— Эх,— вздохнул Вяча Полянкин,— вот знаем мы, когда Иван Рябов совершил свой подвиг, а когда он родился, где и когда умер, опять «неизв.», как сказано в энциклопедии.

Прочитав в газете заметку о кинофильме, мальчики долго молчали. Потом они снова перечитали заметку.

Наконец Антоша сказал:

— Это же здорово! К нам приедут кинорежиссёры и кинооператоры.

— И киноактёры,—добавил Вяча.—Конечно, здорово! Я ещё никогда не видел, как снимают фильм.

— Нужно узнать, когда они приедут. И тогда посмотрим.

— А где мы узнаем?

— Давай позвоним в редакцию,— предложил Антоша.

— Так ведь газета московская. Куда позвонить?

— Мы сходим в музей. Может быть, там знают.

— Эврика! — воскликнул Вяча.— Это правильно—музей. А ещё, Антон, вот что. Мне кто-то говорил, что в Архангельске живут потомки Ивана Рябова. Это, наверное, какие-нибудь праправнуки, а всё равно потомки. Ведь есть же в Архангельске потомки Пушкина, и их знают. А нам теперь нужно найти потомков Ивана Рябова! Приедут кинорежиссёры и удивятся. Будут снимать Ивана Рябова, а рядом с ними — живой потомок героя...

— Где же их найдёшь, твоих потомков? — усмехнулся Антоша.

— Не моих, а Рябова. Нужно пойти в адресное бюро и там узнать, где живут какие-нибудь Рябовы.

— А если их сто? Как узнаешь, потомки они или не потомки? Может быть, они и сами этого не знают.

— А мы узнаем,— упрямо сказал Вяча.

Мальчики ещё дважды перечитали заметку о приезде кинематографистов.

— Не будем терять времени, Антон. Одевайся! Поедем в адресное бюро.

На улице ребятам встретился их одноклассник Ян Эрмуш, сын капитана дальнего плавания. В одной руке он держал маленький транзистор.

— А я к тебе, Антоша,— сказал смущённо Ян.— Вот транзистор почему-то замолчал. Посмотри, пожалуйста!

— Не до транзисторов сейчас! — решительно заявил Полянкин.— Мы идём разыскивать потомков Ивана Рябова!

Ян Эрмуш был внуком эстонского портового рабочего, который ещё в первую мировую войну приехал в Архангельск. Когда в восемнадцатом году американские, английские и французские войска захватили город, большевик Эрмуш остался в подполье. Но интервенты выследили и схватили его, а потом вместе с другими подпольщиками расстреляли на Мхах.

Ян родился через сорок лет после гибели деда. Отец его редко бывал дома. На своём огромном океанском теплоходе он надолго уходил в заграничные рейсы, в далёкие европейские и африканские порты. Ян походил на отца. Светловолосый, молчаливый и застенчивый, он был крепким и сильным. Гимнаст и яхтсмен, он оживлялся лишь тогда, когда разговор заходил о спорте.

Вяча Полянкин совсем не ожидал, что Ян может войти в их содружество по поискам потомков Ивана Рябова. Но, узнав, зачем нужны потомки знаменитого кормчего, Ян удивил друзей.

— Я знаю, где живёт один Рябов. Он с отцом плавал. Боцманом.

— Знаешь, где живёт Рябов?—недоверчиво спросил Вяча.— Так чего же ты молчишь?

— Я не молчу, я говорю: знаю, где живёт боцман Рябов, который плавал с моим отцом.

— Так пойдём скорее к нему!

— Пойдём,— согласился Ян. - Только это далеко, в Соломбале.

— Хоть на Северном полюсе. Пойдём!

Спустя пять минут ребята уже ехали в автобусе в сторону Соломбалы.

Боцман Рябов

Вскоре они стояли перед одноэтажным трёхоконным домом на тихой окраинной улочке.

Это был дом, каких множество на улицах Соломбалы. Во дворе за забором на ветвях молодых тополей робко проступала зелень будущей листвы — лето запаздывало. Слышалось прерывистое повизгивание пилы. Из глазка-отверстия в крашенной охрой калитке свисал кончик тонкой верёвки с узелком.

Подталкивая друг друга, мальчики в нерешительности поглядывали на окна с белыми полотняными занавесками.

— Открывай, Ян! — сказал Вяча.

— Нет, Вяч, лучше ты.

— Так ведь ты его знаешь, этого Рябова.

— Я не знаю его. Его знает отец.

— Эх,— махнул рукой Вяча и дёрнул верёвочку. Звякнула щеколда, и калитка открылась. Вяча Полянкин шагнул во двор, за ним вошли Ян и Антоша.

— Эге! Чего вам нужно?

Худенький белобрысый мальчуган удивлённо уставился большими синими глазами на пришельцев. Он стоял перед козлами и держал в руках пилу-лучковку. На козлах лежала толстая чурка.

— Мы к товарищу Рябову,— смелея, сказал Вяча и вдруг отступил.

Из конуры, что стояла в глубине двора, выскочили две собаки — огромная, похожая на волка, рыжеватая лайка и неопределённой породы мохнатый комочек из тех, которых зовут кабысдохами. Обе сделали выжидательную стойку и угрожающе рычали.

— Юнга! Адмирал! На место!

Собаки, неохотно повинуясь, вернулись к конуре и улеглись на траве, не очень дружелюбно поглядывая на незнакомцев.

— Дядя Степан скоро придёт,— сказал мальчуган, откладывая пилу.— Зачем он вам?

— Надо. А ты его сын?

— Какой же я его сын, если дядей зову. Племянник я.

— А ты не знаешь, он не потомок того Рябова?

— Какого ещё того? Он сам Рябов.

— Ивана.

— Он сам Иванович. Значит, сын Ивана.

— Да нет, тот Иван Рябов — кормчий. Он при Петре Первом жил. И ещё Архангельск спас. Степан Иванович — не потомок его?

— Потомок... наверное,— неуверенно сказал племянник Рябова.— Вы садитесь и ждите. А мне некогда, нужно напилить дров до прихода дяди.

— А ты тоже Рябов? — поинтересовался Вяча.— Как тебя зовут?

— Не, я не Рябов. Фамилия моя — Трапезников. Дед у меня из Поморья. А зовут меня по-разному: отец — Георгием, мама — Юрой, бабушка — Егорушкой, а дед — Егором-Беломором.

— Егором-Беломором? — повеселел Вяча. — Вот и мы тебя будем так звать. Дядька Беломор... Вот здорово! А меня зовут Вяч. Вячеслав, значит. Дело у нас историческое. Расскажем — ахнешь!

— Ладно, не мешай,— отмахнулся Егор-Беломор, которому надоела болтовня Полянкина.

— А никто тебе и не мешает. Пили себе.

Егор ничего не ответил и продолжал пилить.

— Адмирал — это тот, здоровый, да? — нашёл новую тему для разговора Вяча.— Это лайка, я знаю. Лаек любил адмирал Макаров.

— Ничего ты не знаешь.— Егор опять отложил пилу.— Адмирал — это который маленький, беспородный. А у большого пса кличка Юнга.

Ребята даже не поверили: как же так — малыша зовут важным именем Адмирал, а большого пса кличут Юнгой.

— Забавно,— сказал Антоша.

— Это специально, чтобы было забавно,— подтвердил Егор.— Дядя Степан — весёлый. И он всё умеет, что хочешь смастерит.

— Ну что, например? — полюбопытствовал Антоша.

— Я же сказал: всё, что захочешь!

— А вот космический корабль ему не построить,— язвительно ввернул Вяча.

— Сказал тоже! Да разве один человек может построить такой корабль? Его, может, сотни учёных, инженеров и рабочих строят. Дурень ты, Вяч, как я погляжу.

— Ладно, не спорьте,— примирительно сказал Антоша.— А в приёмниках Степан Иванович разбирается, не знаешь?

— Не знаю, может, и разбирается. У них тут и приёмник и телевизор есть. Каждый день кино смотрим.

— А ты какие картины любишь смотреть? — спросил Вяча.— Исторические любишь?

— Я всякие люблю. А больше всего знаете что я люблю?

— Смотреть футбол, да? — наконец вступил в разговор Ян.

— Не-е. Я люблю не смотреть, а рыбу ловить.

— Рыбная ловля—это тоже спорт,—заметил Ян.

— Спорт? — рассмеялся Егор.— Мой дедушка рыбу ловит — и он спортсмен, что ли? Дедушке уже семьдесят лет...

— А чем он ловит?

— А всем: неводом, сетями, рюжами.

— Ну тогда он не спортсмен,— со знанием дела сказал Ян.— Спортсмены ловят рыбу спиннингом или просто удочкой. Где же твой дедушка сетями ловит? Это же запрещено!

— Мой дедушка в Поморье живёт. А рыбу ловит в море. И на озёрах с колхозной бригадой.

— Тогда другое дело. Это, конечно, не спорт. Это промысел.

Егор вдруг спохватился и снова принялся за лучковку.

— Когда же Степан Иванович придёт? — спросил Антоша, взглянув на наручные часы.

Егор с уважением посмотрел на Антона.

— Он скоро должен быть. Судно своё «Буревестник» сдаёт на слом. Старое уже судно, а жалко. Красивое, большое, парусное.— Егор по-взрослому тяжело вздохнул.— А у тебя часы откуда? Подарили?

— Просто дома валялись. Их в мастерской ремонтировать отказались. А я взял и отремонтировал.

— Сам? — недоверчиво спросил Егор.

— Он даже приёмники ремонтирует,— не удержался Вяча.— И не только ремонтирует, а кон-струирует! Это тебе не рыбу ловить.

Егор ещё что-то хотел спросить, но в это время брякнула щеколда, калитка отворилась, и во двор вошёл бородатый человек в парусиновой куртке, в фуражке с маленьким козырьком и в высоких сапогах. Борода у вошедшего была не большая — лопатообразная, и не маленькая — клинышком, а средних размеров — поморская борода.

Ребята сразу догадались, что это вернулся домой хозяин, боцман «Буревестника» Степан Иванович Рябов.

— Дядя Степан! — закричал Егор и бросился навстречу пришедшему.

За ним, уже не обращая внимания на незнакомцев, стремглав понеслись Юнга и Адмирал.

Так встречают только очень дорогого и желанного человека.

— Ого, да у тебя, никак, гости, Егорушка! — обняв за плечи племянника, весело сказал Степан Иванович.

— Они не ко мне, а к тебе.

— Ко мне? — удивился Степан Иванович и оглядел ребят.— Ну что же, гостям всегда рады. На пеньковом канате четыре узла. Вас четверо, прибавьте боцмана, пять пишем, капитан в уме. Это такая у меня поговорка. Добро!.. Юнга, Адмирал, на место!

Вероятно, в душе проклиная пришельцев, которые лишили их приятной встречи с хозяином, собаки поплелись к конуре.

— Скажите, вы не потомок...— начал нетерпеливый Вяча.

— Да подожди ты! — одёрнул его Антоша.

— Боцман Рябов, хозяин палубы трёхмачтовика «Буревестник»! — сказал Степан Иванович, пожимая ребятам руки.— В дом пойдём или здесь потолкуем? Пожалуй, здесь лучше. Егорушка, скажи тёте Ирише, пусть кваску кувшин нальёт.

Егор ушёл домой, а Степан Иванович пригласил мальчиков присесть за стол, что стоял под тополем. Рядом с тополем росла седая замшелая берёза, похожая на древнюю старуху. И тут же, словно внучка к бабушке, протягивала к ней свои ярко-зелёные, нежные ветви совсем юная, чистая и свежая белоствольная берёзка.

— Юнга,— крикнул боцман.

И пёс вмиг подбежал к столу.

Рябов снял фуражку, подал Юнге и приказал:

— Отнеси домой!

Юнга осторожно взял фуражку зубами, взбежал на крыльцо и скрылся за дверью, легко открыв её передними лапами.

Всем трём друзьям боцман сразу же понравился.

«Весёлый,— подумал Вяча.— Конечно, это прямой потомок Ивана Рябова».

«Какие у него руки! — размышлял Антоша.— Прав, конечно, Егор, эти руки многое умеют делать».

А Ян глядел на крепкую фигуру боцмана и думал: «Пожилой уже, а сразу видно: и парус легко поднимет и в гребле молодым не уступит».

— Ну, так по какому делу понадобился вам боцман Рябов? — прервал раздумья гостей хозяин.

Так «...на острове Соломбала произошла знаменательная встреча...» — как об этом записал Вячеслав Полянкин.

Соломбала

«На острове Соломбала произошла знаменательная встреча...» А что это за Соломбала такая? — может быть, не без усмешки полюбопытствует иной читатель. Да так, конечно, не ахти что, но и не очень местечко безвестное. Знающий старожил-соломбалец может не без гордости сообщить вам, что о Соломбале писали литератор-декабрист Бестужев-Марлинский, великий русский поэт Николай Алексеевич Некрасов, выдающийся советский романист Алексей Толстой и писатель Вениамин Каверин в своих «Двух капитанах».

Внимательно приглядитесь к старому боцману Степану Ивановичу Рябову, и вам не нужно будет знакомиться по крайней мере с половиной взрослого населения Соломбалы. Коренные соломбальцы — мореходы, кораблестроители и судоремонтники — прожили большие и разные жизни, но у них у всех много общего.

Если присесть поближе к огню, если впереди длинный и тихий вечер, о моряках-соломбальцах можно услышать немало занимательных историй. И будьте уверены, рассказы соломбальских капитанов и механиков, матросов и кочегаров, шлюпочных мастеров и судовых корпусников окажутся не скучнее стивенсоновских. Если нужно, будут и штормы и кораблекрушения, морские сражения и плавание на обломках

мачт и на льдинах — словом, самые необычайные приключения.

Старики в Соломбале мудры, степенны и общительны. Многие из них, плавая, повидали полсвета, дальние моря и чужеземные страны. Судоремонтники ещё в детстве помогали своим отцам шить карбаса и шлюпки ивовой вицей, а в первые годы стахановского движения ставили на электросварке мировые рекорды. Даже незнакомые между собой, старые соломбальцы, встречаясь, приподнимают фуражки в знак приветствия, иногда останавливаются и начинают разговор о рыбалке, об окраске сетей, об остойчивости поморских карбасов и корабельных шлюпок, о далёком былом.

Соломбальские женщины веселы и говорливы. И случись какое-нибудь событие, через полчаса уже вся Соломбала знает об этом. А Соломбала теперь не так уж мала. Хотя жительницы морской слободы и сейчас редко пользуются телефоном, они могут соперничать с самыми совершенными средствами связи.

И мальчишки в Соломбале и такие же, как всюду, и не такие. Все они отличные пловцы и заядлые рыболовы. Все влюблены в море и речные просторы, в корабли и в свои маленькие посудинки — моторные катерки и лодки, шлюпки, карбаса и самодельные байдарки.

Запахи недалёкого моря овевают морскую слободу Соломбалу. Улицы здесь тихие, и многие из них густо зарастают травой. Всюду из-за заборов смотрят мелколистные застенчивые тонкие берёзки, высокие стройные тополя, осыпающие тротуары и дорогу обильным пухом. Чуть ли не у каждого дома красуются черёмухи, рябины, кусты смородины и малинника. Только на главной улице, идущей от реки Кузнечихи и судоремонтного завода, шумно и оживлённо. Грузовые и легковые машины и автобусы мчатся в ту и другую сторону.

Узкая речка Соломбалка — канал, прорытый ещё по приказу Петра Первого,— заполнена катерами и

лодками самых разнообразных размеров, форм и расцветок.

В затоне, в доках и у причалов судоремонтного завода стоят пароходы, теплоходы, буксиры, катера. Трубы и мачты их видны издалека. Неистовый треск пневматической клёпки, компрессорные выхлопы, грохот отгружаемого листового железа — весь этот шум незнакомому человеку может показаться шумом разрушения, а на самом деле это шум созидания и восстановления.

Таков остров, на котором произошла «знаменательная встреча» боцмана Степана Ивановича Рябова с юными друзьями Вячей Полянкиным, Антошей Прилучным и Яном Эрмушем.

— Ну, так по какому делу понадобился вам боцман Рябов? — спросил Степан Иванович.

— Вы слышали об Иване Рябове? — смущаясь, спросил Антоша.

— Который при Петре Первом спас Архангельск,— поспешил разъяснить Вяча.

— Кто же о нём не слыхал! — улыбнулся Степан Иванович.

— А вы ведь тоже Рябов... Вы, случайно... не потомок его?

Вопрос рассмешил боцмана.

— Да кто ж его знает, потомок я или не потомок. Никогда не думал об этом и не выяснял. Знаю только, что кормчий Рябов не был графом. И я тоже — не граф и не князь. Это только графы и князья свою родословную знали и помнили. На Севере Рябовых хоть не пруд пруди, а всё же фамилия такая частенько встречается. Да к чему вам это?

Ребята наперебой принялись рассказывать Степану Ивановичу о кинофильме, показали газету и стали объяснять, для чего они ищут потомков Рябова.

— Ясное дело, дядя Степан — потомок,— сказал, незаметно подойдя, Егор, которому очень хотелось, чтобы его дядя оказался потомком знаменитого кормщика.

— Это не так важно, ребятки,— сказал Степан Иванович.— Архангельск-то спас Иван Рябов, а не потомки. Только разве интересно узнать, что его потомки теперь делают, достойны ли они своего знаменитого предка.

Егор поставил на стол ведёрко с квасом и кружки.

— А вот скажу я вам, что раньше слышал.— Степан Иванович разлил квас и подвинул кружки мальчикам.— Где-то будто бы сохранился кафтан Ивана Рябова. Царь Пётр ему кафтан пожаловал со своего плеча за верную службу отечеству. А кафтан с царского плеча в то время был самой большой наградой. Орденов и крестов тогда ещё не давали.

— А первый орден Пётр и учредил,— сказал Вяча.— Орден Андрея Первозванного... Ого, ребята, нужно искать не потомков, а кафтан Ивана.

— Может быть, этот кафтан как раз у потомков и хранится,— высказал предположение Егор.

— Значит, потомков и нужно искать! — заметил Антоша.

А Степан Иванович продолжал рассказ:

— Приезжали сюда из Москвы учёные. Они тогда ещё из Архангельска домик Петра увезли. Искали и кафтан Ивана Рябова, да, кажется, не нашли. А в том кафтане, говорят, будто бы петровская благодарственная грамота спрятана была.

Мальчики с изумлением слушали боцмана. Кафтан Ивана Рябова, да ещё петровская грамота! Нет, Вяча Полянкин такое упустить не мог. Это же история! Это же исторические реликвии, которым и цены нет. Искать, искать!

Вяча так и заявил:

— Будем искать кафтан Ивана Рябова! За это нам будут благодарны наши потомки!

— А я завтра к дяде Степану на «Буревестник» поеду,— сказал Егор, которого мысль о поисках кафтана знатного кормчего не слишком увлекала.

— А нам можно? — спросил Антоша.

— Приезжайте, все вместе и приезжайте! — при-

гласил боцман.— Покажу вам свой парусник. А то его скоро на слом. Добрая была посудина — трёхмачтовая! Приедете — там и решим: может быть, вместе и за поиски кафтана примемся. Боцмана «Буревестника» на пенсию собираются провожать. Время теперь будет. Приезжайте!

На этом и договорились.

На „Буревестнике“

Главным в этой поездке был, конечно, Егор. Во-первых, боцманом на «Буревестнике» был его дядя. И во-вторых, только Егор знал, куда нужно ехать.

Встретились ребята на пристани пригородного сообщения, где к берегу Северной Двины выходит знаменитая в Архангельске улица Поморская.

— За мной! — скомандовал Егор, когда Антоша купил в кассе билеты на теплоход.

По правде сказать, Вяче Полянкину не очень нравилось подчиняться маленькому Егору-Беломору, но ничего не поделаешь... И Вяча нехотя потянулся за Егором. За ним двинулся Ян. Антоша замыкал шествие. Это было вопреки всяким правилам: левофланговый, самый маленький, следовал в голове «колонны», а правофланговый, самый высокий, замыкал её.

Небольшой белый пассажирский теплоход издали казался игрушечным. Но на самом деле он был не такой уж маленький.

И на теплоходе Егор продолжал вести себя начальственно. Когда он сказал, что нужно идти на корму, Вяча воспротивился:

— Не командуй! Ростом ещё не вышел.

— Эх, ты! — укоризненно сказал Егор.— Хвастаешься, что знаешь историю... Забыл, что полководец Суворов был маленького роста?

Вяча захохотал:

— Сравнил! Великий Суворов и Егор-Беломор! Что ты с кормы увидишь? А там всё видно!

И он пошёл на нос.

Но Антоша и Ян двинулись за Егором на корму.

Северная красавица Двина у Архангельска раздольно широка и по-русски величава. Полтора километра от берега до берега — редко где на других реках увидишь такой простор! В штормовую погоду на Двине не только на катере или на шлюпке, но даже на небольшом буксирном пароходе небезопасно. Зато в штиль река как-то по-особому ласкова: она словно дремлет. Но и тогда чувствуется её богатырская мощь, её могучее дыхание. А при отливе течение бывает такое стремительное, хотя издали почти незаметное, что против него в две пары вёсел не выгребешь.

Да, чудесна Северная Двина при всякой погоде! Но особенно она хороша тихими летними вечерами перед закатом солнца.

Когда теплоход неторопливо отвалил от причала, внимание пассажиров привлекла чайка.

На всех морях, на всех реках есть чайки. Плавный, будто бы задумчивый, полёт их словно гипнотизирует. Чайка в полёте, вероятно, одна из самых красивых птиц.

Чайка над теплоходом спокойно совершала круг над рекой. Порой птица прекращала свой и без того медлительный полёт и замирала в воздухе. И это завораживало, казалось чудом.

Сидя на носовой скамейке, или, как говорят моряки, на банке, Вяча смотрел то на чайку, то на корму, на своих друзей. Они там о чём-то запальчиво спорили. Но о чём?..

Вяча опять посмотрел на чайку. Она кружила над теплоходом и, казалось, жаловалась на своё одиночество. И Вяча, к которому редко приходила грусть, понял, что он сейчас, как эта чайка, одинок, только по своей вине.

Северная Двина напряжённо трудилась. По фарватеру шёл огромный иностранный океанский лесовоз, но Вяча даже не посмотрел на его кормовой флаг, не поинтересовался — норвежец это, голландец или швед. Раздувая перед собой и по бортам пенистые

усы, пронёсся быстроходный катер. Грациозно накренив косой, наполненный лёгким ветром парус, скользила по реке белобокая яхта. Но и этой красоты Полянкин словно не замечал.

Он уже хотел перебежать к друзьям на корму, но раздумал и решил ждать пристани. Ему показалось, что он устал, и он прикрыл глаза.

С закрытыми глазами он видел Студёное море, как в былые времена называли море Белое. На море — поморские кочи и лодии, отправляющиеся к далёкому полярному острову — батюшке Груманту. Так раньше называли Шпицберген. Видел корабль англичанина Ричарда Ченслера, первое иностранное судно на Беломорье, и с позором посаженные на мель у Новодвинской крепости корабли шведских пиратов. Он видел гордые фрегаты и торговые суда Петра Первого. Ему чудился маленький двухмачтовик «Святой Фока», на котором Георгий Седов из Архангельска устремился к Северному полюсу. А потом представилась революционная «Аврора», дважды побывавшая на здешних рейдах.

Когда теплоход причалил к пристани, Вяча без трапа, первым, спрыгнул с борта и, поджидая друзей, принял независимый вид.

— Теперь куда? — спросил он как ни в чём не бывало.

Егор насмешливо взглянул на Вячу и, обращаясь к Антону и Яну, сказал:

— Пойдёмте!

Но Вяча почувствовал: ему простят. Дружба наладится.

Сначала шли по берегу мимо небольшой деревеньки. А дальше берег был пустынным.

Песчаная полоса тянулась от воды метров на пятьдесят. Ещё дальше угадывалась кочковатая болотина, поросшая редким и низкорослым кустарником. И совсем далеко-далеко вправо густо синели сумрачные хвойные леса. Места те были озёрными. Водилась тут в изобилии лесная и водоплавающая птица. Езди-

ли туда охотники и рыболовы да знатоки лесных троп — грибники.

А песчаный низкий берег был давно облюбован мальчишками. Они приезжали сюда на лодках, разжигали костры и чувствовали себя здесь вольготно. В солнечную жаркую погоду ребята целыми днями купались или ловили на удочки подслеповатых колючих ершей. Кроме ершей, пескарей да несъедобной колюшки, на чистых песчаных местах никакой рыбы не водилось. Редко-редко, случалось, попадала на крючок неосторожная сорожка.

Друзьям пришлось ждать лодку, кричать: «Перевоз!»

Лодочником оказался парнишка, пожалуй, младше Егора. Когда лодка пристала к берегу и Антоша спросил: «Сколько с нас?» — он ответил: «По три копейки. Как у вас в трамвае».

Антоша протянул лодочнику пятнадцатикопеечную монету. Тот спокойно взял деньги, порылся в карманах и протянул Антону сдачу — девять копеек.

— Почему девять? — спросил удивлённо Антоша.— Нас четверо. Считать не умеешь?

— Двое гребли,— равнодушно ответил парнишка.— Кто гребёт, мы с того не берём.

— Чудак,— сказал Антоша.— Забирай себе на мороженое.

Но парнишка даже побледнел и стал заикаться:

— Я раб-ботаю. Мне лишних ден-нег не надо. Вылезай!

Ребята вылезли из лодки, и перевозчик озабоченно занялся в лодке какими-то делами. На своих пассажиров он уже не обращал ни малейшего внимания.

Высокие мачты «Буревестника» ребята увидели издали, ещё с лодки. И вот парусник перед ними во всём своём картинно-романтическом великолепии.

Он был стар, но выглядел красавцем, этот трёхмачтовый морской странник. Для плавания он уже не годился. И не только потому, что его корпус состарился, а потому, что самые разнообразные машины —

умные, мощные, безотказные — давно заменили в основном флоте не всегда надёжные паруса, которые остались лишь на спортивных и прогулочных яхтах.

После того, как со старого судна списали всю команду, для него уже не находилось места у портовых причалов. Его отбуксировали за острова и поставили на якорь у дальнего, густо поросшего ивняком, песчаного берега. Парусник был приговорён к слому и ожидал своей горестной участи. Оставался на «Буревестнике» для охраны лишь один боцман — Степан Иванович Рябов.

Но хотя команды на паруснике не было, на его палубе, на мостике, в каютах и кубриках, даже в трюмах, царил безукоризненный порядок. Старый боцман не только мыл, чистил, драил, он ремонтировал, подправлял, подкрашивал на судне всё, что приходило в ветхость, ломалось или портилось от непогоды.

Обычно боцман на судне считается хозяином палубы. Боцман Рябов теперь был хозяином всего «Буревестника». Боцман на судне — старший среди матросов. Степан Иванович теперь был старшим только над собой. Боцман прежде всего должен знать плотницкое и малярное дело. Рябов был не только опытным маляром и плотником, но и искусным столяром, умелым жестянщиком. Он уже давненько научился без помощи машинистов ремонтировать лебёдку и брашпиль — якорную машину, мог самостоятельно заменить электропроводку. И если бы на судне, на котором плавал боцман Рябов, случайно не оказалось кока—судового повара, команда без обеда или без ужина не осталась бы. Плавать Степан Иванович начинал камбузным мальчонкой, и тогда его звали просто Стёпкой.

Нет, Егор совсем не хвастался, что его дядя всё умеет. Боцман Рябов был из тех людей, о которых говорят: «Золотые руки».

За кормой «Буревестника» чуть заметно покачивался шестивесельный ял, а у борта под штормтра-

пом пританцовывала лёгкая палубная шлюпка. На палубе парусника никого не было, но откуда-то слышалось металлическое погромыхивание.

— Мастерит чего-то дядя Степан,— сказал Егор и закричал: — Эй, на «Буревестнике»!

Полминуты спустя мальчики увидели боцмана. Он помахал рукой и стал ловко спускаться по штормтрапу в шлюпку. А ещё спустя десять минут боцман и его юные друзья были на борту парусника.

— Ну вот, на моём корабле опять есть экипаж! — весело сказал боцман.— А что? Добрая команда, ничего не скажешь. Четыре матроса да боцман, пять пишем, капитан в уме. Я считаю большинство мальчишек до определённого возраста личностями выдающимися. А для нашего яла по судовой роли полагается пять матросов. Как быть?

— Пятого найдём,— заверил Антоша.— Желающих сколько угодно. Я вам обещаю, Степан Иванович!

— Ладно, Антон. Слово дал — держи! «Буревестник» на днях на слом, а боцман — в отпуск, а может быть, и на пенсию. Тогда займёмся ремонтом и оборудованием яла. Ремонтная ведомость простая. Она у меня вся в голове. У нас будет установка тентовых стоек. В любое время сможем накрыть нашу посудину, крышу над головой устроить на случай непогоды. Потом ремонт мачты и установка бушприта, словом, рангоут. Парус есть, сошьём ещё стаксель. Полная окраска — и в плавание!

И вот ремонт начался. Под началом боцмана ребята установили на берегу ручную лебёдку и вытащили ял. Судёнышко сразу же было цепко схвачено заранее подготовленными брусчатыми стапелями.

— Работай весело! — подбадривал Степан Иванович.— Не получается — не унывай, начинай снова! Ещё раз не вышло — не унывай, начинай снова и продолжай. Надоест работе упрямиться — и тогда

всё получится. За три мили обхожу унылых. Где уныние, там нет доброй работы. Будет трудно — улыбнись. И всё пойдёт на лад.

Когда боцман уходил по своим делам, он всегда оставлял за себя Антона, самого старшего и сметливого из ребят. Антоша умело плотничал и столярничал. Он ведь сам мастерил дома книжные стеллажи, полки и корпуса радиоприёмников. Степан Иванович не мог нахвалиться работой юного мастера.

Оставаясь за боцмана, Антон шутливо подражал ему:

— Три матроса да старший, четыре пишем, капитан и боцман в уме.

И сам он работал за троих, руководя и командуя.

И остальные по его примеру работали без устали. Всем хотелось поскорее отправиться в плавание.

— Где будем ставить тентовые стойки? — спросил Степан Иванович, испытующе оглядывая своих матросов.

— Хорошо бы на середине, чтобы и при дожде можно было грести,— сказал Ян.— Но вот как это сделать?

— Подумаем,— отозвался Антон.

— Думайте,— улыбнулся боцман.— Это полезно.

Вяча сидел, морщил лоб и ничего придумать не мог. Егор не стал утруждать себя изобретательством, а вытащил из сумки жерлицы и удочки и ушёл рыбачить. А Антон, раскрыв блокнот, принялся что-то сосредоточенно чертить. Иногда он подзывал Яна и советовался с ним.

Минут сорок спустя Антон показал свои эскизы боцману.

— Решение верное,— согласился Степан Иванович.— Только отверстия для мачты в тенте не нужно. Во-первых, шканечный серединный тент будет позади мачты; во-вторых, при сильном или затяжном дожде под парусами ходят редко.

Когда тентовые стойки по эскизам Антона были изготовлены, Степан Иванович позвал с собой Егора

и Вячу, и они отправились искать дерево для бушприта. Антону и Яну боцман поручил ремонт мачты.

— Знаете, что такое бушприт и для чего он служит? — спросил Рябов ребят.

— Это что-то на судне, да? — не очень уверенно сказал Вяча.

— Не что-то, а такая жердь на носу корабля, – сказал Егор.— Вроде мачты, только она не стоит, а лежит и, будто пушка, нацелена вперёд. И от неё идут кривые паруса.

— Не кривые, а косые,— поправил боцман.— Они называются кливерами.

Когда они вернулись к ялу, Антон и Ян уже отремонтировали мачту и примеряли её к гнезду в килевом брусе.

— Молодцы! — похвалил боцман.

Он вытащил из рюкзака журнал и показал Вяче и Егору фотографию парусного судна.

— Где бушприт?

Егор и Вяча одновременно ткнули пальцами в носовую часть парусника.

— Теперь знаете, какой бушприт. Вот и приступайте к работе. А Антона и Яна назначаю вашими помощниками!

Антоша улыбнулся, а Вяча заявил:

— Мы и без них справимся. Правда, Егор?

— Попробуем,— без большого энтузиазма отозвался Егор.

Они работали долго, по очереди орудуя топором и рубанком, и наконец доложили боцману:

— Степан Иванович, бушприт можно ставить!

Докладывал, конечно, Вяча. А Егор лишь довольно улыбался.

Устанавливали бушприт всей командой после обеда, приготовленного на костре Антоном и Яном.

— Теперь приступим к окраске,— сказал боцман.

Четыре матроса — четыре шкрабки, четыре щётки, четыре кисти, бочонок красной краски да две банки белил.

Яхтсмену Яну красить борта было не впервой. Ловко орудовали кистями и Антон и Егор-Беломор. Зато Вяча к каждому мазку добавлял пару глубоких вздохов и по крайней мере полторы дюжины капель пота — на лбу, на носу и на шее.

А каким красавцем выглядел ял после старательной окраски!

И только боцман чуть хмурился, глядя на обновлённое судёнышко:

— Ял с бушпритом... гибрид на удивление. А может, на смех морякам? Но ничего, вместо яла-шестёрки будет наш шлюп. Так и будем его называть.

Наступило время дать шлюпу достойное имя.

— «Адмирал Нахимов»,— раньше всех предложил Вяча.

— Очень уж громко для маленького шлюпа,— заметил Антон.

— Давайте назовём шлюп «Юный спортсмен» или «Старт».— Яну, заядлому яхтсмену, хотелось, чтобы шлюпу дали спортивное название.

— «Стартом» назовём, а какой ещё финиш будет,— рассмеялся Вяча.— А вот название: «Стрела»!

— Наш шлюп как стрела не полетит,— уныло заметил Егор.

— С парусом он хорошо пойдёт,— оживился Ян.

— А меня, старого морячину, что-то на лирику потянуло,— включился в спор Степан Иванович, выбивая о каблук сапога трубку.— Вон смотрите, кто над нами кружит.

Мальчики подняли головы.

— Ласточки.

— Ну и как? Плохое название?

— «Ласточка»...— Антоша вопросительно оглядел ребят.— По-моему, хорошее название.

— Я согласен,— сказал Вяча.

— Отличное название! — согласился и Ян.

На том и порешили: назвать шлюп «Ласточка».

- А теперь нам ещё свой вымпел нужно придумать,— заявил Вяча.

— Это верно! — поддержали его ребята.— Вымпел обязательно нужен. Только какой?

— А если такой,— сказал Ян, который перевидал вымпелов столько же, сколько яхтенных парусов.— На удлинённом голубом треугольнике, как в небе,— белая ласточка. Белая, потому что она освещена солнцем.

Что же, хороший будет вымпел,— одобрил боцман.— Мы его на грот-мачту повесим. А на корме — красный с серпом и молотом государственный советский флаг. Сегодня дома с Егором да с Ириной Григорьевной и соорудим.— Помолчав, он заговорил снова, начав со своей любимой прибаутки: — На пеньковом конце четыре узла — четыре матроса, боцман один, капитан в уме. Итак, «Ласточка» — на добрые дела для людей. Моё правило: ни дня без доброго дела. И весёлое, ободряющее слово — тоже доброе дело. Якорь поднят. Отдать швартовы! Антон, пиши на борту шлюпа название «Ласточка».

При дворе Петра Первого

Задорно насвистывая «Юного барабанщика» и как будто ни о чём не думая, Вяча Полянкин неторопливо шагал по набережной Северной Двины. Нет, конечно, ни о чём не думать Вяча не мог. Он думал о предстоящей завтрашней поездке к Новодвинской крепости. К той крепости, под огонь пушек которой Иван Рябов посадил на мель вражеские шведские корабли. В воображении мальчика Новодвинская крепость представлялась неприступной твердыней.

Казалось бы, когда, как не теперь, наслаждаться щедро палящим солнцем, которое в Архангельске и греет-то как следует месяц-два в году, любоваться простором сверкающих вод Северной Двины, которая скоро опять забушует штормами, а потом покроется шугой и надолго застынет, коварно заполненная ледяными заставами, восхищаться великолепными океанскими теплоходами, стоящими у причалов и на рей-

де! Но Вяча сейчас не видел перед собой ни реки, ни солнца. Ему чудились картины парадов «потешных» петровских полков, приезд Петра Первого в деревянный Архангельск, закладка корабельной верфи в Соломбале и спуск на воду первого русского корабля.

Но вдруг его внимание привлекла стоящая неподалёку необычная автомашина-фургон. Из машины выгружали какие-то ящики и аппараты, похожие на киносъёмочные.

«А вдруг?! — насторожился Вяча.— Как бы узнать?..»

Набравшись смелости, он решительно подошёл к машине и спросил у мужчины, который показался ему главным:

— Скажите, пожалуйста, это киноаппарат?

— Киноаппарат,— мельком взглянув на мальчика, ответил мужчина.

— А вы кинооператор?

— Главный кинооператор.

— И будете снимать картину?

— Будем снимать картину.

— А можно узнать — какую?

Главный кинооператор теперь уже внимательно смотрел на Вячу.

— Очень ты любопытный! Ну, будем снимать «Сказание об Иване Рябове». Ты слышал об Иване Рябове?

Вяча был в восторге: с ним разговаривал, уже не просто коротко отвечал на вопросы, а именно разговаривал кинооператор, и не простой, а главный. И Вяча поспешил его заверить:

— Да я, товарищ главный кинооператор, знаю даже, когда он совершил свой подвиг, спас от шведов наш Архангельск. Двадцать пятого июня тысяча семьсот первого года.

Кинооператор смотрел на Вячу уже с удивлением.

— Правильно? — спросил Вяча.

— Правильно,— подтвердил кинооператор, хотя точно не помнил даты подвига лодейного кормщика.

— А где вы будете снимать? — поинтересовался Вяча.

— Есть тут такое Заостровье. Натура подходящая. Вот туда сейчас и поедем. Это для начала. А потом будем снимать у крепости. Там декоративное подобие возводится.

Попрощавшись со своим новым знакомым, Вяча стремглав понёсся к Антоше Прилучному.

— Эврика, Антон! Они приехали!

Ничего объяснять Антоше, разумеется, не требовалось. Антоша всё понял по возбуждённому виду приятеля.

— Где они? — спросил Антоша.

— Поехали сначала в Заостровье. А потом будут снимать у Новодвинской крепости.

— Если они поехали в Заостровье,— сказал Антоша,— то и наш курс меняется. К крепости мы пойдём тоже вслед за ними. А сейчас нужно готовить «Ласточку» и известить Яна и Егора.

Отправляться было решено на следующий день в семь ноль-ноль. Все матросы экипажа боцмана Рябова собрались аккуратно. Напевая «Были сборы недолги...», они действовали точно и ловко. Поднимали они, конечно, не коней, как поётся в песне, а паруса — грот и стаксель.

Ветер был свежий и почти попутный. Лёгкий шлюп «Ласточка» устремился к левому берегу реки, но не наперерез, а, как вёл её рулевой Ян Эрмуш, чуть вверх.

Ошвартовались в Заостровье у лодочной и катерной пристани. Но где их искать, этих кинематографистов?..

Встречная колхозница на вопрос ребят затараторила:

— Вон там, в двух домах, у Котловых да у Babaкиных им председатель ночлег отвёл. А сейчас-то они уехали, да-да, милые, уехали они. Едва обутрело, они, значит, и уехали. Да недалече тут. Я вам, голубчики, всё единым мигом разъясню и обскажу...

И она обстоятельно и с явным удовольствием долго объясняла, как попасть в то место, куда уехали артисты.

Пользуясь её указаниями, ребята, хоть и не без труда, нашли съёмочную группу.

Это была на редкость весёлая, просторная, ярко-зеленеющая поляна. Низкорослые развесистые ивовые кусты и сухощавые, но жизнестойкие ольхи плотно обступали её. Только на берег сверкающей солнечными блёстками Северной Двины выход оставался открытым.

На поляне были разбиты четыре огромные палатки. По шуму и пестроте стоянка съёмочной группы походила на большой табор. Съёмки ещё не начинались.

До поры до времени ребята притаились в кустах и, затаив дыхание, наблюдали.

Высокий, косая сажень в плечах, артист в мундире, треуголке и ботфортах, с тяжёлой тростью в руках удивительно походил на бронзового Петра работы скульптора Антокольского, что стоит на набережной Северной Двины в Архангельске.

— Похож, да? — Вяча толкнул в плечо Антона.— Прямо как на пьедестале. Только ходит да разговаривает.

Чуть ли не по пояс Петру, пожилой человек в костюме самого модного современного покроя что-то сердито выговаривал «царю».

Ребята прислушались.

— А я, товарищ Мелкишев, не позволю... не позволю заниматься отсебятиной. Не позволю вам, Иван Харитонович, того, что вы творили на студийных съёмках в Москве. Вы хотя и должны быть простым с народом, но вы всё-таки царь, вы — Ваше величество!

— Вот-вот, я и говорю,— басовито отшучивался Пётр.— Я — Ваше величество, а вы ко мне с «товарищем». Это вы большевиков товарищами называйте, а не царей.

— Такой здоровый, а фамилия — Мелкишев,—

опять зашептал Вяча.— Он ведь Романов, Пётр Алексеевич Романов, царь всея Руси.

— Молчи. Лучше смотри и слушай,— отмахнулся Антон.

— Вот и ты смотри. Видишь Ивана Рябова? Вот тот, в холстинной рубахе почти по колено. А это кто с ним под ручку гуляет?.. Стой, да ведь это...— Вяча чуть не закричал от удивления и обиды.

— Тише ты! — Антоша сжал руку приятеля.

— Да ведь с Иваном под ручку гуляет командующий шведской вражеской эскадрой адмирал Шееблад.

— Ну и что?

— Как это что? Ведь они враги!

— Они артисты. Это в истории они враги. Тише!

Воевода Прозоровский, высокомерный вельможа и изверг, беседовал с простыми крестьянами и рядовыми стрельцами. Но ребята знали: на съёмках этот именитый боярин-самодур даст им нещадного жару. Это он будет в приказной избе вершить суд над Иваном Рябовым — бросит его в темницу. А сейчас он мирно сидел на траве.

На другом конце поляны престарелый архиепископ в полном облачении под лихие выверты гармони старался переплясать молоденькую монахиню.

— Поп танцует! — забывшись, закричал в восторге Егор и захохотал.

А поблизости стояла какая-то актриса, которая то что-то шептала, то вытягивала вперёд руки — репетировала. Услышав в кустах крик и хохот Егорушки, она взвизгнула и побежала в сторону Петра. Стрельцы вскочили как по боевой тревоге.

Перепуганная актриса пальцем показывала на кусты, где скрывались ребята.

Антона, Егора и Яна как рукой сняло. Лишь Вяча остался на месте. Он даже встал в полный рост, чтобы его увидели. И не возражал, когда вооружённые стрельцы повели его к режиссёру-постановщику, который разговаривал с исполнителем роли Петра.

— Ты что здесь делаешь? — грозно спросил режиссёр.

— Смотрю.

— А почему в кустах прятался?

— Боялся, что прогоните.

— Гм!..

Режиссёр даже не нашёлся, что ответить на столь откровенное признание. А артист Мелкишев, вероятно любивший пошутить, торжественно провозгласил:

— Как ты смел, дрянной мальчишка, чернь недостойная, появиться при дворе царя Петра Первого?!

Но Вяча не испугался и неожиданно заявил:

— А мне бы главного кинооператора увидеть.

— Это зачем же? — удивился режиссёр.

— Я с ним знаком. Мы вчера в городе познакомились.

— Гм!.. Савва Кириллович! — позвал режиссёр.

Появился тот человек, с которым Вяча разговаривал вчера на набережной Архангельска.

— Вы, Савва Кириллович, оказывается, знакомы с этим молодым человеком,— сказал режиссёр.

— Да-да, вчера мы с ним, кажется, виделись в городе! — И Савва Кириллович обратился к Вяче: — А ты как оказался здесь? Я запамятовал твоё имя.

Главный кинооператор и не знал имени Вячи, но Вяча не стал ему напоминать об этом.

— Вяч меня зовут.

— Ну и почему ты, Вяч, здесь? У нас же съёмки.

Вот я... мы... хотим посмотреть, как вы будете снимать картину об Иване Рябове. Нас четверо ребят. Мы тоже интересуемся историей Ивана Рябова. Мы ищем кафтан, который ему Пётр Первый подарил.

— Кафтан? — изумился режиссёр.

- Кафтан Ивана Рябова? — переспросил главный кинооператор.

Пришлось Вяче всё рассказывать по порядку. А в конце он добавил:

— И кажется, наш боцман Рябов прямой потомок лодейного кормщика. А какой у него трёхмачто-

вый парусник! «Буревестником» называется. Вот бы его тоже снять для кинокартины.

Кинематографисты слушали Вячу и удивлялись: мальчик был необычайно силён в истории.

— А ведь парусник-то следует посмотреть,— заметил Савва Кириллович.— Ничего не потеряем, а, может быть, что-нибудь и приобретём. Как вы думаете, Яков Наумович?

— Хорошо, поедем, посмотрим этого «Буревестника»,— согласился режиссёр.

Вяча позвал своих друзей, и они перегнали «Ласточку» к месту, где размещались кинематографисты.

— Эге,— воскликнул Савва Кириллович, увидев маленькое судёнышко,— при некоторой гримировке оно может пригодиться!

— Я буду управлять этой бригантиной,— сказал царь Пётр.— А мальчиков переоденем в «потешных». И ты, Саввушка, сотворишь гениальные кадры!

В гостях у боцмана

Ей бы, как всегда, под парусом самоходно скользить по речному простору, а её унизительно тащили на буксире. Со снятой мачтой, со сложенными под банки вёслами «Ласточка» как-то сразу сникла. Она зарывалась носом в волну, словно сопротивляясь и стараясь освободиться от буксирного троса.

Всё объяснялось тем, что в распоряжении режиссёра был быстроходный портовый катер. Он и тащил «Ласточку» туда, где стоял «Буревестник».

На катере вместе с режиссёром и главным кинооператором были Егор и Вяча Полянкин. На «Ласточке» для управления остались Антон и Ян Эрмуш.

Радушно встретил гостей Степан Иванович. Он, конечно, сразу догадался, кто приехал.

За многолетние плавания в дальних морях на борту «Буревестника» побывали и многие прославленные капитаны, и учёные с мировыми именами. Однажды советский парусник посетил даже король — его вели-

чество. Но кинорежиссёры и кинооператоры ещё никогда не ступали на его палубу.

— Прошу в кают-компанию! Братцы-матросы, что же вы не предупредили о приезде? Ну ничего, на пеньковом конце четыре узла... Егор, Антон, занимайте гостей. А я приведу себя в порядок и кое-что приготовлю.

Савва Кириллович, как увидел боцмана, так и впился в него взглядом: как будто внешне Степан Иванович ничем особенно не примечателен, а ходит, говорит, улыбается так, что тут же хочется нацелить на него объектив кинокамеры.

Боцман Рябов явился для Саввы Кирилловича той желанной натурой, какой перед этим предстала Северная Двина, потом «Ласточка», а потом и «Буревестник» с его мачтами, палубными надстройками, трапами, леерами, кнехтами.

— Колорит! — восторгался Савва Кириллович.— Подлинный колорит, а не дешёвая экзотика. Натура!

— Из вашей натуры я согласен только на парусник. Но придётся его переделать, замаскировав под шведский фрегат. Поговорим с директором картины и купим «Буревестник»,— сказал режиссёр.

Все четверо матросов «Ласточки» переглянулись. Как так — русский, советский парусник превратится во вражеский фрегат? Конечно, это временно, и он даже появится в кинокартине, но всё-таки обидно.

— Нужно попросить режиссёра,— тихо предложил друзьям Егор,— чтобы в картине перед началом написали: в роли шведского фрегата — советский парусник «Буревестник». Ведь будет же написано: в роли Петра Первого артист Мелкишев.

— Не напишут. Скажут: «Неодушевлённый предмет...»,— охладил его пыл Вяча.

— Пусть снимают,— решительно заявил Антон.— Мы-то будем знать и другим будем рассказывать про наш «Буревестник». А я кинокамеру непременно сделаю. Тогда ещё сами поснимаем.

Степан Иванович возвратился в новеньком кителе

с якорями на блестящих пуговицах и принёс столбик вставленных друг в друга стаканов и стопку тарелок.

— Егор и Ян, на камбуз! Антон, со мной в кладовую! Вяч, развлекай гостей. Боцман на баке. Якорь чист.

Он снова исчез и вскоре появился с подносом. За ним — Егор с огромным, чисто надраенным чайником и Ян — со сковородой жареных сигов. А Антон принёс две буханки хлеба.

— Спиртного вообще-то не держу,— сказал боцман, открывая бутылку портвейна.— Но представительские для гостей храню. Пар на марке должен быть. И ветер в парусах! Братцы-матросы, разливайте чай! Дорогие гости, сиги своего улова.

При этих словах Яков Наумович вдруг привстал, лицо его вытянулось, но так же моментально округлилось в блаженной улыбке.

— Так вы, Степан Иванович, и рыболов ещё?

— Да как же у моря и на реке жить — и не рыбачить?

— О, это моя страсть — рыбная ловля! — загорелся Яков Наумович.— И что же вы ловите?

— Ловил и сёмгу, и кету, и треску, и морского окуня, и палтуса, и зубатку. Гарпунировал и белуху— это уже зверь. На забаву и морской чёрт попадался. А на Двине ясно что — сиг и камбала, щука и окунь, подъязок и сорожка. Это плотву у нас сорогой называют. А для ухи самое лучшее — ёрш сопливый. Да это вы знаете.

Оказалось, Якова Наумовича хлебом не корми — дай поговорить о рыбной ловле. Он засыпал боцмана вопросами. Его интересовало всё — от тралов и становых неводов, от рюж, мережек, бродней и поездов до продольников-перемётов, жерлиц и мормышек. В теории рыболовства он был академиком.

— У меня целая библиотека по рыболовству,— признался он.— Но ведь всё это теория. А куда интереснее получить сведения от опытного рыболова. И потом посмотреть на практике. Вот здесь я вас,

Савва Кириллович, поддержу. Рыбную ловлю будем снимать в натуре. Степан Иванович, надеюсь, поможет нам. Я сегодня же сделаю в режиссёрском сценарии некоторые поправки и дополнения. Ведь Иван Рябов, наш главный герой,— рыбак. Ах, как это будет интересно - рыбная ловля на экране.

— У нас вот ещё заядлый рыбак,— сказал боцман, кивая на Егора.— Мой племянник. Мал-мал, а на рыбалке ох как удал! И счастье рыбацкое имеет. А если рыбы нет, говорит: «Ничего, надоест ей — и поймается». Настойчивый рыбак, с характером.

— Отметим,— сказал Яков Наумович.— А может быть, включим и в сценарий. Мальчишки оживляют съёмки. Вот видите, Савва Кириллович, для вас чистая натура.

Аграфена Петровна

Киностудия согласилась купить списанный на слом парусник. С судоверфи приехали корабельные мастера. И начались работы по маскировке парусника под шведский фрегат.

Киносъёмки развернулись полным ходом. Снимали побережье Белого моря, бутафорские стены Новодвинской крепости, Гостиный двор и старинные строения в Архангельске и Соломбале, Северную Двину и речку Соломбалку — в прошлом, при Петре, испытательную канавку.

Ребят, к беспредельному огорчению Вячи, так «потешными» и не сделали. В сценарий такие кадры почему-то «не влезли», как сказал режиссёр. Но боцман Рябов участвовал во многих сценах в роли посадского старшины. Его совсем не гримировали, а только заставили надеть костюм помора петровских времён.

Вдосталь наглядевшись на киносъёмки, ребята стали торопить Степана Ивановича:

— Когда же мы отправимся в путь?

— Скоро,— отвечал боцман.— Пойдём в рейс по Северной Двине.

— Будем искать кафтан Ивана Рябова? — спросил Вяча с затаённой надеждой.

— Кафтан не кафтан, а что-нибудь найдём.

— А что ещё?

— Моряцкую закалку, например.

— Моряцкую закалку — это хорошо, – подхватил Ян.

— Но и кафтан неплохо. Потомки оценят наши старания...— Вяча, как обычно, распалился, вошёл в азарт.— Кафтан будут изучать учёные историки, которые приедут сюда из Москвы и Ленинграда. О кафтане напишут в газетах и журналах. А значит, напишут и о нас. И вот что напишут: «Большая заслуга в отыскании ценнейшей реликвии принадлежит архангельским школьникам Полянкину, Прилучному, Эрмушу... ну и Егору-Беломору, то есть Трапезникову».

— А о Степане Ивановиче не напишут? — засмеялся Антон.

Вяча смутился и тут же поправился:

— Нет, о потомке Ивана Рябова, о боцмане Рябове, напишут в первую очередь. И вообще все мы станем знаменитыми. С нами будут за руку здороваться академики! Нам преподнесут подарки. Антону — радиостанцию, Яну — яхту из красного дерева с этими, как их... парусами.

— С дакроновыми,— подсказал Ян.— Только...

Но Вяча перебил Яна:

— А Егору... Тебе что подарить, Егор?

— Да ну тебя, пустомеля,— отмахнулся Егор.

— Эх, вы! — рассердился Вяча.— Не понимаете. Ведь кафтан будет висеть в историческом музее. И все будут нас благодарить. Нет, скорее в поход, на поиски кафтана!

— Кафтан мы искать будем, а с академиками пусть здоровается Вяч,— рассудил Антон.— И подарки пусть он получает. Вот только где искать этот кафтан?

— У меня есть адрес одной старушки,— сказал боцман.— Она помогает народному хору подыски-

вать старинные костюмы. Вот с неё и начнём. Я-то её никогда не видал, знаю только, что зовут её Аграфена Петровна.

Боцман ещё в мальчишестве, когда плавал на боте зуйком, познал стариковские приметы погоды. Нет, не по ломоте в костях определяют старики северяне, будет ли вёдро или ненастье. И хотя у Степана Ивановича Рябова и дома, и на судне — барометры, боцман привык приглядываться к солнцу: как оно взошло и как катится по небосклону, как подходит к заходу и как закатывается.

Вот и теперь, оглядев небо, далёкие, едва заметные облачка, Степан Иванович весело заявил:

— Якорь чист! Завтра курс на Заречье, к Аграфене Петровне.

И «Ласточка» с экипажем из пяти матросов под началом боцмана Рябова на другой день отшвартовалась от причала.

Почему же из пяти?.. Потому, что пятым матросом на «Ласточку» зачислили Ингу Эрмуш, сестру Яна.

А произошло это так. Накануне отплытия Степан Иванович сказал:

— Жаль, нет у нас пятого матроса, а по судовой роли на нашем шлюпе должно быть шесть человек.

Ян взглянул на боцмана и нерешительно сказал:

— К нам на «Ласточку» моя сестра просилась. Она яхтой управляет и гребец хороший. Плавает лучше меня. И обеды умеет готовить.

— Ну нет, женщина на палубе к несчастью! — яростно запротестовал Полянкин.

— А почему нет? — спросил Антон.— «К несчастью» — это чепуха. Я сам видел, как Инга яхтой управляет. Мы с Яном и с ней по Двине катались.

— Добро, Ян,—тут же решил боцман.— Зови свою сестру. Пусть только оденется, как положено матросу!

Инга пришла на «Ласточку» вместе с братом. Она была на год старше Яна и очень походила на него. В синем спортивном костюме, в берете и кедах, девоч-

ка, застенчиво улыбаясь, предстала на причале перед боцманом Рябовым. Но говорила она смело, хотя и негромко.

— Товарищ боцман, новый матрос «Ласточки» Инга Эрмуш явилась.

Степан Иванович одобрительно взглянул на Ингу.

— Итак, экипаж шлюпа в полном составе. Ян, покажи Инге, чем ей заниматься и её место на швартовке.

...Аграфене Петровне шёл восьмой десяток, а выглядела она не то чтобы молодо, но была удивительно статной — высокая, широкая в кости, с прямой спиной, без намёка на согбенность. И лицо у неё, хотя и в морщинках, было какое-то ясное, может быть, от чистой, почти небесной голубизны в глазах. А говорила она так мягко, словно теплом одаривала тех, с кем разговаривала. Поморка, истинная поморка!

А вот изба у Аграфены Петровны, которая стояла дольше, чем жила в ней её хозяйка, уже плоховата. Но старенькие мосточки, в две доски, перед избой вымыты, выскоблены, точно половицы.

Жила Аграфена Петровна в одиночестве. Сын в Отечественную войну на фронте погиб. А замужняя дочь и сноха имели свои дома и семьи в других деревнях.

Приехавших хозяйка встретила гостеприимно, ласково:

— Проходите, соколы, раздевайтесь, умывайтесь. Путь, должно, дальний держали. Отдыхайте! В избе просторно. Не будьте гостями, будьте хозяевами!

Аграфена Петровна неторопливо, степенно, но быстро и ловко хозяйничала — согрела самовар, накрыла в передней комнате стол узорчатой скатертью, выставила на блюде, тарелках, в мисках и чашках картофель, свежую жареную треску и солёную селёдку, грибы, колоб, яйца, капусту, ягоды, кувшин с квасом.

— Кушайте, соколы, всего отведайте. Селёдка-то очень солёная, мне так не по вкусу. Сейчас кулебяку запеку да сочней подам. Живу я ноне куда с добром,

а гости-то у меня редки. Когда вот только из хора русского наезжают за одеждой старинной да за пропеваньями, за песнями. Всё записывают да слушают. Ну, наезжают порой дочка да сноха, сынóвья вдова. А вот теперь вы... Мне и радостно. На людях-то веселее.

Матросы «Ласточки» всего отведали и поблагодарили хозяйку.

— Не за что, не за что. Что вы, что вы,— приговаривала Аграфена Петровна. Да вы хоть куда путь-то держите? Может, ночевать останетесь? Места хватит на всех, не обидите.

- Останемся, переночуем,— согласился Степан Иванович.— И не только переночуем, а ещё и завтра денёк поживём. Изба у тебя, Аграфена Петровна, состарилась. Вот мы завтра её и подновим, подремонтируем, подмолодим.

— Что вы, что вы! — взмахнула руками хозяйка.— На мой век и такой избы хватит. А на добром слове спасибо. Только не за то я вас приветила, хлебом-солью угощала... Я на полчасика отлучусь к соседке, а вы, гости дорогие, отдыхайте.

Как только Аграфена Петровна вышла, боцман распорядился:

— Инге, Вяче и Егору убрать и вымыть посуду. А Антон и Ян пойдут со мной готовить ремонтную ведомость на избу. Потом будем отдыхать. Кто не умеет отдыхать, тот не умеет работать. А завтра нам придётся хорошо потрудиться.

Боцман, Антон и Ян ушли. И Вяча решил покомандовать.

— С посудой справится Инга,— рассудил он.— Егор подметёт пол и принесёт дров. А я займусь летописью нашего похода. Если забудем, как мы плыли, история многое потеряет.

Инга послушно принялась убирать со стола посуду, а Егор усмехнулся:

— История подождёт и ничего не потеряет. А вот если я сейчас не наловлю рыбы, то мы потеряем мно-

гое. Останемся неблагодарными. Бабушка нас угощала? Угощала. А мы её угостим ухой. Так что подметанием и дровами заняться придётся, Вяч, тебе.

Теперь даже Инга рассмеялась. А Вяча и Егор ещё немного поспорили и решили сделать в избе уборку вместе. Тем более, что и уборки-то оказалось совсем мало, так как Аграфена Петровна содержала избу в чистоте.

Когда всё было сделано, Инга сказала:

- Ну вот, теперь каждый может заняться тем, что пожелает его душенька.

Сама она села у окна. Изба Аграфены Петровны стояла на высоком берегу и окнами смотрела на Северную Двину. Два буксирных парохода тащили по ней вниз огромный плот брёвен. В Архангельске брёвна попадут на лесопильные заводы, где будут распилены на доски. А доски потом погрузят на океанские теплоходы и повезут их далеко-далеко, за границу. Обо всём этом и думала сейчас Инга. Вот если бы и ей поплыть на большом и красивом теплоходе в далёкие страны!

А ещё один буксирный пароход тащил баржу. Он даже не тащил её, а толкал сзади. Инга такое увидела впервые и сказала об этом Вяче.

— Это так и называется,— сказал всеведущий Полянкин,— метод толкания. Такой метод стали применять недавно.

Навстречу буксирам промчался быстроходный катер, разгоняя за собой широкие и отлогие волны. А двое мальчишек на вертлявой лодчонке едва выгребали против течения. Наверно, они отправились на рыбную ловлю.

Егор после уборки также ушёл на реку рыбачить, а Вяча писал дневник похода, придумывая при этом самые невероятные приключения, которые будто бы пережил экипаж «Ласточки».

На крыше слышался скрип досок. Это боцман и его помощники осматривали и готовили избу к ремонту.

Покончив со своими фантастическими записями, Вяча подсел рядом с Ингой к окну.

На берегу реки Егор-Беломор затеял грандиозную рыбалку, заняв своим «предприятием» чуть ли не полкилометра водной поверхности. Он воткнул в берег три удилища, в отдалении от них закинул две жерлицы с посеребрёнными металлическими рыбками и трёхлапыми крючками, похожими на маленькие якоря, и добавил к этому ещё две донницы с тяжёлыми грузилами. Потом отвязал от пристани чью-то лодочку и выехал на середину реки, подгребая и управляя одним веслом.

На реке Егор вытравил в воду небольшой перемёт-продольник и не спеша поплыл вверх, подёргивая с кормы лодки длинную дорожку из крепчайшего нейлона, как и жерлицы, с металлической блестящей приманкой — на щуку.

Словом, маленький рыбак превосходно знал своё дело и так же превосходно с ним справлялся.

В душе Вячи всё ещё не улеглась обида на Егора, пренебрежительно и с насмешкой относящегося к его дневнику. «Великий историк» мучительно раздумывал, какую бы каверзу подстроить «великому рыболову». Он перебирал в памяти все хитрости знаменитых полководцев, героев и мудрецов, обрушенные ими на головы противников. Приходили в голову и троянский конь, и праща Давида, и голуби русской княгини Ольги и даже японские проволочные заграждения с подвешенными к ним консервными банками.

Все эти хитрости вспомнились Вяче, но они никак не годились для сведения счётов с Егором-Беломором.

Наконец «блестящая» мысль появилась. Через пять минут он уже был на берегу у удочек Егора, а ещё через десять минут снова сидел у окна и безмятежно и равнодушно поглядывал на реку.

Пришла Аграфена Петровна, удивилась, что всё прибрано, и даже чуточку рассердилась.

— Это гости-то почему у меня работают? — певуче выговаривала она Инге.— Гости — они на то и го-

сти, чтобы отдыхать и угощаться. Ведь хозяйку обижаете...

Аграфена Петровна снова согрела самовар и принялась готовить чаепитие. В это время спустились с крыши Степан Иванович, Антон и Ян и вошли в избу.

Подплыл к пристани Егор.

— Смотрите, граждане!— торжественно провозгласил Вяча.— Вы будете свидетелями потрясающего зрелища, которое впервые произойдёт в истории человечества. Сейчас щедрая добыча вознаградит трудолюбивые усилия нашего Егора-Беломора.

Егор спокойно вытащил и принялся осматривать жерлицы и донницы. Вот в руках его забилась средних размеров рыбина,— должно быть, щука. С крючка первой удочки он снял крошечную плотичку, а может, ерша. Вторая леска оказалась без добычи.

Наконец Егор подошёл к третьему удилищу.

— Начинается самое захватывающее! — воскликнул Вяча.

Все, даже боцман и Аграфена Петровна, прильнули к окнам.

Ловким движением Егор поднял удилище и замер. В таком оцепенении он простоял с полминуты.

— Что с ним? — встревожилась Инга.

— Смотрите,— озадаченно произнёс Ян,— у него на одной удочке три рыбины!

— Солёная селёдка хорошо вымокла, и мы аппетитно поедим её с постным маслом и с горячей картошкой! — весело пояснил Вяча.

Хохот потряс комнату.

Когда Егор вернулся в избу, он поставил у порога наполненную свежей рыбой небольшую корзину и в ярости набросился на Вячу:

— Почему ты берёшь чужую селёдку?!

— Некоторые берут не только селёдку, но и чужие лодки,— невозмутимо ответил Вяча.— Но ты не огорчайся. Мы с тобой сделали полезное дело: селёдка была очень солёная, а теперь она вымокла и её и Аграфена Петровна есть будет.

— Нет уж, сам ешь свою селёдку. А для Аграфены Петровны у меня свежие окуни, сиги и камбалки найдутся.

Как ни протестовала Аграфена Петровна, на следующий день экипаж «Ласточки» в полном составе принялся за ремонт. Прохудившиеся места на крыше покрылись новыми досками, подновились ступеньки на крыльце. У крыльца появились крепкие, надёжные перила. Степан Иванович вставил в оконные рамы два новых стекла. Работа заняла полный день. Но все были довольны. А Аграфена Петровна не знала, как и отблагодарить своих добровольных помощников.

— Ну тогда в благодарность я вас хоть песней да сказкой, сказкой да пляской потешу,— сказала она.— У нас в Поморье песня в большом почёте. И хороводная, и свадебная, и пропевание.

У неё был настоящий талант артистки, слушать её — заслушаешься, смотреть — не насмотришься.

Аграфена Петровна даже в преклонном возрасте сохранила на редкость сильный, высокий голос. Напевая, она пританцовывала, и песня поднималась так высоко, что, казалось, вместе с песней поднимается и сама певица. Она молодела на глазах, широко расставляя в хороводной песне руки, словно держась за руки подруг.

— А на наших свадьбах вы бывали? — хитро спросила Аграфена Петровна.— Теперь свадьбы не те, что были прежде. И наряды не те. Да и песни старинные свадебные редко поют. А раньше неделю, бывало, гуляли — ели, пили, песни играли. И нарядов у девок и у баб каких только не насмотришься! Платья, юбки, кофты, сарафаны всех цветов — глаза разболятся, право слово! А ещё кокошники и повязки в бусах, в бисере, а то и в жемчуге.

— А ты, Петровна, не жалеешь о тех временах? — спросил боцман.

— Да жалеть не жалею, но занятно было, баско — красиво, значит, по-нонешному. Да я вам свадь-

бу одна сыграю — и за сватов, и за жениха, и за невесту, а потом и за шаферов, и за шафериц.

— Как! Одна? — удивился Степан Иванович.— На свадьбах-то в Поморье я бывал, ведь там народу — поди, вся деревня. Как же ты одна?

— А вот так.

Аграфена Петровна сняла с гвоздя узорчатое полотенце и стала изображать сватов. Потом показала смотрины, девичник с песнями и танцами, самоё венчание, пир и битьё горшков на другой день после свадьбы. Она не пожалела даже какую-то глиняную кринку и на глазах у растерявшихся ребят грохнула её об пол. Потом схватила метлу и по обязанности невесты принялась подметать черепки.

Матросы «Ласточки» вдосталь нахохотались.

А неугомонная хозяйка присела на скамью, но не умолкла.

— Вот и меня в семнадцать-то годков так выдавали. Хотела за Петрушу, а отдали за Лександра. Поди, полвека прожили. Маялась, а жила, что поделаешь. Он ревнив был, Лександр-то. На гулянье пойдёшь — он за тобой. Сам не поёт, не играет, сидит — хмурки водит. Потом с ребятами выпьет и всю гульбу нашу разгонит. А дома ни слова. Не обидит, не шумит. Только скажет порой: «И пошто ты меня не любишь? Я ведь горы для тебя своротчу». Почти что полвека прожили, хороший он был, а вот любить не полюбила. Свыклась и жила. За полгода до золотой свадьбы он помер, на семьдесят седьмом году. А здоровый был, жилистый, да надорвался. А я так, горемычная, и промаялась. Жили-то мы в достатке. Всего было, живи да радуйся. Ан нет, жила с Лександром, а всё о своём Петруше думала. А что о нём было думать-то? Погиб мой Петруша, так и не женатый, ещё в шестнадцатом, на германской... Да что я вам тоску нагоняю. Сейчас самовар поставлю...

Она скорёхонько подставила самовар под печную трубу-втулку, ковшом наполнила его водой из ушата и разожгла угли. Всё это она делала словно играючи.

Не успела присесть, как снова начала рассказывать.

Нарассказывала и напела она всего много, но про кафтан Ивана Рябова ничего не могла сказать. Так прямо и просто и ответила:

— Слыхала я о кафтане, а где он, не знаю. Но вы поищите — должен же он где-то быть. Ну, а не найдёте, чистым воздухом подышите. Была бы я помоложе, сама с вами поехала бы. Я в старинной одёже толк знаю.

— Ну спасибо и на том! — поблагодарил хозяйку Степан Иванович.— Будь здорова. Благодарствуем за угощенье, за песни, за сказки. В Архангельск в гости приезжай!

— Да бываю я там, хоть и не часто. Меня в народный хор приглашают. Будешь, говорят, у нас консультантшей.

— Ну и что же ты, не согласна?

— Да куда уж мне теперь в город? Век здесь прожила. Тут уж и помирать буду.

Аграфена Петровна втихомолку сунула Инге под руку свёрток.

— На дорожку,— молвила она.

В свёртке оказались большой пирог с рыбой, колобки и стопа ячменных сочней.

На реке стоял полный штиль, безветрие — ни всплеска, ни рябинки. Лазурная безмятежность высокого неба тоже ничего дурного не предвещала. И настроение у экипажа «Ласточки» было бодрое. Немного печалился лишь Ян: в безветрие нельзя было поднять паруса.

Плыли на вёслах, слушая музыку настроенного Антошей радиоприёмника на Москву. Плыли медленно, а с обеих сторон неодолимо манили к себе зелёные берега.

— Хорошо, конечно, отдыхать в избе,— сказал Вяча,— но неплохо бы отдохнуть на берегу, у костра: разбить лагерь, палатку, построить вигвам. Правда, Антон, хорошо?..

Антоша вопросительно взглянул на боцмана. Предложение Полянкина было ему по душе.

— Ещё милю пройдём, тогда можно и к берегу,— согласился Степан Иванович.— Подальше от деревни отойдём, чтобы чистой природой, лесом больше опахнуло. Аграфена Петровна верно говорила: чистым воздухом подышите.

Спустя полчаса «Ласточка» пристала к невысокому берегу, поросшему ивовыми и ольховыми кустарниками.

Кто из мальчишек в десять — четырнадцать лет не разжигал костра на берегу реки или озера, не удил рыбу и не варил в котелке на таганке уху из окуней, ершей, плотичек? Надо думать, что среди мальчишеского населения нашей большой страны таких найдётся немного. Даже не верится, что где-то живёт такой мальчик, который никогда не сидел у костра, не запекал в золе картошку и не ел свежей ухи из только что выловленной рыбы. И разжигать костёр, и готовить уху, и ставить палатку, и даже собирать для костра сучья и щепки — удовольствие немалое.

Матросы «Ласточки» устроили на берегу лагерь, перекусили и разлеглись на траве-мураве, вспоминая самые разнообразные истории, происшедшие с ними, мечтая о том, кем они станут, когда будут взрослыми.

— Я буду изучать историю,— сказал Вяча.—А ты кем будешь, Беломор? Ихтиологом?

— Сам ты ихтиолог! — буркнул Егор, потом подумал и спросил: — А что они, эти ихтиологи, делают?

— Изучают рыб.

— А чего их изучать? Голова, хвост, брюхо, чешуя, плавники... Всё и так известно.

— Эх ты, голова... хвост,— засмеялся Вяча.— А ты знаешь, сколько видов рыб существует на свете? Не знаешь? Двадцать пять тысяч...

— Ты считал? — в свою очередь, рассмеялся Егор.

— Не я, а ихтиологи считали. А знаешь, сколько

лет живут некоторые рыбы? Тоже не знаешь, рыбак! Некоторые живут до ста лет.

— Врёшь.

— Не вру. Я в книге читал.

— Вот бы тебе, Егор, такую рыбку выловить,— пошутил Степан Иванович.— Вытянешь?

— Не вытянуть, такая враз сорвётся.

- А ты стальным тросом лови,—посоветовал Вяча.

В нашей реке таких рыб не бывает, – убеждённо заявил Егор,— так что напрасно беспокоишься. Вот ты вигвам хотел строить, а сам валяешься.

Вяча потянулся и встал.

— Сейчас уже некогда,— сказал боцман.— Нужно плыть.

— А может быть, ветерок потянет,— с надеждой заметил Ян.

Степан Иванович оглядел небо.

— Обязательно потянет. Все признаки. Собирайся, команда! Один конец, пять узлов...

Путешественники проплыли мили три, и тогда в самом деле с северо-запада потянул ветер. Но, предвещая его, боцман не предполагал, что он достигнет столь неимоверной силы.

В этих местах Северная Двина достаточно широка, чтобы шторму разгуляться почти как на море.

Волна поднялась высокая, крутая — с шумными всплесками и грозными белыми гребнями. При такой волне «Ласточку» могло захлестнуть и даже опрокинуть.

Боцман скомандовал:

— Право руля! К берегу! Приготовиться к швартовке!

Едва прозвучала эта команда, как нос шлюпа резко пошёл вниз, и ревущий вал накрыл его. При втором ударе волны вода в шлюпе покрыла телгаса — решётчатые покрытия днища. Матросы экипажа вымокли до нитки. А река всё больше свирепела, бушевала, ожесточалась.

В такую переделку «Ласточка» с новым экипажем попала впервые. Но боцман был уверен в своём шлюпе, как был уверен и в своей команде. И действительно, ни один из них не дрогнул, на лицах не было и тени страха. Все действовали дружно: и на вёслах и у водоотливной помпы, а Ян Эрмуш на руле, управляя шлюпом, даже улыбался

Родной город

Продовольствие заканчивалось. И боцман решил повернуть «Ласточку», взяв курс на Архангельск.

— А как же кафтан? — спросил Вяча.

— А может, кафтан давно износили,— насмешливо предположил Егор.— А может, и совсем никакого кафтана не было.

— Трудно даётся нам этот кафтан,— сказал Степан Иванович.— Но унывать не будем. Кафтан мы, правда, не нашли, да зато кое-что повидали. Это уже хорошо.

— И кафтан больше искать не будем? — встревожился Вяча.

— Нет, обязательно ещё снова поплывём,— заверил боцман.

На последней остановке перед Архангельском «Ласточка» пришвартовалась у лесозаводского причала, рядом с маленьким буксирным пароходиком «Белуха». Капитаном и матросом в одном лице на «Белухе» был юркий старичок по отчеству Карпыч. Сморщенное лицо старика необыкновенно быстро преображалось: то оно улыбалось, то через минуту вдруг омрачалось и почти свирепело, но как-то по-детски. Неопытному в водных делах человеку трудно было определить, кто старше — буксирный пароходик или его капитан.

Едва «Ласточка» подошла к причалу, как капитан «Белухи» уже подбежал к ней. Он и Степан Иванович оказались старыми знакомыми.

— Ты что же, Степан, с «Буревестника»-то списался?

— Прогнали,— усмехнулся боцман.— На пенсию.

— Да ведь ты моложе меня. А мне свою любушку жалко бросить. Хорошая она у меня, дролюшка, хотя и не молоденькая. Голубонька она моя ненаглядная — никогда не подводила. А ведь и моложе-то меня всего годков на пять.

— Ну, на пять...— шутливо возразил Степан Иванович.— Тогда бы её давно списали.

— Да вот меня-то не списывают.

— Тебя, Карпыч, в пароходстве спросить обязаны, а «Белуху» спрашивать не будут. Дадут приказ-команду и поволокут твою дролюшку на металлолом.

— А я не позволю. Не позволю мою любушку на металл!

Но настроение у капитана «Белухи» менялось так же быстро, как и выражение его лица.

Пока он разговаривал с боцманом, неожиданно накатившейся от близко прошедшего быстроходного катера высокой волной «Белуху» развернуло. Так же неожиданно швартовый канат лопнул, и пароходик отнесло от причала.

— Ах ты старая дура! — заорал старик на свою «дролюшку».— Ах, ведьма, ленивая кобыла! Не могла сама закрепиться.

Он обращался к своему судну, как к живому существу. Ребята едва удерживались от смеха.

— Отдать концы! — скомандовал боцман.

И минут через десять «Белуха» на буксире была водворена на прежнее место у причала.

Матросы «Ласточки» помогали Карпычу пришвартовать «Белуху», а он их поучал:

— Э, куда, куда?! Не так! Не так! Это вам не академия! Тут думать надо!

— Смешной старик,— сказал Вяча, когда «Ласточка» отошла от причала.

— Странный,— отозвался Антон.

— Это верно, старик с причудой,— подтвердил

боцман.— Но главное — честный! Мы с ним вместе плавали.

За разговорами оставшаяся часть пути прошла незаметно.

— Ура! — воскликнул Вяча, отдавая якорь.— Возвращение из экспедиции и из похода — самое приятное во всех путешествиях и войнах, говорили великие путешественники и полководцы.

— А если из похода возвращались с поражением? — по своему обыкновению, с язвинкой спросил Егор-Беломор.

Вяча промолчал, а Степан Иванович сказал:

— Мы вернулись не с поражением...

Да, вернуться в родной город, конечно же, было очень приятно и радостно. Всё здесь было как прежде, как всегда. И в то же время как будто было и что-то новое.

Друзья расстались, чтобы завтра снова встретиться на «Ласточке».

Но Антон и Вяча уже вечером вместе смотрели по телевизору футбольный матч, а потом долго бродили по городу.

Позванивая, шли трамваи — красные и голубые. Шипели по асфальту бесчисленные легковые автомашины, встречались и нагоняли автобусы — тоже красные и голубые. А с реки доносился шум порта. Родной, милый город!.. Здесь пахло морем, но не было в этом запахе никакой морской соли, придуманной досужими маринистами. Шли по улице вперемежку с другими жителями Архангельска моряки, может быть вчера или позавчера вернувшиеся из дальнего плавания. Старожилы узнавали их не по походке, тоже придуманной литераторами, а по неуловимому для обычного взгляда виду и характеру человека, который много поплавал.

— Знаешь, Антон, наш сосед-пенсионер, что всю жизнь плавал, говорит: «Настоящего моряка я даже голого узнаю».

— По татуировке?

— Нет, татуировка — пережиток. Наши моряки уже давно себя не раскрашивают. А вот как он узнает моряка даже голого, неизвестно... Он даже говорит, что моряка архангельского отличит от моряка черноморского или тихоокеанского.

— Тоже голых?

Ребята посмеялись, но потом Антон серьёзно сказал:

— Наверное, по разговору. Можно спросить у нашего боцмана. Он, конечно, знает.

— Есть моряки, которые издали суда по дыму из трубы узнают,— заметил Вяча.

— Теперь на новых теплоходах и электродизелях дыма не увидишь,— возразил Антон.

Друзья прошли Дом Советов и снова свернули на набережную. И опять перед ними открылась ширь Северной Двины — неоглядная водная красота. Асфальт на набережной был и раньше, а совсем недавно строители одели её и в бетон и гранит.

— В гранит оделася Двина,— переиначил пушкинские строчки Вяча.— Мосты повисли над водами...

— Да,— согласился Антон.— Только тёмно-зелёными садами ещё не покрылись наши острова.

На набережной стоял памятник Петру Первому. Пётр, в треуголке, в мундире офицера Преображенского полка и в ботфортах, словно только что сошёл с корабля и смотрел на плывущие и стоящие у причалов суда.

— По этой набережной проходила знаменитая революционерка Вера Фигнер,— сказал Вяча.— Из Архангельска её отправили в ссылку в стариннейший поморский посад Неноксу.

Вспомнили ребята и об известном писателе Александре Грине, который находился в ссылке в Кегострове, что лежал за Северной Двиной,— низкий, поросший ольхой и ивняком.

Причал, по которому теперь шли друзья, назывался Красной пристанью, а до революции — Соборной пристанью. Отсюда уходил на маленьком деревянном

судёнышке «Святой Фока» к Северному полюсу отважный полярный исследователь Георгий Седов.

— Вот было бы здорово,— сказал Вяча,—если бы мы их всех сейчас здесь встретили — революционерку Веру Фигнер, путешественника Георгия Седова, писателя Грина. Ведь все они здесь побывали... ходили по этой набережной.

Встреча с браконьерами

Утром, когда Вяча пришёл к Антоше, а тот, уже поработав, одевался, Вяча, на которого вдруг нашло весёлое настроение, запел:

Чепуха, чепуха —
Это просто враки:
Сено косят на печи
Молотками раки.

— Знаешь, Антон,— сказал Вяча,— я думаю, что кафтан, который мы ищем, просто чепуха, как в этой песенке.

И когда ребята снова собрались на «Ласточке», Вяча неожиданно для всех, кроме Антоши, заявил:

— Мне что-то надоело искать этот кафтан.

При этих словах Егор был готов чуть ли не расцеловать своего вечного «противника».

— В самом деле, к чему какой-то кафтан? — горячо поддержал он Вячу.— Лучше просто путешествовать на «Ласточке», ловить рыбу.

Но Вячу уже обуревали новые фантазии.

— Хорошо бы открыть какой-нибудь необитаемый остров! — мечтательно произнёс он.— И там произвести раскопки. И найти стоянку первобытного человека. И всякие там его орудия... Искать — это всётаки интересно.

— Искать не искать, а через два дня в плавание,— сказал боцман.— Готовы?

— Всегда готовы! — весело ответили матросы.

И через два дня «Ласточка» уже была в новом походе.

Ночью пролился лёгкий дождик. Но утром из-за далёкого зубчатого леса поднялось солнце.

Раннее утро в лесу и на реке — самое щедрое время суток. Прислушайтесь к крику и щебетанию птиц. Присмотритесь к ним: они не только поют, но и сами трудятся, добывают корм для своих птенцов.

Присмотритесь к быстрогонной игре рыб. Множество водяных колец возникает на речном зеркале. Кольца рождаются мгновенно то тут, то там и быстро расплываются, исчезают. Это большой гон рыбы. Но часто это не только игра, а и свирепая охота, когда большеротая, острозубая щука стремительно настигает свою беззащитную жертву — маленькую плотичку-сорожку или сопливенького ерша и с ходу заглатывает их.

Ранним утром особенно явственно слышится дыхание реки и дыхание недалёкого моря. Ощущаются даже запахи недавно прошедшего дождя. Но пахнет не дождь, пахнет напоённая влагой листва. В будоражащей смеси запахов остро выделяется пряно-лекарственный аромат диких полевых цветов и трав.

А поднимется повыше солнце, придёт ветерок, затарахтят моторные катера — и очарование раннего утра бесследно исчезнет.

Когда «Ласточка» вышла на речной простор, раннее утро только зарождалось. И акварельные нежные краски неба и пушистых розоватых от солнца облаков были ещё свежи.

— Сегодня пойдём не фарватером Двины,— сказал боцман,— и не к взморью, а вверх по реке, между островами.

В пути Степан Иванович вспомнил:

— Послушай, Вяч, позавчера я тебе дал задание отремонтировать кранец. Плохо ты его отремонтировал, братец, никуда так не годится. Давай-ка, доведи дело до конца.

Боцман поднял с борта сплетённый из верёвок кранец и подал Полянкину.

— И вот тебе игла и прядено. Действуй!

Вяч положил кранец на колени и принялся за работу. Вскоре Степан Иванович поймал его унылый взгляд.

— Ну что, Вяч? Всё сделал?

— Не-ет,— тоскливо произнёс матрос.— Мне бы нож...

— Вот тебе раз! — рассердился боцман.— А где у тебя свой?

— Нету.

– Эх, ты! Сколько раз я говорил: каждый порядочный матрос должен всегда иметь при себе перочинный ножик и по крайней мере два метра бечёвки-стоянки.

Боцман подал Вяче свой автоматически открывающийся нож.

— Ты работай с удовольствием. А если работа в тягость, бросай её. Всё равно толку не будет.

Вяча принялся за дело и неожиданно для себя увлёкся. Вскоре он смущённо доложил боцману:

— Кранец отремонтирован.

— Ну вот, пять матросов плюс боцман, капитан в уме. Значит, умеем работать с удовольствием. Порядок! — одобрил Степан Иванович. Он привстал с банки и огляделся.— Эх, ничего на свете нет лучше раннего утра на реке и в лесу. Матросы, наслаждайтесь!

«Ласточка» неторопливо плыла меж низких зелёных островов, почти не нарушая утренней тишины. Смазанные маслом уключины и под действующими вёслами оставались немы.

И вдруг среди этой тишины и мирного благоденствия что-то оглушительно грохнуло.

— Ребятки! Нажми! — скомандовал гребцам боцман.

«Ласточка» мгновенно ускорила ход и минут через пять уже была у оконечности острова. И вот какая картина представилась экипажу маленького шлюпа.

На середине реки замерла большая лодка. Перегнувшись через борт, человек в телогрейке и зимней

шапке-ушанке собирал с воды блещущую на солнце чешуёй рыбу и бросал её в лодку.

Второй человек, тоже в телогрейке, но в кепке, сидел за вёслами.

— Браконьеры,— прошептал боцман и громко скомандовал: — Вперёд!

Он направил «Ласточку» прямо на их лодку.

— Я общественный инспектор рыбнадзора! — строго сказал Степан Иванович.— Предъявите документы!

— Видали мы таких инспекторов! — нагло усмехнулся незнакомец, собиравший рыбу.

— Документы! — ещё строже повторил боцман, когда «Ласточка» почти вплотную подошла к лодке браконьеров.

Незнакомец вдруг нагнулся и достал со дна лодки двустволку.

— Брось, Алёха! — просительно сказал второй браконьер.— Подведёшь под монастырь.

И только он это успел произнести, как ловкий Ян мгновенно перепрыгнул в лодку браконьеров и вырвал ружьё из рук негодяя. В ту же секунду ружьё было передано Антону, а Ян вновь оказался на «Ласточке».

— Ну как, может быть, теперь смиришься, Алексей? — глядя в упор на браконьера, сказал боцман.

Незнакомец чуть откинулся и испуганно и удивлённо смотрел на Степана Ивановича.

— А ты... откуда... меня знаешь? — с трудом выговорил он.

— Знаю. Ты забыл, а мы встречались. Давай документы!

Степан Иванович схитрил. Браконьера он никогда не встречал. Просто запомнил, что струсивший напарник назвал имя — Алёха.

— Я на рыбалку документы не беру,— сказал браконьер в ушанке.

— А у тебя,— обратился боцман ко второму браконьеру,— есть документы?

Тот достал из внутреннего кармана новенький жёлтый бумажник, вынул из него паспорт и передал боцману.

— Ну вот и со вторым познакомились,— раскрыв паспорт, сказал Степан Иванович.— А теперь следуйте за нами!

Он спрятал паспорт в карман и подал команду:

— Вёсла на воду! Вперёд на Архангельск!

А через день Вяча прибежал к Антоше Прилучному. И, как и в тот памятный день — 7 июня, опять, потрясая газетой, прокричал:

— Эврика!

Только газета на этот раз была не московская, а местная.

— Кинематографисты? — не глядя на товарища, спросил Антоша, закручивая в доску какого-то загадочного ящика полуторадюймовый шуруп.

— Не кинематографисты, а мы...

— Что «мы»?

— Мы в газете. Я, ты, Степан Иванович, Ян, Инга и даже Егор-Беломор. Читай! Нет, давай вместе почитаем.

Ребята уселись на диван и развернули газету.

— Вот видишь. Большая заметка. Читай! «Школьники задержали браконьеров». Только тут неправильно. Я почему-то последний. Даже Егор впереди.

В заметке, в разделе «Происшествия», подробно описывалось, как экипаж «Ласточки» задержал браконьерскую лодку, и полностью назывались имена и фамилии боцмана и всех ребят.

В конце заметки было сказано:

«За решительные действия по охране рыбных ресурсов Северной Двины начальник рыбнадзора наградил отважных школьников ценными подарками. У браконьеров реквизированы охотничье ружьё и два килограмма взрывчатки. Помимо того, они понесут наказание в административном порядке».

— Вот видишь, и без кафтана прославились! — Вяча весь сиял от удовольствия.

— «Прославились»! — насмешливо повторил Антон.— Велика слава!..

— А что, не прославились? Да ведь теперь о нас будет знать весь город, даже вся область. А может быть, ещё и в центральных газетах напечатают.

— Хвастун ты, Вячеслав,— сердито сказал Антон.— Подумаешь, захватили браконьеров. Да это сделал бы каждый мальчишка.

— Так ведь у них ружьё было. Они чуть Степана Ивановича не застрелили!

— Не застрелили бы, струсили бы. Они ведь, гады, трусливы, как зайцы. Вот Ян—молодец: выхватил ружьё.

Антоша отложил газету и взялся за отвёртку. А Вяча спросил:

— Послушай, а где эти ценные подарки, которыми нас наградили?

— Ну, позовут когда-нибудь и вручат.

— Интересно, какие? — не унимался Вяча.— Может быть, часы, а? Хорошо бы часы... Антон, поедем к Степану Ивановичу. Может быть, он не читал газету и не видел заметку.

Но Степан Иванович уже прочитал заметку.

— Ну и расписали! — усмехнулся он.— Будто мы новый полюс открыли или на Марс слетали. И слова-то какие «рыбные ресурсы», «решительные действия», «отважные школьники», «реквизированы». Тьфу!

Боцман угостил мальчиков чаем и румяными картофельными шаньгами. Соломбальские хозяйки — мастерицы стряпать всевозможные рыбные пироги и кулебяки, картофельные шаньги и ватрушки с творогом. Такой мастерицей была и жена боцмана Ирина Григорьевна.

А на другой день боцмана и всех мальчиков пригласили в рыбнадзор и там торжественно вручили подарки.

Степану Ивановичу подарили карманные именные часы. Инга получила маленький транзисторный приёмник. А остальным матросам «Ласточки» достались

небольшие библиотеки. Книги в них были самые разнообразные: художественные и технические, по охоте и рыболовству, по спорту и даже по выращиванию цветов.

Ребята смеялись. У Вячи в библиотеке оказались «Спутник рыболова» и «Справочник юного техника». Егор с недоумением рассматривал «Историю Древнего Рима» и «Отечественную войну 1812 года». Яну достались книги по кулинарии и о певчих птицах, которые он сразу отложил, ухватившись за небольшую книжечку «Футбол-73» с биографиями знаменитых футболистов и спортивным календарём. А Антон обнаружил в своей библиотеке «Разведение кроликов» и «Комнатное цветоводство».

Но ошибку рыбнадзоровцев было легко исправить. Ребята тут же обменялись книгами. И все остались довольны.

Праздник на улице

Перед новым походом боцман Рябов держал речь. Он старался говорить спокойно и весело, но голос его от волнения всё же чуть дрожал.

— Ну вот, мои доблестные матросы! После этого рейса нам придётся надолго расстаться. Думал, спишут меня на пенсию. Ан нет. Опять пароходство зовёт старого боцмана поплавать. Посылают в дальнее. Я, конечно, согласился. Жалко вас оставлять, но море манит, а годы уходят. Может быть, это будет моё последнее плавание. Пойду прощаться с моряцкой жизнью. Ещё разок посмотрю на белый свет, на чужие дальние страны. А вам нужен новый боцман. Воля ваша, выбирайте, кого сами пожелаете. Только я бы посоветовал вам выбрать Антошу Прилучного. А выберете боцмана — так уж подчиняйтесь ему беспрекословно, без всяких отговорок. Ум хорошо, а два лучше — это верно, но на практике руководить, командовать должен один.

Ребята приуныли: оставаться без старшего добро-

го друга, к которому они так привыкли и которого полюбили, было грустно. Но радость за Степана Ивановича, отправляющегося в большое плавание, всё же победила. Боцманом своего шлюпа ребята тут же выбрали Антона.

— Берегите «Ласточку»,— напутствовал их Степан Иванович.— Она хорошо нам послужила и послужит ещё. Чуть где заметите неполадку, поломку — сейчас же подремонтируйте, подновите шлюп. Вы теперь и подшпаклевать и подкрасить — всё умеете. Ну хорошо. Егор, Инга, отдать швартовы! Это моя последняя команда. Антон — на руль. Действуй! Отныне я на «Ласточке» пассажир.

Степан Иванович перешёл с кормы на среднюю банку, а его место занял новый боцман Антоша Прилучный.

Предстоял последний рейс с бывшим боцманом славных кораблей — трёхмачтового парусника «Буревестник» и крошечного шлюпа «Ласточка».

— Вёсла на воду! — подал первую свою боцманскую команду Антон.— Вперёд! Раз-два, раз-два!

«Ласточка» быстро набрала ход.

— Куда вас прокатить, товарищ пассажир? — с улыбкой спросил он Степана Ивановича.

— Пойдём на взморье,— отозвался Рябов.— Хоть не на взморье, но в ту сторону.

Шли вблизи правого берега. Северная Двина была спокойна. Только по дрожанию солнечной дорожки была заметна стремительность течения на середине фарватера.

На рейде за Соломбалой стояли два океанских транспорта-лесовоза. Один советский теплоход, второй — норвежский пароход. Ребята давно научились определять «национальность» судов — по кормовым флагам, по портам приписки, тоже указанным на корме под названием судна, а иногда и по марке пароходной компании на трубе. Норвежский транспорт принадлежал большой фирме, пароходы и теплоходы которой очень часто стояли под погрузкой у архан-

гельских лесных причалов — бирж со штабелями досок, диленов и круглого окоренного леса.

Ранним утром берега ещё были тихи и безлюдны. Но неожиданно тишину разорвал резкий, хотя и негромкий звук.

— Ручная сирена,— догадался Степан Иванович.

На берегу стояли два человека. Конечно, это они вызывали с судна шлюпку. Но стоящие на рейде транспорты не отзывались.

— Придётся, видимо, помочь морякам,— сказал Рябов.— Антон, ты боцман, тебе и решать.

— Конечно, ответил Антоша и круто повернул шлюп к берегу.— Интересно, наши это или норвежцы?

— Увидим.— Степан Иванович взял бинокль.— Одеты так, что не различишь, кто они. Но помочь надо в любом случае.

«Ласточка» подошла к берегу, и Антон пригласил незнакомцев садиться.

— Тюнк ю, тюнк ю! — смущённо поблагодарили они, удивляясь неожиданной помощи.

— Ноуиджен,— улыбнулся Степан Иванович.— Пожалуйста! Плис!

Не ожидая повторного приглашения, норвежцы прыгнули в шлюп. Они были в отличных костюмах, но по рукам в ссадинах и с въевшейся грязью Степан Иванович сразу определил: это кочегары.

Боцман знал английский язык, но слабо. Поэтому разговор пришлось вести в основном жестами.

Когда «Ласточка» подошла к борту норвежского парохода, один из норвежцев сказал:

— Тюнк ю, мастер! Рюс, Совет, Норвега — дружба!

И протянул Степану Ивановичу советский рубль. Боцман отстранил руку норвежца:

— Ноу. Такой дружбы у нас не бывает.

Иностранцы легко взобрались по штормтрапу на вымерший, казалось, пароход. Сверху, с борта, они махали экипажу «Ласточки» и что-то кричали.

Ребята, в свою очередь, тоже помахали норвежцам и в знак прощального приветствия подняли вёсла в «стойку». Затем Антон скомандовал:

— Вёсла на воду!

И «Ласточка» оторвалась от судна.

— Вот и в последнем моём рейсе добро людям сделали,— сказал Степан Иванович.— Везёт нам. Только теперь на «Ласточке» — четыре матроса, боцман минус, боцман плюс; капитан в уме. А пятого матроса по судовой роли уже не хватает. Что будете делать?

— У-у! — воскликнул Егор.— На нашей улице сколько хочешь ребят. Только скажи — они передерутся из-за места на «Ласточке».

И верно, когда «Ласточка» уходила в поход, каждый раз на берегу собиралось множество соломбальских мальчишек. Они завистливо смотрели на счастливых матросов маленького шлюпа. Конечно, у большинства этих мальчиков имелись свои моторные катера или лодки, и они вдосталь катались по реке. Но ведь куда интереснее ходить в дальние походы в общей команде под началом опытного старого моряка, каким был боцман Степан Иванович Рябов. А тут ещё и грот-парус, и стаксель, и флаг-вымпел!..

— О, я знаю, что нужно сделать,— загадочно сказал Антон.

— Что? — как всегда, не удержался Вяча.

— Пока секрет.

— Ничего не нужно делать,— буркнул Егор.— Возьмём соседского Славку Хабарова — и всё. Он парень здоровый, ему уже четырнадцать. А батька у него вторым механиком плавает.

— Вам можно и шестого матроса взять,— посоветовал Степан Иванович.— В три пары вёсел «Ласточка» совсем быстроходной станет.

— Можно шестого? — обрадовался новый боцман.—Тогда я ещё кое-что придумал!

— Ну что, что? — пристал Вяча.

— Не торопись, матрос Полянкин. Узнаешь.

— Ладно, матросы, двинулись домой,— сказал Степан Иванович.— Сегодня моё судно с моря приходит. А завтра утром я уже должен на нём боцманские дела принять.

Во дворе домика, где жил боцман Рябов, ребята расселись за столом под тополем, вспоминая, как они пришли сюда впервые и познакомились со Степаном Ивановичем.

Вяча Полянкин вытащил из кармана записную книжку в голубой клеёнчатой обложке, раскрыл её и торжественно прочитал:

— «1973 года июня 7-го в 2 часа 25 минут пополудни на острове Соломбала произошла знаменательная встреча...»

Воспользовавшись отсутствием Степана Ивановича, который ушёл в дом, ребята стали держать большой совет.

Слово взял Антон:

— Мы хорошо провели время со Степаном Ивановичем, и он многому научил нас. В благодарность за всё хорошее, что он сделал для нас, на прощание мы должны нашему бывшему боцману преподнести подарок.

— Часы? — спросил Вяча.— Так у него уже двое часов, а может быть, и больше.

— Нет,— прервал друга Антон.—Подарок совсем другой...

И тут новый боцман поведал экипажу свой план, от которого все пришли в восторг. А Вяча даже заявил:

— Ты гений, Антон! Спиноза, Аристотель, Гегель!

— Пустомеля,— проворчал Егор.— Дело нужно делать, раз задумали, а не болтать!

Вскоре поблизости от дома Степана Ивановича на заборе появилось большое объявление, написанное крупными буквами:

«Сегодня, 2 августа, в 5 часов вечера, организуется субботник всех мальчиков и девочек этой улицы. Возраст участников субботника — от 10 до 15 лет.

Двое лучших, кто отличится на субботнике, будут зачислены в экипаж шлюпа «Ласточка».

У объявления останавливались не только ребята, но и взрослые. Они читали и недоумевали: какой субботник, если сегодня четверг...

А матросы «Ласточки» из-за забора втихомолку наблюдали за читающими.

Задолго до пяти часов у объявления собралось человек двадцать мальчишек. Пришли и четыре девочки. Велико было желание попасть в команду матросов.

— У кого есть лопаты, топоры, ломики, носилки,— объявил Антон,— тащите сюда! Будем убирать улицу, засыпать рытвины, копать канавы. Вот на этом участке.

Окраинная улица, на которой жил Степан Иванович, была не замощена. Весной от тающего снега и осенью от дождей дорогу заливало водой, и водители автомашин мучились, когда колёса застревали в непролазной грязи глубоких ухабов.

Всеми работами руководил Антон. Вяча отправился домой с заданием принести какой-нибудь еды.

— Мусор из своих дворов тащите сюда и засыпайте ямы. Если есть ненужный песок и земля, тоже несите.

Часам к девяти вечера улица во всю длину квартала преобразилась. И в это время по обновлённой будто специально для этого дороге к дому боцмана Рябова подкатила легковая автомашина. Первым из неё, к несказанному удивлению экипажа «Ласточки», выскочил Вяча Полянкин. Затем матросы увидели кинооператора Савву Кирилловича и режиссёра Якова Наумовича.

— Сейчас нам будут показывать кадры из кинофильма «Сказание об Иване Рябове»! — крикнул Вяча.— Готовьте экран!

Яков Наумович, здороваясь со Степаном Ивановичем, сразу обрушился на него с вопросами:

— Когда же вы преподадите мне урок рыбной ловли?

Но Савва Кириллович перебил его.

— Сейчас вы увидите себя на экране! — сообщил он Степану Ивановичу.— Приглашайте смотреть ваших друзей!

Так неожиданно начавшийся на улице субботник ещё неожиданнее закончился кинопросмотром.

Ребята и взрослые переполнили большую комнату в доме Рябовых. Стульев и табуреток, конечно, не хватило, и люди стояли, притиснутые друг к другу от двери до самого экрана. А экран получился превосходный: для этого Ирина Григорьевна достала самую большую снежно-белую простыню.

Окна занавесили, и в комнату вступили полумрак и тишина. Щёлкнул и мягко заверещал киноаппарат. На экране некоторое время мелькали прыгающие полосы — прямые, зигзагообразные, потом похожие на проливной дождь. Но вот появилась Северная Двина и мчащийся по реке стремительный глиссер.

— При монтаже это будет вырезано,— сказал кинооператор.

Затем появились низкие песчаные берега Заостровья и знакомая матросам «Ласточки» просторная зелёная поляна. Перед зрителями развернулась праздничная петровская ассамблея. Пышно разодетые кавалеры в париках в медлительном танце вели не менее пышно разодетых дам с самыми немыслимыми причёсками. А посередине стоял сам Пётр Первый — высоченный, широкоплечий артист Мелкишев.

Затем на экране возникла грозная Новодвинская крепость — грозная и неприступная для врага.

— А ведь всё это раскрашенные доски и фанера,— зашептал Вяча.— Мы же видели...

— Декорации,— отозвался Антоша.— Но здорово!

Фанерные стены крепости с бойницами и пушками на экране действительно выглядели внушительно.

Наконец, к всеобщему ликованию экипажа «Ла-

сточки», на экране пошли кадры, где на скамье у замшелой избы, рубленной на углах «в крест», сидел не кто иной, как Степан Иванович Рябов, но не боцман, а посадский помор.

Послышались возгласы:

— Да это же Степан Иванович!..

— Встань-ка, сосед, пройдись! Посмотрим на тебя.

— Теперь и на нашей улице свой киноартист. Ребята, берите скорее у Степана Ивановича автографы!

Потом кинооператор показал зрителям захват шведами в плен кормщика Ивана Рябова, и на экране крупным планом возник шведский фрегат.

— Степан Иванович,— закричал Вяча,— смотрите, ваш «Буревестник»!

— Он самый,— взволнованно произнёс боцман.— И узнаю и не узнаю. Вот ведь как всё перекроили у моего парусника. И всё же узнать можно. Столько лет на нём плавал! Он самый — «Буревестник»...

— Мы показали вам только малую часть фильма,— сказал Савва Кириллович.— У нас уже заснято очень много. И в Москве ещё будут съёмки. А потом монтаж. Ну, а месяцев через семь-восемь вы, конечно, увидите и всю картину целиком.

Режиссёр и кинооператор уехали, но жители улицы ещё долго не расходились, обсуждая необычное для их жизни событие.

А матросы «Ласточки» снова держали большой совет, но на этот раз пригласив и Степана Ивановича.

— Я считаю, Егор прав,— заявил Антон.— Пожалуй, лучше всех работал Слава Хабаров. Я тоже предлагаю зачислить его в экипаж «Ласточки». А шестым матросом мы в каждый рейс будем брать по очереди всех остальных, кто сегодня работал. У меня все записаны. В первый поход предлагаю взять Риту Саврасову — она лучше многих мальчишек работала. Да и у Инги подружка будет.

„Добро“ — слово моряцкое

Степан Иванович получил назначение боцманом на большой океанский теплоход «Капитан Кучин».

Александр Иванович Кучин, онежский моряк, сопровождал норвежского путешественника Амундсена в экспедицию к Южному полюсу, а также участвовал в экспедиции русского полярного исследователя Владимира Александровича Русанова на судне «Геркулес». Из последней экспедиции Кучин не вернулся, но северяне хорошо помнят своего знаменитого земляка. В честь его и назван теплоход, на котором Степан Иванович должен был идти в плавание.

Получив в пароходстве назначение, он сразу же направился на борт своего нового судна, представился, как положено, вахтенному штурману, потом — капитану и быстро принял от предшественника всё палубное хозяйство.

Теплоход «Капитан Кучин» встал под погрузку у лесобиржи соломбальского комбината, и Степан Иванович изредка мог бывать дома, навещать жену.

Команда «Ласточки» единодушно решила в походы не ходить, пока их бывший боцман, а теперь боцман большого теплохода Степан Иванович не уйдёт в море. А об отходе «Капитана Кучина» Антона должен был известить Егор-Беломор.

И вот Егор приехал к Антону.

— Завтра в десять ноль-ноль «Капитан Кучин» отходит.

На другой день утром «Ласточка» с экипажем в полном составе вышла из речки Соломбалки на Северную Двину и взяла курс к лесобирже. Были на борту шлюпа и новые матросы: Слава и Рита.

Когда «Ласточка» подошла совсем близко к борту «Капитана Кучина», ребята увидели Степана Ивановича. Боцман сбежал по трапу с полубака и наклонился через борт.

— Шесть матросов плюс боцман Антон, капитан в уме. Добро, друзья!

— Мы пришли вас проводить! — крикнул в мегафон Вяча.

— Спасибо, дорогие!

На мачте теплохода вился отходной флаг. Команда, судя по всему, готовилась к отплытию.

Нежданно-негаданно подошёл буксирный пароходик «Белуха». На нём всё ещё был капитаном уже знакомый экипажу «Ласточки» Карпыч.

— Ого, здорово, старик! — приветствовал Карпыча боцман.— На одном конце четыре узла. Всё ещё плаваешь?

— Да куда же я брошу свою дролюшку?! А ты в рейс собрался? Ну, да ты ещё молодой. Счастливо плавать! Три фута под килем! — закончил Карпыч добрым моряцким напутствием.

«Белуха» прошла, не застопорив ход. Да и ход-то у неё, у «старушки», был самый черепаший.

Боцман ещё с минуту поговорил с матросами «Ласточки» и поспешил на полубак, на своё место при отходе. Капитан и вахтенный штурман уже были на капитанском мостике.

Послышалась команда отдать швартовы. Нос теплохода стал медленно отдаляться от причальной стенки – знакомые всем ребятам минуты.

Степан Иванович был занят, и юные матросы снизу его не видели.

— «Кучин» отойдёт, тогда и увидим,— сказал Слава.

— Давайте споём на прощанье дяде Степану песню, предложила Рита.— Только какую?..

— Ясно какую — «Вечер на рейде»,— сказал Вяча.

— Так ведь там поётся «Уходим завтра в море», а тут сегодня, сейчас.

— Это ничего,— успокоил Антон.— Запевай, Рита! Только, ребята, погромче подпевайте, чтобы на палубе «Кучина» было слышно.

Рита запела звонко и высоко:

Споёмте, друзья...

Песня ожила над большой рекой и, подхваченная всеми матросами «Ласточки», набирала силу.

За фальшбортом показался Степан Иванович. Он неистово махал фуражкой.

Услыхав песню, к борту собрались все не занятые на вахте члены команды «Капитана Кучина». Они дружно подхватили:

Пусть нам подпоёт
Седой, боевой капитан.

Капитан стоял на крыле мостика и улыбался. Он не был ни седым, ни боевым. Он был совсем молод и войны не видел.

А тем временем теплоход уже вышел на полный фарватер и лёг на основной курс. «Ласточка» сопровождала его. И казалось, словно крепкими швартовыми канатами соединяет огромный теплоход и маленький шлюп моряцкая песня.

Провожая Степана Ивановича в далёкое плавание, члены экипажа «Ласточки» желали ему счастья и три фута под килем. Семь узлов на одном конце, минус старый боцман, плюс новый боцман, капитан, как всегда, в уме!

Добро, боцман Рябов! Добро, маленькие матросы!

ПОЛЯРНАЯ ГВОЗДИКА

Повесть-путешествие

Живут на нашем Севере сказки и легенды, смелые и героические, затейливые и мечтательные, светлые и улыбчивые. Великое множество их, сестриц-волшебниц. Весело и вольготно живут они. Живут в теремах резных-узорчатых, в простых крестьянских избах и на сценах сельских клубов, на рыбацких станах, в чумах и на базах оседлости пастухов-оленеводов. И владеют сказки и легенды на Севере огромными землями. От древнего города Великого Устюга раскинулись их владения по могучей и раздольной Северной Двине, по медвежьим берегам Беломорья, по неохватным ягельным[1] просторам ненецкой тундры до самого Камня-Урала и по далёким заполярным островам до хмурого и сурового батюшки-Груманта — Шпицбергена.

[1] Ягель — тундровый мох, корм северных оленей.

Много-много сказок и легенд, былин и сказаний на Севере, но никто не знает их больше, чем старый Степан Егорович Поморцев.

1. К далёкому острову

Большой океанский теплоход отправлялся в рейс — к далёкому заполярному острову.

Палуба теплохода была заполнена пассажирами, а причал — провожающими. Те и другие перекликались, о чём-то напоминали друг другу. Слышались напутствия и пожелания счастливого плавания. Царило то пёстрое, весёлое, а иногда и чуточку чем-то тревожное оживление, какое обычно бывает при отплытии большого пассажирского корабля.

Одним из последних на борт теплохода неторопливо поднялся маленький, но плечистый, бородатый и гривастый старик, похожий на колдуна-лесовика. А ещё он чем-то напоминал старого-престарого седого моржа. За плечи старика, словно цирковая обезьянка, цеплялся тощий парусиновый мешок с карманами, обшитыми полосками коричневой кожи. В одной руке пассажир держал старый чёрный плащ-дождевик, в другой — такую же старую чёрную шляпу.

Хотя старик и походил на колдуна, его никто не испугался, даже маленькие дети, которые были и на теплоходе и на причале. Наоборот, многие пассажиры старику обрадовались. С теплохода его приветствовали. А молодой капитан судна даже сошёл с мостика встречать нового пассажира. В этом большом портовом городе Степан Егорович был старожилом, и все жители хорошо его знали.

Да, этого колдуна звали просто — Степан Егорович Поморцев. И был он известен всей стране своими сказками — весёлыми, хитроватыми, причудливыми и чуточку растрёпанными. Необыкновенные его сказки пронзительно пахли хвоей сосен и ёлок, растущих на высоких береговых сопках Беломорья. Они искрились кристалликами торосистых полярных льдов. И напол-

нялись северным шумом: криками белой совы и разбойной чайки-бургомистра, посвистом пуночки, недовольным рёвом его заполярного величества белого медведя и завыванием бесноватой и мстительной пурги — хад. А потом в сказке вдруг наступала не то мирная, не то коварная и гибельная тишина штилевого холодного океана и вековечной мерзлоты.

Когда-то в давние времена Степан Егорович плавал матросом на больших пароходах, повидал многие дальние чужеземные страны и несколько лет жил среди ненцев на заполярном острове Новом, куда сейчас уходил теплоход.

Впервые Степан Егорович приехал на остров Новый задолго до революции, укрываясь от жандармов. Знакомый капитан парохода, шедшего в Заполярье, спрятал молодого революционера в своей каюте ещё накануне отхода. Сюда жандармы без особого прокурорского указания входить не имели права. Они могли осмотреть трюмы, побывать в кубриках команды, даже заглянуть в пассажирские каюты. Но капитанский мостик и капитанская каюта были местами запретными.

Поморцев в том рейсе появился на палубе, когда пароход уже полным ходом шёл по Белому морю, держа курс в Ледовитый океан, к острову Новому, и никаких жандармов на судне, конечно, уже не было.

Да, это было очень давно, задолго до Октябрьской революции. Тогда Степан Поморцев впервые услышал от старых ненцев чудесную легенду об отважном вожде тундровиков Ваули-Ненянге, о волшебном цветке — полярной гвоздике и о стреле восстания, до сих пор разыскиваемой неуёмными одиночками-охотниками, всё ещё верящими в возвращение мятежного Ваули.

Два года прозимовал тогда Поморцев на острове. Он охотился на моржей, тюленей, песцов и записывал от поморов-зверобоев и от жителей Заполярья — ненцев — затейливые сказки, волшебные легенды и протяжные северные песни. Ненцы любили сказочника,

доброго русского человека Поморцева, и называли его «тохолкода», «юре», «нинека», что по-русски означает: «учитель», «друг», «старший брат».

Маленькая пассажирка Наташа Лазарева, дочь старшего механика теплохода, стояла на палубе у борта. Начались каникулы, и проводить их Наташа будет не в городе, не в пионерском лагере, а на заполярном острове. Раньше Наташа часто бывала на судне у отца, много раз провожала его в далёкие рейсы, но в море, в Заполярье, девочка отправлялась впервые.

Был конец июня. В гости к Лазаревым с юга приезжала тётя, сестра Наташиной матери. Уезжая домой, в Крым, она настойчиво звала племянницу к себе в гости. Мать тоже уговаривала Наташу поехать с тётей к Чёрному морю. Но Наташа, к всеобщему удивлению, наотрез отказалась. Она давно мечтала пойти с отцом в рейс на его теплоходе, побывать в Заполярье, на острове Новом. А сманивал её туда своими рассказами старинный отцовский друг, метеоролог Алексей Кириллович Осипов. Он многие годы зимовал на острове.

Приезжая на Большую землю в отпуск или в командировку, дядя Алёша всегда останавливался у Лазаревых.

Мать не хотела отпускать Наташу в Заполярье даже с отцом: «Ведь там же льды, дикий холод!»

Мама боялась, мама не отпускала, а Наташа настаивала: «Поеду с папой, и никуда больше!» Отец, Пётр Иванович, посмеивался над мамой и говорил: «Поехали, доченька! Тебя там ждут! Дядя Алёша ждёт, и Илюшка Валей ждёт. Хороший мальчишка. Он на острове и родился. А на будущий год мы Илюшку к нам в гости пригласим!»

И поездка Наташи была решена.

Сейчас Наташа с нетерпением ждала отплытия теплохода.

Она была в новеньком спортивном костюме. Голубой, с белыми каёмками на высоком воротнике и на

рукавах, костюм был чуточку великоват, но ведь Наташа ещё должна была расти. А главное, костюм настоящий, спортивного общества «Водник». И на ногах были отличные кеды. В таких кедах хорошо будет ходить и по песку и по тундровым болотам.

У Наташи две толстенькие косы, заплетённые тоже голубыми лентами. Наташа одно время подумывала: а неплохо бы остричься под мальчишку, но мать воспротивилась, и отец поддержал маму. Какая же это девочка, какая это школьница без кос? А глаза у Наташи тоже голубые, глаза северянки. Это хорошо. Вот только нос чуть-чуть вздёрнут. У Наташиного отца тоже такой нос, широковатый, но от этого лицо его всегда кажется весёлым и добрым.

Словом, у Наташи всё такое же, как у отца,— и глаза, и нос, и волосы. И конечно, такой же характер, о котором мама говорит: «Упрямый. Настойчивый. Беспокойный. Вообще какой-то такой...» А Наташа считает, что характер у неё обыкновенный, и главное, отцовский. Но у папы боевые заслуги. Во время войны он служил на торпедном катере, отличился в боях и награждён двумя боевыми орденами. А совсем недавно за отличную работу на теплоходе, на котором сейчас плыла Наташа, папа получил орден Ленина.

Что ж, Наташа тоже когда-нибудь отличится, совершит что-нибудь особенное...

2. Ненецкая легенда о русском богатыре

— Есть у ненецкого народа,— громко и чуть певуче, по-северному, рассказывал старик Поморцев,— такая легенда.

...Когда-то давно-предавно хорошо жилось ненцам на своей тундровой земле. Много было оленей. Несметно водились в тундре белый песец и голубой песец, рыжая и чёрно-бурая лисицы и горностай, в море-океане тюлень, нерпа и морж, рыба всякая. И птицы разной было вдоволь.

Посмотрел однажды всемогущий бог Нум с неба на Землю и затрясся от гнева.

«Негоже так,— раздумывал Нум,— негоже, чтобы равная жизнь и на небе и на Земле была!»

И послал он на Землю своих злых духов, приказал им испортить жизнь ненцам.

Через год снова посмотрел Нум на Землю. Хуже стали жить люди, а всё-таки в каждом чуме есть мясо и сало, есть шкуры и одежда. Ненцы даже песни поют.

Опять позвал всемогущий бог Нум злых духов, стал их ругать на чём свет стоит: плохо выполнили духи приказ Нума.

Попросили злые духи у Нума, у своего повелителя, в помощь себе земных колдунов-шаманов. Согласился Нум, дал им земных шаманов. Спустились злые духи на Землю, призвали к себе шаманов, стали совет держать — сообща думать, как сделать ненцев несчастными.

Самое страшное придумал самый старый и самый хитрый шаман.

Он сказал:

— Нужно отнять у людей Солнце, и тогда не будет на Земле хорошей жизни.

Когда Солнце спустилось низко-низко, злые духи сняли его с небосвода и отдали шаманам. А шаманы спрятали Солнце под самым большим ледником. И стало в тундре совсем темно и холодно.

— Будем держать Солнце взаперти семь лет,— порешили шаманы.— Сделаем подряд семь полярных ночей. И в темноте тайно будем уводить у ненцев оленей.

А одна только полярная ночь длится несколько месяцев.

Всё холоднее и холоднее становилось в тундре. Озёра и реки промёрзли до дна. Земля покрылась ледяной корой. Пропал ягель — олений корм. Стали гибнуть олени у ненцев и звери от холода в тундре. Печальной и голодной землёй стала тундра.

Охотники возвращались из тундры без добычи. И если бы над тундрой не сияла путеводная Нгер-Нумгы — Полярная звезда, охотники не нашли бы дорогу к своим чумам и погибли бы.

Долго-долго тянулись семь полярных ночей подряд. Шаманы стали ещё жаднее.

— Пусть ещё семь полярных ночей подряд пройдёт,— порешили они.— Мало ещё мы отобрали у людей оленей.

Из тундры улетели все птицы. Ненцы стали болеть разными болезнями. Многие замёрзли, потому что не было оленьих шкур и мехов. Многие умерли с голоду, потому что не было мяса и сала, не было рыбы и морского зверя.

Прошло ещё семь полярных ночей подряд. Созвал Нум своих злых духов, похвалил за то, что испортили жизнь на Земле.

Понеслись духи на Землю, созвали всех шаманов, стали злую думу думать. «Если освободим Солнце,— думали духи и шаманы,— всемогущий Нум опять разгневается, потому что ненцы опять будут жить хорошо. Солнце, ещё горячее и светлое, пусть лежит под ледником и остывает».

Обрадовались такому решению шаманы:

— Последних оленей у ненцев уведём, пока они совсем не станут безоленными. А без оленей в тундре не житьё. Олень ненца кормит, олень ненца одевает. Ненцы все перемрут. Останемся мы одни. Тогда и Солнце достанем из-под ледника...

Одна за другой проходили полярные ночи. Даже шаманы потеряли им счёт.

Всё так бы и продолжалось. И погибли бы ненцы в своём родном краю. Но однажды в тундре появился русский богатырь. Он пронёсся по тундре с такой быстротой, что за его упряжкой не могли угнаться даже самые быстрые ветры. Он собрал всех бедняков ненцев и так сказал:

— Мы, русские, отказались от своего бога. Мы прогнали всех своих богатеев и попов-шаманов. Если

хотите, чтобы не вымер, чтобы продолжался ваш род, берите луки и стрелы, идите в бой против шаманов. Отберите у них ваших оленей. Я вам помогу!

Семь дней тёмных и семь ночей тьма-тьмущих длилась битва бедняков ненцев во главе с русским богатырём против шаманов и злых духов. Стрелы летели подобно пурге. Не выдержали шаманы и духи, разбежались, а многие попали в плен к беднякам.

После битвы посмотрел русский богатырь на мёртвую тундру, огляделся и далеко-далеко увидел столб пара.

— Что это? — спросил он у ненцев.

— Мы не знаем,— отвечали ненцы.— Спросим у пленных шаманов. Они всё знают.

Привели пленных шаманов. Русский богатырь спросил у них, почему столб пара поднимается над тундрой.

— Это под землёй костёр горит,— отвечали хитрые шаманы.— Там хозяин тундры живёт.

Не поверил русский богатырь шаманам, пошёл туда, где виднелся пар. На пути встретил он горячую реку, что вытекала из-под ледника. Догадался русский богатырь, что обманули его шаманы. Догадался, что здесь спрятано украденное Солнце. Ударил он с силой своим острым топором по леднику — ледник раскололся. И из трещины выскочил в тундру яркий солнечный лучик.

Высвободил богатырь Солнце из-под льда, взошёл на самую высокую сопку и с силой метнул Солнце в небо. И на великую радость ненцев засияло Солнце над тундрой. Засияло пуще, чем прежде, чем при давних предках, засияло ярче и горячее.

Растаяли льды и снега. Ожили озёра и реки. Вернулись в тундру звери и птицы. Хорошо, свободно, радостно стали жить ненцы, как никогда, ни в какие времена не жили их предки.

А русский богатырь взял с собой молодых ненцев и ненок, чтобы учить их в больших городах, чтобы стали они учителями и докторами.

Проведав о таких делах, рассердился бог Нум на своих злых духов и в гневе превратил их в пыль и прах. А шаманов разогнал по тундре. Оставил на Земле вредить людям одну только злющую старуху хад — пургу. И перестал с тех пор бог Нум смотреть на Землю, а сам забрался так далеко и так высоко, что его больше уже никто не увидит. Да и раньше-то ненцы его никогда не видели.

А богатыря того русского, как говорят старики ненцы, звали Ленин. И ещё говорят, что ненцы в благодарность подарили русскому богатырю волшебный хаерад — цветок.

Такова легенда.

Теперь ежегодно, когда после долгой полярной ночи лучистое, словно вновь рождённое, солнце впервые показывается над горизонтом, заливая снежные просторы светом, всё живое оборачивается к нему. Останавливаются оленьи и собачьи упряжки, и люди затаив дыхание, с радостной улыбкой смотрят на солнце. Женщины, дети и старики выходят из домов и чумов. Даже собаки, насторожив уши, не спускают глаз с огненного диска.

В этот праздничный день ненцы вспоминают сказания и легенды о потерянном и возрождённом солнце. В этот день они особенно ясно сознают, что обновлённое солнце пришло к ним вместе с Советской властью.

А когда после ослепительного полярного лета-дня солнце опять надолго уходит за горизонт, в уютных домах на базах оседлости у ненцев ярко загораются «лампочки Ильича», могучего русского богатыря.

...Между тем теплоход прошёл всю реку и вышел в открытое море. Просторное, с одной стороны уже безбрежное, море было спокойно, и солнечные отблески искрились, словно тонули и вновь вспыхивали на его лазурной глади.

3. Легенда о вожде восстания

Море для Наташи, впервые оказавшейся на его бескрайних просторах, было уже сказкой. Полный и загадочный горизонт можно увидеть только на море. Из-за горизонта приходят легенды и сказки. Так думала Наташа, потому что вскоре на теплоходе, при лёгком морском волнении, она узнала о другой легенде, словно пришедшей из-за горизонта. И опять её рассказывал старый сказочник Поморцев.

То была легенда об отважном Ваули-Ненянге, об умном и сильном Ваули — вожде ненецкого народа, о том славном герое тундры, что поднял своих соплеменников на смелое восстание, о Ваули, который долгое время был грозой тундровых богатеев многооленщиков и царских воевод. Он стоял за правду, защищая безоленных бедняков.

...В прошлом веке, лет полтораста назад, на Большой земле, в тундре, появился возмутитель спокойствия, молодой ненец Ваули, по прозвищу Ненянг, что по-ненецки означает «Комар».

В те времена, как и теперь, большие стада оленей паслись в тундре, но владели теми стадами ненецкие богатеи-кулаки, а безоленные бедняки были у них в батрачестве, в пастухах. Жили безоленщики, вечно забитые, в беспросветной нужде. Все ненцы должны были платить в царскую казну ясак — налог мягкой рухлядью. Назывались мягкой рухлядью песцовые и лисьи меха. Если мехов хватало на ясак и ещё немного оставалось, то жалкие остатки их ненцы выменивали у русских торговцев на муку, чай и табак.

С горечью смотрел благородный Ваули на нищенскую жизнь своих соплеменников. Долго думал молодой охотник, как помочь беднякам. И надумал. Кликнул Ваули клич по тундре, собрал своих ближайших молодых товарищей, таких же, как он сам, метких стрелков-охотников, в летучий отряд.

Как говорится о том в легенде, молва о Ваули и о его призыве к восстанию понеслась по тундре быст-

рее оленьих упряжек. Несли молву на стремительных крыльях чудесные сказочные птицы. За молвой по ненецким стойбищам помчались быстрые оленьи аргиши [1] со смельчаками. Были у этих смельчаков особые стрелы — сигналы к восстанию. Этими стрелами звал Ваули-Ненянг своих соплеменников на борьбу против богатеев, царских воевод и чиновников.

На лёгких оленьих упряжках отряд Ваули всегда неожиданно и молниеносно налетал на кулацкие стада и угонял оленей. Свою добычу Ваули раздавал беднякам ненцам.

Пожилые и старые ненцы и ненки и даже ребятишки знали отважного Ваули, любили его за добрые дела. Тайком все они ему помогали. Отряд Ваули быстро рос, а его внезапные налёты на стада и кулацкие чумы становились всё более дерзкими. И тогда царские воеводы послали в тундру много-много солдат и казаков.

Однажды Ваули и несколько его товарищей попали в засаду и были схвачены. Их привезли в Обдорск.

— Тогда это было село,— пояснил Поморцев своим слушателям,— а теперь Обдорск большой город и называется по-другому — Салехард.

Захваченных зачинщиков восстания сослали ещё дальше, на восток. Но вскоре все они бежали из ссылки.

Ваули не испугался преследований. Он снова собрал отряд, и ещё больше прежнего. Помимо отряда, сторонников у Ваули в тундре становилось всё больше и больше. Под надёжной защитой повстанцев и с их помощью легче стала жизнь, и ликовала бедняцкая тундра. Зато всё сильнее озлоблялось на Ваули многооленное кулачьё.

Перед очередной ярмаркой в Обдорске Ваули уговорил многих ненцев не платить пока налог и не менять меха у торговцев. Он сказал, что потребует установить новые цены на меха, более выгодные для тундровых охотников.

[1] Арги́ш — несколько оленьих упряжек.

До Обдорска, до купцов и царских воевод, дошёл слух, что полуторатысячный отряд Ваули приближается к селу. Перепуганные чиновники и воеводы послали гонцов за помощью, за казаками.

Но Ваули, предупреждённый об опасности, не пошёл в Обдорск, а царские войска идти в тундру побоялись.

Тогда чиновники пустились на хитрость, на обман. Они приказали местному князьку и богачу Тайшину ехать в тундру для переговоров с Ваули.

В тундре Тайшин встретил огромный отряд вооружённых повстанцев. От имени царских властей он клятвенно пообещал Ваули выполнить все требования ненцев-бедняков — пастухов и охотников. А вождя сманил в Обдорск якобы в гости и для дальнейших переговоров.

Ваули отобрал два десятка самых сильных, смелых и надёжных товарищей и поехал в село.

Когда в Обдорске в сопровождении Тайшина он вошёл в избу и едва успел скинуть совик, ворвались казаки и стражники. В жестокой, но неравной борьбе ненцы были одолены и связаны.

Ваули плюнул в лицо подошедшему к нему Тайшину, но плевок попал на мундир исправника. Ваули жестоко избили и заковали в кандалы. Потом его вместе с товарищами под стражей отправили в далёкий Тобольск. Военный суд приговорил вождя восстания к смертной казни, а его верных друзей — к пожизненной каторге.

Говорили в тундре, что Ваули-Ненянгу снова удалось бежать. Некоторые в те времена ещё суеверные ненцы передавали слухи, что казнённый Ваули бессмертен, что он воскрес и скоро вернётся в тундру.

— Этого в легенде ненецкой нет,— сказал Поморцев.— Но среди русских шли разговоры о том, что отважного вождя ненецкого народа в Тобольске видели декабристы.

Ненцы так и не дождались своего защитника...

— Теперь,— сказал Степан Егорович,— старые

ненцы говорят: «Дух нашего Ваули вернулся!» Для них народная власть и новая жизнь в Заполярье — это и есть дух их отважного вождя Ваули-Ненянга, погибшего за свой народ полтораста лет назад.

4. Легенда о волшебном цветке

Наташа спала на диване в отцовской каюте. Во сне она видела вождя восстания Ваули-Ненянга и сказочника Поморцева. Они ехали на оленьей упряжке и разговаривали. И Наташа ехала вместе с ними куда-то далеко-далеко.

Как хорошо покачивает на нартах! Слышится какой-то чуть уловимый шум. Что это? Полозья скрипят или приближается злая пурга?.. Ведь Наташа никогда в жизни не ездила на оленях.

Наташа смотрит на Ваули-Ненянга: с ним и со Степаном Егоровичем ей ничего не страшно.

— Это очень хорошо, что девочка побывает в Заполярье,— говорит Степан Егорович.— Она увидит много необычного, услышит много интересного и никогда ею не слышанного, встретит много добрых и смелых людей. Это очень хорошо, Пётр Иванович, что ты взял с собой девочку в Заполярье!

«Почему Пётр Иванович? — подумала Наташа.— С нами едет отважный ненец Ваули, а сказочник говорит: «Пётр Иванович».

Она приоткрыла глаза. Но что это? Нет никакой тундры, нет нарт и оленей. И нет Ваули-Ненянга. Она видит Степана Егоровича, слышит его голос. И напротив сказочника сидит Наташин отец. А Наташа лежит на диване в его каюте. И шум слышится из машинного отделения.

Теплоход размеренно покачивает.

Как жаль, что нет бесстрашного Ваули! Но зато всё-таки она, Наташа Лазарева, едет в Заполярье, на остров Новый. И ещё, оказывается, папа знаком со сказочником Поморцевым.

— Девочка поедет в тундру,— продолжал Степан

Егорович,— и, может быть, она найдёт хаерад — цветок, солнечный цветок, приносящий земле тепло. Очень давно один русский учёный видел этот цветок на Большой земле, недалеко от отрогов Пай-Хоя, у охотника Лаптандера. Учёный назвал цветок полярной гвоздикой. Он просил Лаптандера подарить или продать хаерад-цветок, но охотник побоялся, что это рассердит ненцев и наведёт на чум Лаптандеров горе и несчастья.

— Почему же солнечный цветок он назвал гвоздикой? — спросил Пётр Иванович.

— Хаерад — цветок ярко-красный. А гвоздика, вы знаете, цветок революции, символ счастья. Может быть, этот учёный слышал о Ваули-Ненянге и знал, что вождь ненцев всегда хранил у себя хаерад-цветок. И хранил он цветок солнца вместе со своей стрелой восстания... А вот мой друг, нынешний председатель островного Совета, Филипп Ардеев составил проект отепления заполярного острова Нового. Проект изумительный, смелый, он может показаться фантастическим, а кое-кому даже сумасбродным. Но в Москве и в Ленинграде есть учёные, которые поддерживают проект Филиппа. Так вот, свой проект Филипп Ардеев называет «Хаерад-цветок», или «Полярная гвоздика».

— А где я найду солнечный цветок? — спросила вдруг Наташа.

— О, уже проснулась, полярница! — сказал отец.— Вставай и знакомься. А потом будем ужинать.

Наташа встала и поздоровалась со сказочником.

— Где я найду солнечный цветок? — повторила она.— Какой он?

— Есть у нас в России такое растение кипрей, а в народе его ещё называют иван-чаем,— сказал Степан Егорович.— Это удивительный цветок. Он выделяет теплоту и тем самым спасает от заморозков другие растения, растущие рядом. Писатель Константин Георгиевич Паустовский назвал кипрей заботливым и

самоотверженным цветком, защитником растений. И ещё Паустовский сказал, что жизнь, окружающая нас, хотя бы жизнь вот этого простенького и скромного цветка кипрея, бывает интереснее самых волшебных сказок. Так вот, хаерад-цветок обладает таким же чудесным свойством, как кипрей, и даже в бо́льшей степени. Хаерад-цветок излучает теплоту, обогревает вокруг себя воздух и почву, спасает от осеннего холода и от инея соседние растения, пока их не покроет первый снег. Но кипрея всюду много, а хаерад-цветок находили лишь очень редкие счастливцы. Листья кипрея иногда заваривают вместо чая, потому он и зовётся иван-чаем. Хаерад вряд ли годится для этого. Зато, говорят, расцветая на долгое время, он может на несколько метров вокруг себя даже снег растопить. И ещё говорят, что имеющий полярную гвоздику сможет заглянуть в далёкое прошлое и может увидеть далёкое будущее. Вот этот хаерад-цветок и подарили Ленину старые ненцы в благодарность за возвращённое солнце. Вероятно, потому Филипп Ардеев и назвал свой проект отепления острова именем солнечного цветка. Жители холодных стран всегда мечтали о тепле для своей земли...

— А вы видели полярную гвоздику? — спросила Наташа.

Степан Егорович покачал головой:

— Нет, я никогда не видел хаерад-цветка. Но я видел рисунок цветка, сделанный моей ученицей, ненецкой девочкой Любашей-Мэневой. Она нашла хаерад и нарисовала его, но сорвать побоялась. Когда Мэнева вернулась в становище и рассказала о цветке, ей не поверили. Ей сказали, что цветок нужно было вырыть с корнями и привезти в становище, чтобы посадить поблизости. Недели через две Любаша-Мэнева снова поехала в глубь острова на охоту, но цветок найти она уже не могла. Так и решили, что всю эту историю Мэнева сама придумала. Но я верю Любаше-Мэневе — она правдивый человек. И она очень хорошо нарисовала полярную гвоздику. Я именно та-

ким и представлял этот волшебный красный цветок. А тебя, Наташа, на острове я познакомлю с Мэневой...

В каюту принесли ужин — салат из помидоров, рубленый шницель и кофе. Все принялись за еду. Обычно механик завтракал, обедал и ужинал в кают-компании с командным составом теплохода, но сегодня у него был гость, и ужинать он остался в своей каюте.

– Степан Егорович, а я найду полярную гвоздику? — спросила Наташа.

— Может быть, и найдёшь. Но на острове есть ещё другая полярная гвоздика, только это не хаерад. Ботаники её называют «Дианчис супербюс». Такой гвоздики на острове можно найти много, но она не излучает тепла. Мы будем искать хаерад-цветок вместе. Мы позовём Илюшу Валея и его мать Любашу-Мэневу. А может быть, с нами поедет в тундру и отец Илюши. Он хороший охотник, и лучше его никто не знает остров...

5. Любаша-Мэнева

Они познакомились и подружились давно, ещё тем летом, когда на остров Новый привезли по брёвнам разобранный дом — школьное здание. Они — это Степан Егорович Поморцев и маленькая девочка Любаша, которую по-ненецки звали Мэнева.

После короткого канонадного шторма бледная июльская ночь присмирела над Медвежьей губой на острове Новом. Незаходящее полярное солнце укрылось за серыми клочковатыми облаками. Сухие, лохматые снежные перья тихо ложились на палубу и на тенты люков пришедшего парохода. Редкие и лёгкие, в унылом, застывшем воздухе снежинки были почти невидимы.

Едва пароход отдал якорь на рейде губы, как к его борту подошёл пузатый четырёхвесельный вельбот и полдесятка стрельных ненецких лодок.

На вельботе приехал председатель островного Совета Филипп Ардеев. Старенький, но ещё крепкий вельбот — прошлогодний подарок моряков гидрографического судна — был гордостью председателя.

Капитан на мостике ещё отдавал вахтенному штурману последние распоряжения, а председатель по штормтрапу уже ловко вскарабкался на борт парохода. За ним так же быстро и ловко поднялась девчушка-ненка лет восьми. Она была одета в новенькую паницу, расшитую затейливыми цветными узорами-лентами.

— Ты чего, Филипп Иванович, торопишься? крикнул с мостика капитан.— Не мог подождать парадного трапа?

Председатель махнул рукой, хотел что-то ответить, но тут же попал в объятия Степана Егоровича Поморцева, своего старого знакомого.

Последовали обычные при подобных встречах, нарочито бодрые и в то же время стеснительные: «Ну, как?», «Что нового?», «Как здоровье?». И такие же ответы, краткие, улыбчивые: «Да так», «Всё хорошо». Они не виделись два года и теперь с любопытством рассматривали друг друга.

Девочка, бойко взобравшаяся по зыбкому штормтрапу, на палубе вдруг присмирела и прижалась к переборке.

— А это кто? — спросил Поморцев.— У тебя, Филипп Иванович, дочерей-то, кажется, не было.

— Не было,— смущённо ответил председатель. - Теперь вот есть.

— Ну, здравствуй! — Поморцев протянул девочке руку.— Давай знакомиться. Как тебя зовут?

Девочка исподлобья взглянула на Поморцева.

— Люба её зовут,— сказал председатель.

— Люба, Любовь,— сказал Поморцев. Он высвободил из рукава паницы руку девочки.— А меня зовут дед Степан Поморцев. Я тебе, Люба, сказки буду рассказывать. Много-много сказок! Паница у тебя богатая, Люба. Прямо княжна самоедская!

Девочка перестала хмуриться, но молчала и удивлённо смотрела на бородатого и гривастого, невысокого человека в поношенном чёрном плаще.

Минут десять спустя капитан, сказочник и гости с острова уже сидели в кают-компании.

— Значит, школу привезли? — спросил председатель.

— И школу и учителя,— сказал Поморцев.— Теперь, Люба, ты будешь учиться в школе. Будешь?

Девочка дичливо молчала.

К чаю Поморцев принёс из своей каюты банку варенья, а Любе подарил плитку шоколада с гривастым львом на этикетке.

Девочка долго рассматривала этикетку, потом посмотрела на Поморцева и неожиданно сказала:

— Ты такой. У тебя голова такая.

Капитан и сказочник расхохотались. Люба смутилась и добавила:

— Только у тебя глаза не такие, не злые... Это собака?

— Вот это хватка! — продолжал смеяться капитан.— Вот сравнила! Мы думали, что вы, Степан Егорович, больше похожи на моржа, а оказывается, вы — лев. И в самом деле похож. И правильно подметила: глаза-то у вас не львиные. Только шевелюра с бородой.

Подступало утро. Оно было таким же бледным и унылым, как и полярная ночь.

Председатель ушёл в каюту к капитану. Сказочник остался с Любой на палубе. На первых порах Степан Егорович рассказал коротенькую сказку. Люба внимательно слушала, но всё время молчала, не сказала ни одного слова. И всё же она становилась всё доверчивее и спокойнее.

А ещё больше они познакомились и потом подружились уже на острове — в маленьком домике островного Совета, где жил председатель Филипп Иванович Ардеев.

Всех знал на острове Новом Степан Егорович, да-

же шамана, ныне безработного и редко появляющегося в становище Медвежьем. А вот маленькую ненку Любу, которую по-ненецки звали Мэнева, он увидел в первый раз.

Её историю Поморцев узнал позднее от Филиппа Ивановича.

Отец Любы-Мэневы погиб на глазах у товарищей, вблизи от Медвежьей губы, в год рождения дочери. С двумя другими молодыми ненцами он выехал охотиться на чистиков, а встретился с моржом. Оба ствола ружья у охотника были заряжены дробью, бессильной перед огромным зверем. В скорости хода крошечная стрельная лодка тоже уступала моржу. Страшный удар бивнем по корме решил исход борьбы.

Русский поп крестил девочку в часовне и назвал Любовью, а бабка Тасей противилась попу, ненавидела свою невестку Устинью, мать Любы, и звала девочку Мэневой. Тасей уже взрослой сама была насильно окрещена, но крест не носила.

Она была ещё не старая, но злая и упрямая женщина. Через год после гибели сына Тасей выгнала из чума невестку, и той пришлось с маленькой дочерью идти к старому отцу Хатанзею.

Свои три десятка оленей Любина бабка пасла в глубине острова, далеко в тундре. Она зналась с шаманом и в своём чуме хранила деревянных божков. Отправляясь на охоту и на рыбалку, Тасей прятала древних дедовских божков под малицей, надеясь на их помощь.

Три года на острове об Октябрьской революции даже не слышали. Пароходы из Архангельска не приходили. Не приезжали на своих карбасах с Большой земли и русские промышленники и торговцы.

В это время вдовый ненец Филипп Ардеев посватался к вдове Устинье, матери Любы, и женился на ней. Весть о новом замужестве невестки быстро долетела до чума Тасей. Взбешённая бабка запрягла оленей и понеслась в Медвежье. Она задумала отобрать

внучку, но в пути поняла, что девчонку ей так легко не отдадут.

Надоумил шаман, к которому Тасей заехала посоветоваться.

Тасей украла девочку, когда Филиппа и Устиньи не было в чуме. Устинья, догадываясь, куда исчезла Любаша, вместе с мужем поехала к бабке Тасей. Бабка встретила гостей с ружьём наготове. Так и осталась пятилетняя Люба-Мэнева жить у злой, нелюбимой, почти чужой бабки.

— Нету у Тасей сына,— говорила бабка Любаше. - Нету у Тасей внука. Тасей будет старая. Мэнева будет оленей пасти, на охоту ходить, старую бабушку кормить.

Так говорила Тасей, но большая старость была от неё ещё далеко. А вообще Тасей говорила мало. И ещё меньше говорила маленькая Люба. Подолгу оставаясь в чуме одна, она росла молчаливой и запуганной.

Бабка выменивала у русских на песцовые шкурки водку и табак, и тогда девочка особенно боялась её. Пьяная бабка плясала и пела и заставляла Мэневу курить трубку. Любаша кашляла, плакала и пыталась убежать. Но Тасей хватала её, больно трясла за плечи и потом бросала на шкуры, а сама во весь голос пела, дико завывая, и плясала.

Но вот в прошлом году Филиппа Ардеева избрали председателем островного Совета.

Дважды приезжал Филипп в тундру и упрашивал Тасей отдать девочку. Но бабка и слышать ничего не хотела и гнала председателя. Перед майскими праздниками к Тасей за девочкой вместе с Филиппом и старым Хатанзеем — отцом Устиньи — поехал русский метеоролог Осипов.

Он не испугался ружья Тасей, подошёл к ней и сказал:

— Островной Совет постановил вернуть Устинье её родную дочь. Ты слышишь, Тасей, Совет постановил, народ, все жители острова постановили.

Метеоролог отстранил бабку и вошёл в чум. Мэне-

ва перепугалась и спряталась в шкуры. Осипов силком вывел её из чума и усадил в нарты.

В бессильной злобе стояла Тасей у своего чума и молчала. И только когда аргиш Филиппа тронулся в обратный путь, она завопила на всю тундру:

— Мэнева — моя! Мэнева будет моя!

За несколько лет впервые в тот день поела Люба вдоволь и вкусно. Устинья была вне себя от радости и сразу принялась шить дочери новую паницу из давно припасённой шкуры белого оленя.

Трудно приживалась Любаша в необычном для неё жилье — деревянном доме. Она охотно помогала матери по хозяйству, но очень мало разговаривала даже с ней. Расположения маленькой нелюдимки не могли добиться ни Филипп, ни метеоролог Осипов, ни сверстницы из ближнего стойбища.

Чудо сотворил сказочник Поморцев. С первого же дня приезда девочка потянулась к нему. Может быть, тому причиной была его необычная внешность. А может быть, ей понравилась весёлая, а под конец чуть грустная сказка, рассказанная Степаном Егоровичем. Но только уже на другой день они вдвоём отправились в маленькое путешествие по берегу Медвежьей губы. Поморцев прихватил с собой этюдник. На глазах у изумлённой Любаши он нарисовал акварелью прибрежную сопку и около неё отдыхающую оленью упряжку.

Конечно, Любаша никогда не слышала о Ленине. Поморцев рассказал ей о великом вожде. Девочка многого не понимала, но она уже стала во всём верить Егорычу — так, по примеру других ненцев, называла она сказочника. Она чувствовала в большом человеке, о котором говорил Егорыч и который жил далеко-далеко, в большом городе Москве, своего большого друга, друга ненцев. Она постоянно спрашивала:

— Когда Ленин приедет к нам? — И просила: — Привези к нам Ленина!

Поморцев подарил девочке маленький гипсовый

бюст Пушкина и прочитал ей «Сказку о попе и о работнике его Балде». И опять многого не поняла Любаша. Держа бюст поэта, она спросила:

— Это болван? Это сядэй?

Сядэй был у бабки Тасей — деревянный божок. Таких божков русские торговцы и промышленники называли болванами.

— Нет, это не сядэй,— объяснял Поморцев.— Это тоже большой русский человек. Он писал стихи. Он писал книги.

Весёлый Пушкин со своими сказками сопровождал старика и девочку в их длительных походах по берегам бухты и ягельным просторам тундры. Впереди вышагивал кот учёный под охраной семи богатырей. А путешественников охраняли ещё тридцать три богатыря во главе с дядькой Черномором и князем Гвидоном. Тут же были отважный Руслан и хитроумный Балда. И даже золотая рыбка приплывала из Синего моря в Ледовитый океан и превращала Любашу то в прекрасную царевну Лебедь, то в добрую фею. И маленькой ненке очень хотелось самой делать хорошие дела для хороших людей.

О приезде русских с Большой земли прослышала Тасей. У неё давно кончились запасы пороха и дроби, давным-давно не было табака и чая, на исходе была мука. Велика была её досада, когда она узнала, что приехали не торговцы. Кое-что она выменяла на шкурки у команды. У советских моряков были табак и чай. Но не было пороха, муки и водки.

Переждав, когда Филипп ушёл из дому, Тасей зашла к невестке. Поморцева она видела и раньше, в прошлые его приезды на остров. Войдя в дом, Тасей прикинулась больной и доброй. Она даже подсунула Любаше песцовую шкурку, которую девочка тут же отодвинула от себя.

Незлопамятная Устинья накормила бабку, дала ей хлеба и сахара.

Старуха отказалась лечь на кровать. Валяясь на полу, на оленьей шкуре, она стонала от мнимой боли.

6. Хлебный божок

Приподнявшись со шкуры, Тасей увидела на подоконнике бюст Пушкина. Вообразив, что это божок-болван, и забыв о своих болезнях, она вскочила. Тасей уже хотела схватить бюст, но Любаша опередила её и спрятала драгоценный подарок.

Узнав, что божком девочку одарил русский Егорыч, бабка пристала к сказочнику:

— Дай мне такого каменного сядэя!

— У меня больше нет бюста,— сказал Поморцев.— У меня был только один.

Но Тасей словно не понимала его. Она ходила за Поморцевым по комнате и настаивала:

— Дай каменного сядэя!

В это время Устинья замесила в квашне тесто.

— Хорошо,— согласился Степан Егорович.— Я вылеплю тебе бюст человека из теста.

Степан Егорович за полчаса слепил бородатого старика, похожего, может быть, на бога, а может быть, и на безбожника — учёного Дарвина. Сказочник подсушил свою хлебную скульптуру и отдал бабке Тасей. Изумлённая искусством Егорыча, Тасей бережно завернула хлебного болвана в пыжиковую шкурку и упрятала в мешок, предварительно смазав его губы салом. Этим она задабривала идола, чтобы он помогал ей на охоте.

Между тем Степан Егорович собирался уезжать на Большую землю. Плотники уже начали ставить здание школы. Нужно было разузнать, кто из детей будет посещать школу.

Учитель Алексей Иванович, приехавший на остров вместе с Поморцевым, должен был отправиться по стойбищам. Но он совсем не знал острова. И тогда Степан Егорович посоветовал ему взять в проводники Любашу, дочь Устиньи.

Любаша согласилась. Да, она знала если не весь остров, то почти все ближайшие стойбища.

Они распрощались со сказочником и отправились

в путь по тундре. Но уже в первом же чуме первого стойбища их ожидала неудача.

Алексей Иванович завёл с хозяином, пожилым ненцем, разговор о школе и о том, что его ребятам нужно учиться. А ребят в чуме оказалось двое.

— Ты учи её,— сказал охотник, указывая на Любашу.— У неё отец председатель. У меня Мартынко оленей пасёт, охотник будет. Катька — девка, тоже оленей пасти будет. Не надо школы. Учи Мэневу.

Заупрямился ненец и наотрез отказался записать детей в школу.

Так и уехали учитель и Любаша к другому стойбищу. Там стояли три чума. Но и там в двух чумах случилось то же самое. Отцы и матери не соглашались отпускать ребят.

— Одевать, кормить, обучать детей будем, и всё это бесплатно,— увещевал Алексей Иванович.

Но все его уговоры встречались упрямыми: «Нет», «Не надо».

В третьем чуме они неожиданно увидели бабку Тасей. Это был чум её брата Василия.

Тасей обрадовалась приезду внучки, принялась её угощать олениной, гусятиной и гольцом.

У Василия жили внуки — двенадцатилетний Иван и восьмилетний Степан. Они хорошо знали Любашу и встретили её дружелюбно, а учителя сторонились и на его вопросы не отвечали.

Вечером, за ужином, Алексей Иванович неуверенно начал разговор о школе. И велико было его удивление, когда, при молчании деда, бабка Тасей учителя поддержала.

— Пусть Иванко и Степан учатся,— говорила хитрая Тасей.— Будут, как Филипп, как художник и сюдбала [1] Егорыч с Большой земли.

После ужина Тасей уехала домой, а обрадованный и успокоенный первым успехом Алексей Иванович вслед за ребятами и хозяином улёгся спать.

---

[1] Сюдбала — сказочник.

Проснувшись утром, учитель окликнул Любашу. Девочки в чуме не было. Не было и Василия.

Он вышел из чума и увидел хозяина, ремонтирующего нарты.

Учитель спросил о Любаше.

— Мэнева? — равнодушно отвечал старик.— Э, Мэнева уехала, должно, в Медвежье.

Учитель недоумевал и даже растерялся:

— Как уехала? Почему? Любаша никуда не собиралась без меня уезжать...

— Она больная,— сказал Василий, усмехаясь и прикладывая указательный палец к виску. -Она исялмбада [1].

— А олени? — спросил потрясённый учитель.

— Оленей увела Мэнева...

Конечно, брат Тасей лгал учителю. По сговору с ним Тасей ночью вернулась в стойбище.

Девочка спала близ выхода. Ей заткнули рот тряпкой и бесшумно вытащили из чума. Связанную Любашу уложили на её же нарту, и Тасей с бешеной скоростью погнала упряжки к своей стоянке.

Не скоро поняла Любаша, что случилось. И поняла только, когда бабка сказала ей уже в своём чуме:

— Теперь всегда будешь жить с бабушкой.

Часами сидела девочка неподвижно, не произнося ни слова, не притрагиваясь к еде. А Тасей много дней караулила её и из чума не выпускала.

Наконец Тасей собралась в отъезд. У чума она не оставила ни оленей, ни нарт. Она знала, что без упряжки по гиблой болотистой тундре из этих мест далеко не уйдёшь. И Тасей спокойно уехала разыскивать русских промышленников. Голодная, бродила Любаша около чума. Долгое время пролежавшее в миске мясо начало гнить, зачервивело и смрадно, до тошноты, пахло. Любаша его выбросила.

Бежать девочке было некуда. Вокруг в тундре подстерегали трясина и чаруса [2], в которых, как она зна-

[1] Йсялмбада — сумасшедшая.

[2] Чару́са — болота.

ла, гибли не только люди, но и осторожные, далеко чуявшие опасные места олени.

Прошло несколько дней, а бабка всё не возвращалась. Голод измучил Любашу, и она уже жалела, что выбросила гнилое мясо.

Она думала, что к ней скоро приедут люди — учитель, мать Устинья, дед Хатанзей. Но время шло, а люди не показывались.

Подолгу лежала она в чуме, забываясь в тревожном полусне. К ней приходил сказочник Егорыч, а с ним — богатыри и волшебница Лебедь. Весёлый Балда подносил ей миски с горами жирной оленины, гусятины и рыбы. И было много-много хлеба — огромные ломти, мягкие и тёплые, только-только отрезанные от только-только испечённого каравая.

Любаша хватала хлеб, хватала куски мяса. Потом она приходила в себя, и ей становилось страшно. Не было Егорыча, не было хлеба. Ничего не было, кроме старых, пересохших оленьих шкур да бледной ночи, заглядывающей в чум через щели и входную дыру.

Хоть бы какой-нибудь кусочек, который можно съесть!

Под утро девочка хотела встать, чтобы напиться. Но, обессиленная, она не смогла удержаться на ногах и свалилась. Уже не думая ни о Егорыче, ни о матери, она впала в забытьё.

Очнувшись, она поползла к ящику с мисками, хотя знала, что миски пусты. И бочка, где Тасей хранила муку, была пуста. Девочка почти бессознательно протянула руку за бочку и нащупала мягкую шкуру. Она пальцами почувствовала, что это пыжик.

Любаша притянула к себе шкуру и принялась сосать. Потом она стала рвать шкурку зубами и вдруг под мехом ощутила что-то твёрдое. Если бы кусок сала! Если бы рыба.

Но это было не сало и не сушёная рыба. Это был бюст старика, слепленный художником Егорычем.

В полумраке чума Люба долго рассматривала бородатого божка, губы которого были густо вымазаны

застылым гусиным салом. Она стала жадно слизывать сало и только тут вспомнила, что болван слеплен из теста. Хлебный болван, хлебный божок, которому молилась Тасей!

Хлеб! Кусок съедобного, без которого девочка вот-вот могла умереть.

Любаша впилась крепкими зубами в одеревенелую фигурку старика. Раздался сухой треск, посыпались крошки. Любаша вздрогнула. Она вскинула голову, и ей показалось, что в чум ворвалась взбешённая Тасей. Её лицо искажала злоба. Девочка уронила болвана и закрыла лицо дрожащими ладонями.

Но никакой Тасей не было.

И голод победил страх. Она схватила болвана и с силой разломила его пополам. Она грызла яростно и жадно, пока от одной половины не осталось ни крошки.

Покончив с сухарём, девочка успокоилась. Но вскоре её опять охватил страх перед возвращением Тасей.

Так Любаша неподвижно просидела несколько минут. Потом она спрятала шкурку на прежнее место и зачерпнула в кружку воды. Напившись, вышла из чума. Тундра была пустынна и безмолвна.

Всё ещё хотелось есть. Половина божка лежала под большой оленьей шкурой. Искушение было велико, и преодолеть его девочка была не в силах. Она вытащила оставшийся кусок и, отгоняя пугающие мысли, снова принялась грызть.

Она спала без снов и без тревоги. Она не слышала, как к чуму подъехали учитель Алексей Иванович и дед Хатанзей.

На шкуре около девочки Алексей Иванович нашёл крохотный кусочек сухаря. Это были остатки хлебного болвана-сядэя, которому ещё несколько дней назад молилась бабка Тасей.

7. Сын зверобоя

Далёкий Заполярный остров Новый, куда ехала Наташа, был хотя и не сказочный, но его история, его земля — тундра, сопки, скалы и коварные песчаные отмели, его бухты и быстринные речки хранили множество тайн и загадок.

Остров холодный, зимой с многомесячной полярной ночью и крепчайшими морозами. Но более всего страшны здесь ураганные ветры со снегом. Дикая пурга, или хад, как её называют ненцы, сбивает человека с ног, каждую секунду норовит погубить его.

А летом — непроницаемые туманы. В сумрачное безветрие комары и мошкара слепят глаза, назойливо рвутся в рот, в ноздри, в уши, доводя новичков до отчаяния.

Зато в летнее безоблачье солнце день и ночь незакатно бродит по кругу над островом — все двадцать четыре часа.

На острове — ни деревца, ни кустика. Летом тундра зацветает. Зацветает неярко, но пестро — морошечником, лютиком, меленькой незабудкой.

Весной долгое время прибрежные льды окружают остров и не подпускают к нему ни лодку, ни пешего человека. Весенние эти льды слабы, чтобы выдержать человека, и слишком плотны, чтобы через них пробиралась шлюпка. Посудине покрупнее, с двигателем, препятствуют и угрожают мели и подводные камни.

Таков остров, исстари русский, на который ещё в прошлом веке зарились чужеземцы. Они считали, что на острове есть залежи цветных металлов. Они знали, что остров богат пушниной, морским зверем, птицей и рыбой. Без ведома царских властей они забирались на остров и вели там разведки. Один из таких путешественников писал: «Исследование этого острова, расположенного близ границ Европы и Азии, обещает богатую жатву для натуралиста».

Жатва у этого «натуралиста» была в самом деле богатая. Его судно возвратилось с острова, перепол-

ненное шкурами белых медведей, песцами, пыжиками—шкурками молочных оленёнков, бивнями моржей и ненецкими божками-идолами. Чужеземцы выкрали с острова даже молоденькую девушку-туземку.

По возвращении из своего хищнического похода владелец судна рассказывал: «Оказалось, что это прежде всего не совсем пустыня. Там живут и даже чувствуют себя счастливыми люди; скупая там на свои дары природа набросала зато живописные ландшафты, дикие, но величественные по своей красоте».

Что ж, во многом иностранец был прав. Хотя природа острова сурова, он несметно богат и своеобразно красив.

Местные жители - ненцы — раньше жили в чумах. Чум — высокую, круглую, конусообразную палатку — строят из жердей и обтягивают оленьими шкурами. В чуме разжигают костёр для тепла и приготовления пищи. Теперь чумы остались только далеко в тундре для пастухов, охраняющих и перегоняющих по острову стада оленей.

Островитяне живут в домах. На берегу Медвежьей губы стоят два посёлка: русской фактории и ненецкого колхоза — база оседлости. В посёлках построены клуб, школа-интернат, электростанция, магазин, склады продовольствия и пушнины.

Живёт на острове в колхозном посёлке мальчик Илюша Валей, сын тундрового охотника и морского зверобоя. Зимой Илюша учится в школе, а летом вольготно проводит время на берегу моря и в тундре.

Хотя чужеземный путешественник и говорил в прошлом веке о счастливых островитянах, дед и прадед Илюши никакого счастья не знали. Прадед был безоленным ненцем и пас оленей у богатея. Дед не захотел стать пастухом, ловил в тундре капканами песцов, потом на песцовые шкурки купил у русского промышленника старое ружьё-кремнёвку. Но Илюшиного деда и охота не вывела из бедноты. И сына своего Ефима, Илюшиного отца, он приучил к охоте. Вдвоём

они справили другое ружьё — берданку. Она и досталась Ефиму Валею в наследство после смерти старика.

Пожалуй, на всём острове нет более опытного следопыта и зверобоя, более меткого стрелка, чем Ефим Валей. Потому он и возглавляет бригаду охотников. И Илюша будет охотником. Отец ему уже давал стрелять из ружья, хотя Илюше всего одиннадцать. Другим ребятам отцы стрелять не дают, а Илюше отец давал, строго приговаривая:

— Без баловства только! Ружьё — не палка. С ружьём шутить — со смертью шутить. Учись, хорошим охотником будешь!

А когда Илюша убил первого чистика, отец сказал:

— Саво! Хорошо! — И повторил раньше сказанное: — Хорошим охотником будешь!

Конечно, отец давал Илюше ружьё на две-три минуты, когда сам был рядом, да и то очень редко. А дома к ружью даже прикасаться строго-настрого запрещал.

Весенний перелёт птиц уже давно прошёл. Они улетели дальше на север и на другие острова, но много птиц загнездилось и на Новом. Вчера отец со своими охотниками ушёл в глубь острова и к западному побережью.

А сегодня островитяне ожидали с Большой земли теплоход. Илюша никогда ещё не бывал на Большой земле. Он проснулся рано и вышел на берег, хотя хорошо знал, что теплоход придёт не раньше полудня. Он зайдёт в бухту — Медвежью губу и отдаст якоря на рейде. К деревянному помосту-пристани теплоходу не подойти. Тут мелко. Даже колхозный бот подходит к пристани только на самой большой воде.

Едва теплоход войдёт в губу и ещё не успеет отдать якоря, к нему скорёхонько устремятся доры и карбаса. С завидной быстротой и ловкостью по штормтрапу — верёвочной лестнице с деревянными

выбленками-ступеньками — взберутся на палубу теплохода ненцы и русские зимовщики. Начнётся перегрузка с теплохода на бот и доры мешков, ящиков, бочек. За несколько рейсов доставит теплоход островитянам муки, сахару, чаю, соли, крупы, картофеля, табаку и папирос на всю будущую зиму. Привезёт теплоход разную мануфактуру и обувь, строительные материалы, машины, бензин, оружие, патроны, порох, дробь, рыболовные снасти. Привезёт теплоход ещё новые фильмы, книги для школы и библиотеки, ребятам — учебники и тетради, школьную форму и игрушки. И последним рейсом привезёт для школы-интерната большую ёлку. Ёлку нужно сохранить до Нового года, чтобы не осыпалась. А ещё её нужно перевезти с теплохода на остров так, чтобы никто из ребят не видел.

Почти все школьники на острове жили в интернате. А Илюша жил дома с отцом и матерью. Уроки в школе начинались в девять утра, но Илюша приходил сюда в половине восьмого, за полтора часа,— к подъёму интернатских ребят. Вместе с ними делал гимнастику и потом вместе с ними завтракал.

Он сам был не прочь жить в интернате, но жалко было расставаться с домом. Отец сказал:

— Где хочешь, Илько, там и живи.

В интернате Илюше особенно нравились ребячьи спальни. Кровати стоят ровно-ровно в ряд, и беленькие пододеяльники заправлены тоже ровно-ровно у задних спинок — прямая линия. У каждой кровати шкафчик-тумбочка. В тумбочке в одном отделении хранятся книги и тетради, в другом — мыльница, зубная щётка, порошок и всевозможные вещички, назначение которых иногда ведомо только одному их владельцу.

У Илюши дома тоже отдельная кровать. Есть и щётка и порошок. И полка для книг и тетрадей — отец смастерил. И всё не может решить Илюша, правильно он поступил, что остался жить дома, или лучше было перейти в интернат.

Но вот пройдёт ещё год, и Илюша Валей поедет учиться в Нарьян-Мар — так по-ненецки называется центр Ненецкого национального округа. По-русски Нарьян-Мар означает Красный город.

8. Гости острова

Теплоход отдал якоря на рейде в Медвежьей губе точно по расписанию — в полдень.

«Кто приехал на теплоходе? Что он привёз?» — раздумывал Илюша, вглядываясь в бледно-голубоватую даль моря. У него был чуткий слух и острое зрение, и он хорошо слышал шум якорных цепей и видел, как опустили с борта теплохода шаткий штормтрап. Теплоход был окружён подошедшими с острова дорами, катерами и карбасами.

Первым отвалил от борта теплохода быстроходный катер метеорологической станции. А через пятнадцать минут он уже пришвартовался к островной пристани. Этот катер был хорошо знаком Илюше. Иногда работники метеостанции брали Илюшу в небольшие походы на катере вдоль берегов острова.

Катером управлял Алексей Кириллович Осипов, тот, что приезжал к Наташиному отцу. Это был опытный полярник, проведший на зимовках десятки лет.

Осипов бросил на причал конец канатика — чалку, и Илюша быстро закрепил конец за причальную тумбу. И тут он увидел, что с Осиповым на катере приехал Егорыч, юре. Конечно, он опять будет рисовать и рассказывать сказки.

А кто это?.. На катере рядом с Поморцевым и ещё с другим пожилым мужчиной стояла девочка в спортивном костюме. Она была, пожалуй, постарше Илюши. Может быть, она приехала к родителям или с родителями на зимовку?

Поддерживаемая за руку незнакомым мужчиной, девочка взбежала по крутому трапу на высокую пристань. Она остановилась перед Илюшей и посмотрела ему в глаза. И вдруг тихо спросила:

— Тебя зовут Илюша?

— Илюша. А ты откуда знаешь?

— Мне Степан Егорович говорил.

Илюша усмехнулся:

— Так ведь на острове я не один такой.

— А я вот почему-то сразу подумала, что это ты.

Один за другим на пристань поднялись Поморцев, Наташин отец, другие пассажиры. Последним, как и полагается капитану любого судна, с катера сошёл Алексей Кириллович Осипов. Впрочем, он не был капитаном. Он работал метеорологом на станции, а катером обычно управлял штатный рулевой-моторист. Но ведь на остров приехали дорогие гости — Наташа и Поморцев, и встречать их поехал он сам, без рулевого.

— Здравствуй, Илько! — сказал Степан Егорович.— Вот к вам гостью привёз. Уже познакомились? Как отец поживает? Здоров?

— На охоте. Здоров,— отвечал Илюша.— А она зимовать к нам?

— Нет, в гости. Наташенька, это тот Илюша, о котором я тебе на теплоходе рассказывал.

— А я его сама сразу узнала,— ответила Наташа.

— Пойдёмте, пойдёмте...— поторапливал Осипов.— Дома поговорим, а то нас там заждались.

— Кто заждался? — спросила Наташа.

Алексей Кириллович рассмеялся:

— Ты что же, думаешь, наш остров необитаемый и здесь только мы вдвоём с Илюшкой живём?

По утрамбованному приливами и ветрами, твёрдому, как асфальт, серо-жёлтому песку они прошли от пристани к узкой гряде сопок, тянущихся вдоль всего южного берега. Наташа после подъёма на сопку огляделась. По одну сторону сверкал и чуть слышно рокотал приливными волнами океан, по другую — простиралась тундра, тускло-цветистая и тоже безбрежная, как океан.

Шли по сопкам узкой тропкой гуськом. Впереди — метеоролог, шествие заключал Илюша.

— Куда же вы? — закричал Илюша, увидев, что Осипов поворачивает к метеорологической станции.

— К нам,— ответил Осипов.— Ты не волнуйся, тётя Мэнева тоже у нас.

Алексей Кириллович Осипов с семьёй жил в уютной двухкомнатной квартире в двухэтажном деревянном доме.

— А эти брёвна для дома на пароходе привезли? — спросила Наташа, зная, что на острове нет не только деревьев, но даже кустарника.

— Не-е, это плавник,— пояснил Илюша.

— Дары моря,— усмехнулся Алексей Кириллович.— Из Северной Двины через Белое море бесхозяйственный лес к нам сам приплывает. И строительный материал, и топливо.

Гостей встретили жена Осипова — Вера Андреевна, сын Игорь и тётя Мэнева, мать Илюши. Они суетились, бегали из комнаты в комнату, на кухню, в кладовую и обратно.

Стол был заставлен блюдами, мисками, кастрюлями, тарелками. Чего тут только не было! Куски жареной оленины, холодец из оленьих голов и лыток, пирамиды пельменей, которые Алексей Кириллович называл «полярными», пироги с гольцом и просто голец, холодный и горячий, картофель жареный и отварной, капуста. И конечно, оленьи языки — заполярный деликатес.

Вера Андреевна, хлопотливая и радушная хозяйка, бегала на кухню, приносила новые кушанья и угощала, угощала, угощала:

— Степан Егорович, вы ещё гольца не отведали. Свежепросольный, сама готовила. Обидите. Наташенька, пирожка кусочек, ты только не стесняйся, не у чужих, будь как дома. Пётр Иванович, ещё рюмочку и студня, студня. Алёша, что ты сидишь и не угощаешь?! Ребята, вы ешьте, ешьте...

— Наташа, вот это тётя Мэнева, о которой я тебе рассказывал,— сказал Поморцев, кивая на Илюшину мать.— Помнишь хлебного божка?.. Она и видела

в тундре полярную гвоздику - хаерад, цветок солнца.

— Тётя Мэнева, расскажите,— попросила Наташа.

Мэнева засмущалась:

— Да не знаю, сейчас и сама верю и не верю. Теперь всё думаю, уж не поблазнило ли мне в ту пору.

— Ну всё равно, тетя Мэнева, расскажите!

Стесняясь, с длинными паузами Мэнева рассказала, как она в детстве на охоте за куропатками наткнулась на необыкновенный цветок.

— Я уже хотела сорвать его, а он будто сам оттолкнул мою руку,— говорила Мэнева.— В тот день малый снег выпал, бело кругом, а вокруг красного цветка ни снежинки, голая и талая тундра. Приехала я в стойбище, рассказываю о цветке, а мне одни не верят, другие ругают: надо было цветок выкопать и привезти. Побоялась я тогда...

Наташа во все глаза смотрела на тётю Мэневу. Эта женщина видела волшебный цветок. Наташа нисколько не сомневалась в этом.

— Мы с Илюшей пойдём в тундру и поищем хаерад-цветок,— сказала она.— Правда, Илюша?

— И я пойду,— сказал Игорь.— Всё равно делать нечего. Каникулы.

— А вы с нами, тётя Мэнева, пойдёте?

Мэнева улыбнулась:

— Да ведь разве его найдёшь! Тут люди жизнь прожили, а цветок этот только двое-трое видели, и то давно.

— А мы попробуем,— настаивала Наташа.— Пойдёмте с нами, тётя Мэнева.

— Вот разве в тундре давно не бывала... А только Ефима нужно подождать. Тогда можно.

Илюша вскочил, сверкнул глазами:

— А мы и отца позовём. Он с нами обязательно пойдёт.

— Ефим — отец Илюши,— пояснил Степан Егорович.— Он охотник и остров до последней кочки с

юга на север и с востока на запад вдоль и поперёк исходил и изъездил. Всё знает.

— А вот хаерад-цветок не встречал,— вставила Мэнева.

В эту минуту она, должно быть, гордилась, что вот, мол, такой охотник и знаток острова, как её Ефим, хаерад-цветка не видел, а она видела.

Когда Мэнева забывала об окружающих, она становилась смелее, говорила громче и глаза её поблёскивали. Казалось, она освобождалась от какой-то тяжести прошлого.

Сейчас она была такой, и Наташа невольно залюбовалась этой уже не молодой ненкой. Мэнева в такие минуты по-своему была особенно красива. И уже вместо: «Да ведь разве его найдёшь!» — она решительно заявила:

— Ефим вернётся — все поедем в тундру.

— Искать хаерад-цветок! — воскликнул Илюша.

— Волшебный солнечный цветок,— сказала Наташа.

— Полярную гвоздику! — торжественно заключил сказочник.

9. По тундре на оленях

Пётр Иванович, распрощавшись с дочерью и со всеми остальными, поспешил на судно — приближалось время отхода.

Подступала полночь, а солнце так и не закатывалось. Оно висело над Медвежьей губой, на северо-западе, прохладное и неяркое, и словно посмеивалось над людьми: свечу, а не грею.

Уходя с матерью домой, Илюша сказал:

— А завтра к нам. И ты, Наташа, и ты, юре. Приходите в гости.

— Мне бы хотелось на оленях покататься! — тихо сказала Наташа.— Я ещё никогда не ездила на оленях. Только во сне.

— На оленях? — Илюша рассмеялся.— Э, да это

раз плюнуть. Завтра погостишь у нас, а потом и на оленях.

— А как без снега? — спросила на всякий случай Наташа, хотя слышала, что на оленях ездят по тундре и летом.

— А зачем нам снег? Вот на собаках, тогда по снегу. У нас теперь все собаки безработные, до первого большого снега. А олени есть, сегодня из тундры две упряжки пришли. Покатаешься.

— Почему же я ни оленей, ни собак не видела? Где они?

Тётя Мэнева уже давно тянула Илюшу за руку, а мальчик, не глядя на мать, упирался и продолжал разговаривать с Наташей.

— Когда вы приехали, как раз из тундры и пришли две оленьи упряжки. С ними привели одного оленя с подбитой ногой. На нём уже ездить нельзя. Его тут забили, вот все собаки и сбежались туда с берега. Они всегда издали запах битого оленя чуют. Мяса-то им не дают, а вот потроха — это для них.

— Это как же забили? — в ужасе спросила Наташа.— Убили?

— Ну да, забили, на мясо,— спокойно отвечал Илюша.

— Страшно.

Илюша передёрнул плечами:

— Чего страшного! Обыкновенно. Ведь оленина-то всё равно нужна. А вот осенью в тундре, в стадах, массовый забой бывает, я видел, и даже мне было страшновато.

— Пойдём, пойдём, не пугай девочку на ночь,— ещё сильнее потянула сына Мэнева.

— До свиданья! — крикнул из-за двери Илюша.

На другой день, проснувшись, Наташа услышала в соседней комнате разговор. Она сразу же узнала голоса Степана Егоровича и Илюши. «На острове, в Заполярье!» — вспомнила она и стала одеваться.

— Пойдём скорее! — закричал Илюша, когда Наташа вышла к ним.

— Да подожди ты! — возмутилась Вера Андреевна.— Дай девочке умыться да позавтракать.

— И нет, и нет, и нет! — запротестовал мальчик.— Ничего есть не смей, мама заругается. Уже всё готово, и мама ждёт. И умоешься у нас.— Он схватил Наташу за рукав и потащил к двери...

Тётя Мэнева была не менее гостеприимна и щедра на угощение, чем Вера Андреевна. На столе у неё тоже были и оленина, и пельмени, и голец, и камбала, и холодец, и пироги. И опять, конечно, искусно приготовленные оленьи языки.

— Что же ты, Наташенька, плохо кушаешь? — убивалась Мэнева.— Мало кушаешь, плохо кушаешь. Надо много, надо хорошо кушать, как мой Ефим. Он сырое мясо, мороженую оленину любит. Строгает и кушает, строгает и кушает. Наверно, пол-оленя может скушать.

От спирта, предложенного Мэневой, Степан Егорович отказался.

— Ты ведь знаешь, Мэнева, я не пью,— отводя руку хозяйки с рюмкой, сказал Степан Егорович.— В молодости немного баловался, когда плавал. И покуривал. А потом отказался от всей этой гадости. Вот ты, Мэнева, о мороженой оленине вспомнила. Давненько я её не пробовал.

— Ах ты!..—всполошилась тётя Мэнева.—Что же это я, и не предложила! А ведь раньше видела: ты, Егорыч, помню, тоже строгал и кушал... Сейчас до ямы дойду.

Вскоре Мэнева принесла огромный кусок розовой мороженой оленьей мякоти. Она вытащила из деревянных ножен, висящих у неё на широком матросском ремне, большой охотничий нож и подала Поморцеву.

— Скушаешь всё — сыт будешь,— сказала Мэнева, улыбаясь.

Сказочник взял нож и попробовал его на ноготь. Потом он легко и ловко отстрогнул от куска длинную, вмиг изогнувшуюся в маленькую дугу, ровную полосу мяса. Было видно, что нож остёр, как бритва.

С чувством затаённого любопытства и страха наблюдала Наташа за Степаном Егоровичем, а он взял один конец мясной полоски в зубы и быстрым взмахом ножа снизу вверх отсек его у самых губ. Наташа даже вскрикнула от испуга. А губы? А нос? Нет, ничего, крови нету, а Степан Егорович улыбается и жуёт.

Наташа стояла перепуганная, а тётя Мэнева и Илюша, глядя на неё, хохотали.

Пока сказочник пережёвывал кусок, тётя Мэнева взяла у него нож, так же быстро и сноровисто отстрогнула от куска длинную полоску, так же ухватила один конец её зубами, а потом тоже снизу вверх, к носу, отсекла его резким ударом ножа.

От Алексея Кирилловича Наташа слышала, что ненцы едят сырое мороженое и горячее, от только что зарезанного оленя мясо. Но о таком употреблении ножа она не знала и потому перепугалась.

— И ты так умеешь? — спросила она у Илюши.

— А чего тут уметь? Просто. Ой, уже восемь часов! Сейчас поедем.

— На оленях?

— Понятно, на оленях. Я скоро приду. Собирайтесь.

Наташа моментально забыла о своём испуге и, тормоша Степана Егоровича, закричала:

— На оленях! На оленях! Степан Егорович, поедем на оленях!

Спустя полчаса в комнату вбежал Илюша.

— Упряжки здесь. Поехали.

Тётя Мэнева принесла для Наташи свою малицу.

— Надень,— сказала она.— В тундре мокро, болото, на ходу брызгать будет. Надень!

Илюша тоже надел малицу, подпоясался ремнём. На его ремне висел нож в деревянных ножнах, как у тёти Мэневы, но только поменьше.

Невдалеке от дома стояли две нарты. Запряжённые в них олени прилегли на землю. Нарты были по-

крыты шкурами. Пожилой ненец приветствовал Поморцева:

— Здорово, юре! Когда приехал? Садись!

— Здорово, Василий! — весело отвечал сказочник.— Как поживаешь?

По окрику Василия олени вскочили. Илюша взял с нарт длинный шест, который, как знала Наташа, назывался хореем и служил для управления оленьей упряжкой.

— Садись!

Едва веря своему счастью, Наташа осторожно села на нарту позади Илюши. Степан Егорович разместился на нарте у Василия.

— О-гхэй! — крикнул Василий и приподнял хорей.

Олени стронули нарты, побежали сначала тихонько, потом быстрее и быстрее.

— О-гхэй! — покрикивал Василий.

— О-гхэй! — вторил ему Илюша.

Он лихо управлял упряжкой, на спусках энергично притормаживал нарты хореем, а когда упряжка отставала от упряжки Василия, залихватски кричал:

— О-гхэй! Пошёл! Пошёл!

Бескрайняя тундра пестрела мелкотравьем, тусклыми мелкими цветами и мхом-ягелем. Нарты то скользили по ровной травянистой глади, то вдруг проваливались в болото, и тогда стремительные струи воды высоко вырывались из-под полозьев. Хорошо, что тётя Мэнева заставила Наташу надеть малицу.

На пути изредка встречались высотки, густо поросшие мелкой ромашкой и лютиком, совсем крошечными незабудками и морошечником. Небольшие высотки объезжали, на растянувшиеся — оленей гнали, сойдя с нарт. На высотках было сухо, а главное—интересно с них осматривать тундру. От берега отъехали так далеко, что уже не было видно ни посёлка, ни метеорологической станции. Казалось, что на дальних подступах тундра, как и океан, дышит и, как и океан, несёт запахи солёных полярных ветров. А вот цветы в

Заполярье почти совсем не пахнут. Наташа нарвала небольшой букетик, поднесла к лицу — цветы без запаха безжизненны, а для глаза живут, как и на Большой земле.

Но вот на пути встретилась речка — не очень широкая, но и не ручеёк. Она тянулась далеко далеко, и Василий направил упряжку вдоль её берега.

— Дальше не проехать? — спросила Наташа.

— Почему не проехать? Проедем, где будет помельче,— спокойно ответил Илюша.

— А олени умеют плавать?

— Ещё как! Они могут губу переплыть и переплывают. Только сейчас-то зачем? Мы-то на нартах не поплывём!

Наташа отлично плавала и даже имела третий спортивный разряд. Она спросила:

— А ты?

— Что я?

— Ты плавать умеешь?

— Я немного умею. Осипов научил. А у нас на острове плавать умеют только русские. Они на Большой земле купались, научились плавать. У нас купаться плохо, холодно. А дядя Осипов купается и в Медвежьей губе. И я купался.

Наташа удивилась: жить на острове, среди воды, океана — и не уметь плавать!..

— Мы с тобой тоже будем здесь купаться и плавать. Я не боюсь холодной воды.

Илюша недоверчиво посмотрел на девочку.

В это время Василий резко повернул упряжку на реку.

— Э-гхэй! Илюха, держись! — крикнул он и что есть духу погнал упряжку через реку.

— Э-гхэй! — крикнул и Илюша и взмахнул хореем.— Наташа, держись!

Олени ворвались в воду и в несколько минут вброд пересекли реку. Василий и Илюша тоже бежали вброд. Сказочник и девочка плыли на нартах, защищаясь от воды шкурами.

— Водный рубеж преодолён победно! — сказал Поморцев, отряхиваясь от воды.

Островная тундра была полна птиц. Куропатки взлетали из-под копыт оленей передней упряжки. Птичий гомон царил над озерками, мимо которых мчались олени. Маленькие пичуги стригли воздух, кружились над упряжками, взмывали в небо и там, в высоте, исчезали. Наташа ещё никогда не видела столько птиц, не слышала такого птичьего разноголосья. Как всё это было далеко от того, что описывалось в книгах: от «белого безмолвия», от айсбергов и ледяных пустынь, от снежной пурги и морозных штормов.

— Илюша, ты читал Джека Лондона? — спросила Наташа.— Здесь тоже Заполярье, Арктика, а всё не так, как у него.

Илюша усмехнулся.

— Ты останься здесь на зиму,— сказал он,— тогда увидишь и побольше, чем у Джека Лондона. Бывает, из дому не выйдешь. Ветер с ног сшибает. Темень. Люди ходят — за канаты держатся, а то и ползком. Снегу до крыши наметает. В такую пору одному в тундре или в море — верная гибель.

— И погибали?

— У-у, ещё сколько! Теперь меньше — всё-таки радио, вертолёты, самолёты, спасательные отряды. А раньше много погибало — терялись в тундре, замерзали, разбивались, тонули. А моего дедушку на охоте морж погубил — бивнем лодку раздробил.

Передняя упряжка повернула на запад, потом на юг.

— Теперь домой,— сказал Илюша.— Накаталась? Хорошо?

— Саво! — с улыбкой ответила Наташа. Она вчера узнала это ненецкое слово «саво» — «хорошо».

Реку больше переезжать не пришлось. Василий довёл упряжки на запад почти до её истока, где река начиналась узеньким и совсем мелким ручейком.

Не доезжая до посёлка, он остановил оленей.

— В этом месте наши всегда останавливаются,— тихо сказал Илюша.— Здесь могила Ивана Хатанзея, первого председателя островного Совета. Его убили враги.

Он соскочил с нарт и пошёл к передней упряжке. Наташа поспешила за ним.

На прибрежной сопке стоял невысокий памятник, вытесанный из камня.

Степан Егорович снял шляпу. Откинули савы — капюшоны - Василий и Илюша. На памятнике Наташа прочитала:

«Иван Хатанзей. Погиб от рук врагов Советской власти».

А вечером дома Степан Егорович рассказал историю Хатанзея.

10. „Церкви нам не нужно!“

Слово «революция» на далёком заполярном острове впервые произнёс не кто-нибудь, а царский чиновник, грозный посланец архангельского губернатора. Впрочем, новое для ненцев слово он не произнёс, а почти прорычал:

— Бунт! Р-р-революция!.. Я тебе покажу, смутьяну! Сошлю!

Ссылать человека с этого острова, пожалуй, было уже некуда, разве только на Северный полюс или на тот свет.

Угроза относилась к молодому ненцу-охотнику Ивану Хатанзею. Но Иван Хатанзей Северного полюса не боялся, хотя там в те времена ещё никто не бывал. А на тот свет ему, двадцатилетнему, было рановато. Вообще ни о ссылке, ни о смерти он не думал, когда, по наивности, спокойно и прямо в глаза заявил чиновнику:

— Твоей церкви нам не нужно!

С Большой земли на остров привезли часовню. Вот почему так сказал молодой Хатанзей. Со своими старыми деревянными идолами-божками ненцы обра-

щались вольно. В добром настроении они угощали божков салом, а рассердившись, могли побить, особенно если перепадала сярка-другая — стаканчик водки, которую привозили русские купцы. Потому и к христианскому богу многие ненцы особого уважения не испытывали.

А Иван Хатанзей знал, что бога нет. Об этом ему ещё в прошлые годы часто говорил Степан Егорович Поморцев. Да и сам Иван Хатанзей не раз убеждался, что от молитв толку ни на грош. После молитв никаких особых удач ни на охоте, ни на рыбном промысле не было. Зато бывало и так: и не помолится Иван, а в чум вернётся с богатой добычей.

С губернским чиновником тогда на пароходе приехал священник. Он должен был крестить последних некрещёных ненцев.

— Не гневи бога, Иван,— увещевал молодого охотника священник.— Грех большой на душу принимаешь!

Но бог почему-то не гневался на Ивана Хатанзея. Вот и на другой день после разговора о часовне охотник привёз на своих нартах из тундры кучу песцов.

Зато продолжал гневаться чиновник. Вечером, в салоне за ужином, в компании попа и капитана парохода он всё ещё грозил:

— Сошлю сукина сына!

— Накажи, накажи еретика! — подстрекал батюшка.

— Да куда вы его сошлёте? — посмеивался капитан парохода.— Тут и так ссылка, не лучше Сибири.

— Вот в Сибирь и сошлю! На каторгу, в рудники, в кандалы!

После нескольких рюмок коньяка чиновник пришёл в хорошее расположение духа и стал вспоминать анекдоты. Неумело подстраиваясь под разговор ненцев, он рассказывал:

— Собрался самоеди́н на охоту на морского зверя, а он, самоедин, надо вам сказать, уже крещёный был. Собрался, значит, и молится Николаю-угоднику:

«Николуска-угодницек, помоги больсого зверя убить! Свецку с мацту поставлю». Высотой, значит, с мачту свечку обещал поставить. Помолился и поехал к морю. А там видит — большущий тюлень плывёт. Прицелился самоедин — и бах-бах! Тюлень перевернулся на воде кверху брюхом. Обрадовался наш самоедин и смеётся над угодником: «Вот как вашего брата надувают!» Не будет, мол, тебе, Никола, никакой свечки. И только он эти слова выговорил, тюлень обратно перевернулся и нырнул в глубину. Поник головой охотник и говорит: «Ох, Николуска-угодницек, с тобой и посутить-то нельзя».

Чиновник хохотал. Батюшка осуждающе качал головой:

— Вот так богохульников и наказывают. Господь бог всё видит, всё слышит.

— Да ведь это же анекдот, господа! — улыбнулся капитан.

— А вот и анекдот, и притча правдивая,— упорствовал поп, подливая в рюмки вино.— Наказать, и сие суть наказание божие!

— Увезу самоедина на суд губернаторский! — опять загорячился чиновник, вспомнив Хатанзея.— В трюм посадим и увезём в город, а там — на каторгу!

Утром капитан парохода — бывалый мореход, сам в прошлом простой помор-зверобой,— тихонько предупредил Ивана Хатанзея о коварном замысле чиновника. А тут ещё и чиновник строго-настрого запретил Ивану до отплытия парохода покидать чум.

Иван посоветовался с отцом, старым Хатанзеем, а ночью запряг оленей, погрузил на нарты кое-какую поклажу, прихватил собак и тайком покинул стойбище. Он уехал на северо-восток, на Карскую сторону, зная, что там его никто не разыщет.

И снова гневался чиновник. Снова он угрожал — теперь уже другим ненцам,— требуя найти и вернуть беглеца. И снова упрашивал и увещевал поп, грозя судом божьим. Но под разными предлогами острови-

тяне отговаривались: где его найдёшь — остров велик, напрасно время тратить.

Вскоре пароход ушёл и увёз чиновника. Капитан парохода вспомнил Ивана Хатанзея и слова из анекдота и сказал чиновнику:

— Вот как вашего брата надувают!

Чиновник и батюшка молчали, хмурились, но от коньяка не отказывались.

С другим пароходом на остров привезли приказ губернатора «о поимке самоедина Ивана Хатанзея». Но никто из ненцев и не подумал выполнять волю начальства.

Пять лет был в действии строгий приказ губернатора. Пять раз поднималось над заполярным островом солнце. И пять лет в полном одиночестве, как Робинзон, прожил охотник Иван Хатанзей. Изредка он виделся лишь с отцом.

В летнее время к острову дважды подходил пароход, и появляться на глазах у русских было опасно. Опасно было встречаться и с богачом многооленщиком Теняко, которому было приказано о появлении Хатанзея сообщить при первой возможности. Хотя многие считали, что охотник давно погиб, Теняко не терял надежды на вознаграждение за донос.

На шестой год, как всегда, когда солнце полные сутки без захода кружило над островом, а Медвежья губа очистилась ото льда, пришёл пароход. Приехал на пароходе Степан Егорович Поморцев. Он давно не бывал у своих друзей-островитян.

Приехал на остров ещё один русский, не молодой, но и не старый, гладко бритый, тепло одетый. Он купил у одного из ненцев совик, пимы и нож в деревянных ножнах и неожиданно исчез. О нём на стойбище скоро забыли.

А Степан Егорович, узнав о печальной судьбе Ивана Хатанзея, сказал ненцам:

— Его надо разыскать! Теперь губернатора нет, и приказ его больше не имеет никакой силы. И чиновников больше нет, и богачей нет.

— А куда же они пропали? — спрашивали удивлённые островитяне. Они привыкли верить Степану Егоровичу.

— Прогнали,— коротко ответил Поморцев.— В России революция!

Так во второй раз прозвучало на острове Новом пока всё ещё непонятное для ненцев слово. В большом чуме старого Хатанзея Поморцев рассказывал им о событиях, которые происходили на Большой земле. Он говорил о Ленине, о большевиках, о Советской власти.

— Теперь и к вам новая жизнь придёт! — сказал Поморцев.

— Это что же, наш Ваули-Ненянг вернётся? — спросил старый Хатанзей, от которого ещё в давние годы Поморцев слышал легенды об отважном вожде ненцев, поднявшем восстание против царских воевод.

— Нет,— ответил Степан Егорович.— Ваули уже не вернётся. Он жил давно, больше ста лет назад. Но то, что хотел сделать для вас Ваули, теперь сделают большевики, сделает Ленин. Не вернётся Ваули, зато вернётся в стойбище твой Иван. Теперь ему некого бояться.

— Если ты говоришь правду, Степан,— сказал Хатанзей,— то это дух Ваули вьётся над тундрой.

— Пусть будет по-твоему,— согласился Поморцев.— А сейчас нужно ехать за Иваном.

Старый Хатанзей молчал. Хотя он втихомолку и сказал Степану Егоровичу о стоянке молодого охотника, но всё ещё побаивался за сына. Однако ненцы убедили его поехать за молодым Хатанзеем, потому что они верили Степану Егоровичу. И олений аргиш из трёх упряжек двинулся на северо-восток. С ненцами поехал и Поморцев.

На четвёртый день они разыскали чум Ивана Хатанзея. И велико было удивление Поморцева и ненцев, когда в чуме у Ивана они встретили того русского, который несколько дней назад приехал на остров, купил совик, пимы и нож и неожиданно исчез.

— Решил поохотиться, страсть такая,— объяснил неизвестный Поморцеву и назвал себя: — Отчаров.

— Но ведь сегодня Иван уедет,— сказал Степан Егорович. Как же вы останетесь? Наверное, непривычно?

Ничего, немного поживу. Мне, охотнику, привычно. Попрошу Ивана чум и собак оставить.

Иван Хатанзей несказанно обрадовался приезду сказочника и отца. Он быстро собрался. Отчарову он оставил свой чум, всю провизию и двух собак и обещал к нему наведываться.

Вернулся Иван Хатанзей в родное стойбище, в родную семью. Отпраздновали радостную встречу. И снова стал Иван охотиться на морского и тундрового зверя и кормить семью.

Со следующим пароходом уехал на Большую землю Поморцев.

11. Президент острова

Проходили годы. На Новом давно хозяйствовал и правил всеми делами островной Совет, а председателем Совета оленеводы и зверобои избрали Ивана Хатанзея.

У кулака Теняко большую часть оленей отобрали и распределили среди тех, кто у него раньше батрачил. Бедняки получили своё, за многие годы ими заработанное и ранее не оплаченное. Сам Теняко уехал из стойбища, пригрозив председателю.

Но Хатанзей не боялся угроз.

Дважды приезжал на остров Степан Егорович Поморцев и многому ещё научил молодого председателя.

— Ты теперь президент острова! — говорил Поморцев.— Во всём советуйся с народом, учись, побольше читай и никого не бойся!

— Председатель! Президент! — улыбались ненцы, повторяя новые для них слова. А значение слова «революция» они уже давно знали. Они сами совершали на своём острове революцию.

Два раза побывал Иван Хатанзей на Большой земле. В большом городе он встречался с большевиками и сам вступил в партию.

Многое узнал Иван, но не знал он, кто такой Отчаров, который всё ещё жил на острове и которого в первые дни его приезда молодой охотник приютил в своём чуме. Не знал председатель и о том, как часто стали встречаться бежавший из стойбища кулак Теняко с Отчаровым. Не знал президент острова, как не знали и другие ненцы, что Отчаров совсем не Отчаров, а...

В феврале двадцатого года из Архангельска на ледоколе «Минин» бежал за границу белогвардейский генерал Миллер. Он бежал со всем своим штабом, спасаясь от возмездия народа. За ним увязались и многие архангельские заводчики, лесопромышленники и судовладельцы. Ещё раньше, почувствовав недоброе, убрались интервенты — англичане, американцы и французы.

Поручик белогвардейской контрразведки Лебяжий на ледокол опоздал.

Он метался по берегу Северной Двины, не зная, на что решиться. А ледокол уходил всё дальше и дальше, и с соломбальского берега его обстреливали из винтовок.

Услышав выстрелы, Лебяжий вспомнил о своей английской офицерской шубе. Каждую минуту его могли арестовать. И он до поры до времени спрятался.

Скрывался Лебяжий в одной из пригородных деревень. Прятался, как вор, боясь даже днём показаться на улице. Раньше он носил щеголеватые усики и прямой английский пробор. Теперь он побрился, а волосы стал отращивать по-мужицки. Английский многокарманный френч и краги сменил на домотканую холщовую рубаху и поморские бахилы. Неведомыми путями ему выправили и доставили в деревню удостоверение личности на имя Отчарова.

Пять месяцев прятался Лебяжий-Отчаров в деревне, а в июле с первым пароходом бежал на остров Новый. Из Заполярья он надеялся пробраться за границу, но осуществить этот план ему так и не удалось. Лебяжий всё больше озлоблялся на друзей, покинувших его в Архангельске, на Советскую власть, которая не сулила ему ничего доброго, на ненцев, которых он презирал и называл дикарями.

Спустя несколько лет он наконец нашёл единомышленника, хотя в душе его презирал. Это был Теняко.

Однажды на стоянку к Отчарову и Теняко приехал с двумя ненцами председатель Иван Хатанзей.

— У нас скоро выборы,— сказал Хатанзей Отчарову.— А ты и на прошлых выборах не был. Приезжай обязательно в Медвежье, в Совет, записаться в списки!

Записываться не входило в планы Лебяжьего. Каждое упоминание в официальных документах его имени, даже ложного, угрожало его безопасности. В этом году или в крайнем случае на будущий год Лебяжий решил во что бы то ни стало выбраться на Большую землю. Только не в Архангельск, где его всё ещё могли помнить. Лучше в Мурманск, а оттуда через границу в Финляндию или морем на каком-нибудь иностранном лесовозе.

«Пока зима и нет пароходов, нужно избавиться от Хатанзея, чтобы он и не помышлял о списках,— решил Лебяжий.— Для такого дела Теняко подходящий человек...»

В предвыборные дни Хатанзей часто выезжал в другие становища. На этот раз он поехал на восточную сторону, к метеорологической станции, где поблизости расположились стойбищем несколько ненецких семей.

Хатанзей провёл собрание ненцев вместе с русскими метеорологами, собрал наказы островному Совету и возвращался на упряжке домой, в Медвежье.

Едва он отъехал километров пять-шесть, как

услышал позади чуть уловимый шум нартовых полозьев, потом крики.

«Должно, из стойбища или со станции догоняют,— подумал председатель и попридержал оленей.— Видно, забыли что-то сказать».

Лёгкий ветер дул с северо-востока, в спину Хатанзея, и он хорошо расслышал голос с настигающей его упряжки:

— Эй, председатель! Погоди-ко!

Хатанзей хореем затормозил нарты. Шедшая сзади упряжка поравнялась с ним. В темноте полярной ночи Иван различил на нартах двух человек, но не узнал их.

— На моих олешках катаешься?! Вот и пришло время взять их мне обратно.

Теперь Хатанзей узнал: кричал Теняко.

Над заснежённой пустыней в тишине выстрел хлопнул тонко, как удар бича, коротко и резко.

Хатанзей упал на нарты и крикнул на оленей. Он ждал второго выстрела, но его не было. Упряжка Хатанзея понеслась. Иван чувствовал острую боль, терял силы. Вероятно, он на какое-то мгновение потерял сознание, выпустил хорей, свалился с нарт.

Напуганные выстрелом олени умчались. За ними на своей упряжке погнался Теняко. А над раненым Хатанзеем склонился так и не узнанный им человек.

Удар ножом был таким же резким и коротким, как выстрел.

Теняко нагнал упряжку Хатанзея и вскоре вернулся. Лебяжий (а это был он) вскочил на вторые нарты, и упряжки рванулись на северо-восток.

На снегу остался лежать Иван Хатанзей, первый председатель островного Совета.

Теняко арестовали и судили за убийство, в котором он скоро сознался. Лебяжий долго скрывался на острове. Потом нашли его растерзанный медведем труп.

Свой колхоз ненцы назвали именем погибшего президента острова.

12. В бухте Медвежьей

— Илюша, покажи мне чум.

Какой чум?

— Чум, в котором ненцы живут.

— А где же я тебе его возьму? Чумов здесь давно нету. Все мы, ненцы, в домах живём. Здесь посёлок, называется «База оседлости».

— Ох, а мне так хотелось посмотреть настоящий чум!

— Чумы теперь только в стадах, далеко. Там пастухи живут.

Алексей Кириллович уже ушёл на станцию, на работу. Сказочник дома не ночевал: гостил у старого Хатанзея, записывал легенды.

— Куда собрались? — спросила Вера Андреевна. — Далеко не ходите — слышишь, Игорь?

— Не беспокойтесь, тётя Вера, мы только по берегу погуляем немножко.

Илюша, конечно, знал: заикнись он о поездке на лодке, тётя Вера Игоря и Наташу ни на шаг из дому не отпустит.

Втроём они вышли из дому и отправились на берег. Недалеко от дома стояла метеостанция — домик с четырёхскатной крышей, башенкой и бесчисленными, всех видов антеннами. Над башенкой неторопливо кружились робинзоновы полушария — четыре полуопрокинутые чашечки на стержнях — и так же медленно юлил флюгер. Наташа залюбовалась робинзоновыми полушариями, остановилась.

Вдруг из-за метеостанции взлетел большой желтоватый шар.

— Смотрите, смотрите! — закричала Наташа. — Воздушный шарик!

— Никакой не шарик, а обыкновенный зонд,— важно сказал Игорь.

— Какой зонт? — удивилась Наташа.— Воздушный шарик. У нас такие на праздники продают, разноцветные — красные, синие, зелёные. Игрушечные.

— Никакие не игрушечные,— настаивал Игорь.— И не зонт, а зонд. Для наблюдений.

— Не спорь, Наташа,— примирительно сказал Илюша.— Он знает. У него отец начальник на станции.

Воздушный шар-зонд поднимался всё выше и выше, медленно отклоняясь на северо-восток, и наконец совсем скрылся.

— Ветер юго-западный,— так же солидно и авторитетно заявил Игорь.— Хорошая погода будет.

— А ты откуда знаешь? — чуть уязвлённая, спросила Наташа.— Ты тоже наблюдатель?

— Не наблюдатель, а знаю.— Игорь замолчал, раздумывая, стоит ли объяснять девчонке: всё равно ничего не поймёт. Потом он пробормотал будто для себя: — Юго-запад всегда несёт хорошую погоду, а юго-восток — всегда дождь или снег. А северо-восток, раньше его норд-остом называли, по-иностранному,— ветер холодный, не сильный, а резкий, противный.

Теперь Наташа даже с уважением взглянула на Игоря. А он шагал как будто погружённый в какие-то большие, лишь ему доступные раздумья и не обращал никакого внимания на своих спутников.

— А что это стучит? — спросила Наташа, прислушиваясь.

— Это на электростанции,— сказал Илюша.

— Тоже мне электростанция! — усмехнулся Игорь.— Просто движок с динамкой, для освещения. Электростанцию настоящую ещё только строят.

В посёлке от дома к дому тянулись электрические провода. Наташа вспомнила: хотя в комнате было ещё совсем светло, тётя Мэнева включила электричество, потом — приёмник. Не знаю, как, мол, у вас, а у нас всё есть!

— Вот тут клуб,— показал Илюша на новое деревянное здание с широким, в три ступеньки крыльцом.— Сегодня кино будет. Все ненцы любят кино. Вот увидишь, старухи по восемьдесят лет приходят. Раньше боялись — чуть что, из зала убегали,— а те-

перь за уши не оторвёшь... Афиша уже висит. Вечером пойдём.

Рядом с клубом стояла школа-интернат.

— Вот здесь мы учимся,— сказал Илюша.— Можно бы зайти, да сейчас ещё рано: пионервожатая только днём приходит, а все учителя в отпусках.

— А вот и не все, не все в отпусках! — поспешил сообщить Игорь. Вся его серьёзность и важность внезапно пропали. Он прыгал впереди на одной ножке и кричал: — Алексей Иванович не в отпуске! Когда вы на оленях катались, мы с ним ездили рыбу ловить. Вот такую камбалу выловили и много камбал поменьше!

— Правда, я и забыл,— вспомнил Илюша,— ведь Алексей Иванович ещё не уехал. Он уже давно на острове, когда ещё нас с Игорем на свете не было. Алексей Иванович русский, а на нашем языке лучше нас говорит. Только его в школе сейчас тоже нету — рано ещё.

От школы они прошли на берег, постояли на сопке, полюбовались притихшим морем, далёким затуманенным горизонтом. Только Игоря море с берега не интересовало. Уже насмотрелся. Захлёбываясь, он всё ещё рассказывал, какую огромнейшую камбалу они с Алексеем Ивановичем поймали.

— Хватит! — оборвал его Илюша.— Вперёд!.. Вперёд!..

Он рванулся с сопки, как только не свалился, и вмиг оказался на песчаной отмели. Что там внизу произошло!

Наташа не заметила разлёгшихся на отмели собак. Их было десятка три. Вспугнутые стремительным появлением мальчика, они вскочили и огласили берег заливистым, угрожающим лаем.

Больше всего тут было лаек и крупных дворняг. Вскоре, видимо узнав Илюшу, собаки успокоились. Только самая малая из них, дворняжка, продолжала метаться по берегу и лаять. Конечно, она тоже узнала Илюшу, но ей надоело валяться на песке, и она была

рада случаю поноситься, подразнить других собак и вообще подурачиться.

— Сайка, ложись! — прикрикнул на собачонку Илюша.

Дворняжка чуть поджала хвост, подбежала к мальчику, льстиво заглянула ему в глаза. Илюша с руки дал ей какой-то кусочек, наверное мясо или сахар. Почуяв еду, несколько собак тоже подбежали к Илюше.

— Ах вы, безработные голодяги! — ласково поругивал и оглаживал собак Илюша.— Ах вы, бездельники! Есть хотите. А что я вам дам?

В это время с сопки спустились Наташа и Игорь. Хотя девочка не боялась собак, она на всякий случай спросила:

— А они кусаются?

— Смотря кого. Но ты с нами, не бойся! А ну, Сайка, брысь! — отогнал Илюша ластившуюся дворняжку.— Самая маленькая и самая нахальная. Из-под носа у большой собаки кусок стащила.

Наташа заметила, что одна из собак скачет на трёх лапах. Передней лапы наполовину не было.

— Что с ней? У вас ведь и трамваев-то нету...

— В песцовый капкан, дурная, попала. Вон и второй такой инвалид есть. Диксон, ко мне!

Диксон, густошёрстный пёс, помесь овчарки с лайкой, подскочил к Илюше. У него тоже не было передней лапы.

— И этот позарился на мясо в капкане. Но в упряжке ходит. Я на собаках даже больше люблю ездить.

— А чьи же они?

— А ничьи, бесхозные. Живут где попало. И едят что попадётся: рыбу, потроха от забитого оленя. Зимой-то их хорошо кормят, когда на них ездят. Вот снег осенью выпадет, только нарты вытащим, собаки сами прибегут, заскулят, в упряжки будут проситься... Ну, пойдёмте на лодку!

На берегу крепко пахло рыбой и ворванью — тю-

леньим жиром. Казалось, этот запах можно было потрогать. Волны выбросили на отмели рыжеватые водоросли, топляки, консервные банки, промытые до белизны, большие и маленькие кости, неведомо чьи. У сопки на песке был накатан невысокий штабель брёвен — плавника.

Илюша закатал штаны, скинул ботинки и побрёл под помост пристани, к столбу, где была привязана небольшая вертлявая лодка.

Отвязав лодку, мальчик подвёл её к берегу и скомандовал:

— Садись!

В городе Наташа каталась и на лодках, и на шлюпках, карбасах, байдарках, моторных катерах и яхтах. Вот только по морю на лодке она ещё никогда не плавала. Медвежья называлась заливом, бухтой или, по-северному, губой. Но ни на залив, ни на бухту Медвежья не походила. Открытых берегов у бухты не было. Были обширные мели, сомкнувшиеся почти в кольцо. Чаще всего эти мели были покрыты водой. Чтобы пройти в бухту через неширокий пролив-фарватер, капитану нужно было хорошо знать этот путь и расположение отмелей. Немало самых разнообразных судов нарывалось на отмели Медвежьей губы, подолгу сидели в ожидании большой воды или помощи от других судов, а иногда в осенних штормах суда так и погибали на банках — песчаных мелях.

Но сейчас на море и в бухте было тихо. Едва заметная гладь, как мёртвая зыбь, мирно накатывалась на берег. Только на отмелях вода чуть рябила. Но было ощущение огромнейшего Ледовитого океана. И в океане — крошечная скорлупка, а в скорлупке — три отважных, три отчаянных морехода! Вот об этом тоже можно будет рассказать дома, конечно умолчав о штилевой погоде.

Ребята всласть накатались по заливу, поочерёдно сменяя друг друга на вёслах. А накатавшись, поставили лодку на прикол и, довольные, усталые, голодные, отправились обедать.

— На лодке катались! — сказала Вера Андреевна.— Видела, видела, не отпирайтесь. Ох, Игорь, узнает отец!..

Но тётя Вера не очень сердилась.

13. Зверобой

Приехал с охоты Ефим Валей, отец Илюши. Охотник он был удачливый, со счастьем. Это признавали все, даже другие опытные охотники.

Но счастье-то счастьем, а откуда оно придёт, это счастье, если охотник не знает местности, где и какая обитает птица, куда она перелетает, покидая гнездовье? Какая будет удача, если расставить капканы там, где нет лемминга — тундровой мыши? На лемминга охотится песец, белый и голубой,— красивый и ценный пушной зверёк. Уйдёт лемминг с одного места на другое, за ним перекочует и песец. Хороший охотник знает повадки зверя и птицы, знает их крики и воркованье, их ухищрения в борьбе с другими зверями и птицами, знает их хитрости и увёртки в бегстве от преследователей. Без этого знания нет охотника. В этом знании прежде всего и заключались удачи и счастье Ефима Валея.

На этот раз Ефим не привёз ни белого, ни голубого песца. Не привёз он и гусей — ни белых, ни бело-голубых, ни гуменников, ни гаг. Не было у него и чаячьих и гагачьих яиц. Летом на песца и на птицу охота запрещена.

Ещё зимой невесть откуда пришедшие волки стали беспокоить оленьи стада. Пропадали олень за оленем. Дважды островные охотники и оленеводы устраивали облавы, устанавливали по тундре большие капканы с тугими стальными клешнями. Одного волка всё-таки затравили. Остальные ушли и надолго притихли. Но редкий случай: волки появились около оленьих стад летом, когда в тундре добычи хватает. Каждый раз приезжая в становище, пастухи жаловались: обижают волки.

Не привёз Ефим Валей песцов и птицу, привёз убитого им огромного бело-палевого полярного волка — вожака стаи, грозу оленьих стад.

В малице, тобоках, подпоясанный широким ремнём, с ножом в деревянных ножнах, Ефим Валей казался неуклюжим, медлительным, медведистым. Как он мог ловко управлять оленьей упряжкой или тяжёлой моторной дорой в штормовую погоду? Как мог он, такой увалень, мчаться на широких, подбитых нерпичьим мехом охотничьих лыжах, преследуя в тундре зверя? И как без промаха в лёт стрелял быстрокрылых птиц?

Но неуклюжесть охотника только кажущаяся. Он был силён и вынослив, ловок, быстр и лёгок на ногу.

Ефим охотился и в море на тюленя — морского зайца, лысуна, нерпу. Был он и умелым рыбаком: ловил гольца, селёдку, камбалу, ерша и мелкую полярную треску — сайку. И на этом промысле его редко покидала удача.

Как большинство пожилых ненцев, Ефим Валей не умел плавать. Учиться было негде — в Ледовитом океане много не накупаешься. Да и некогда — жил в тундре, в чуме, с детства пас оленей. Но и не умея плавать Ефим в любую погоду безбоязненно выходил в океан на доре, карбасе и даже на крошечной стрельной лодке.

В молодости уехал Ефим Валей в город, на Большую землю. Поступил на курсы шофёров, закончил их, поработал немного на машине. Но соскучился по родному острову, по Заполярью. И вернулся домой.

— Эх ты, беспокойная голова! — посмеялся председатель колхоза.— Не захотел жить в городе, тогда иди на наш бот мотористом. Или опять пасти оленей хочешь, или охотничать?

Плавал Ефим мотористом на боте, перевозил грузы с рейда от парохода, вывозил зверобоев на промысел. А когда началась Отечественная война, призвали его в Красную Армию и направили на краткосрочные курсы водителей бронемашин. Воевал, отступал и на-

ступал, горел в машине, лежал в госпиталях, с победой дошёл до Берлина. Житель тундры, бывший пастух и погонщик оленей, на машине с боем ворвался в столицу Германии, освобождал народы Европы.

Потом он с боевыми орденами вернулся на свой заполярный остров и занялся в колхозе зверобойным промыслом.

Войдя в дом, Ефим смущённо и грубовато обнял жену, чмокнул в щёку сына, спросил:

— Ну, как жили?

Снял малицу и тобоки и остался в пёстрой холщовой рубахе. У него были весёлые и лукавые, чуть припухшие от ветров глаза и забавная, на удивление реденькая, маленькая бородка, такая редкая, что, пожалуй, все волосинки в ней можно было пересчитать.

Ефим сел на стул, закурил трубку, с любопытством взглянул на Наташу.

— Гостья? Ну, здравствуй, гостья!

— Это Наташа. С Большой земли,— сказал Илюша.

— Саво, Наташа! Саво! Илья! Умоемся и есть будем. Проголодался, оленя съем.

Тётя Люба-Мэнева уже хлопотала у плиты.

— По-нашему так,— сказал Ефим,— сначала гостя накормить, потом говорить. Так, Илья?

— Так,— кивнул Илюша.— Только она здесь уже несколько дней. Мы её угощали, и мы уже говорили.

— Ну, а теперь угощать буду я. И говорить будем я и гостья. Садись, гостья дорогая!

— Мы уже завтракали,— смущённо сказала Наташа.

— Со мной не завтракала.

— Нельзя, нельзя отказываться,—зашептал Илюша.— Садись.

Наташа присела к столу. Тётя Мэнева опять заставила стол мисками и большими тарелками с самыми вкусными кушаньями. Ах как любят ненцы ещё недавно не знаемые ими пельмени, как любят лакомиться оленьими языками и мороженой строганиной!

И как любят чай! Пока Ефим не допил четвёртую кружку чая, он сказал всего несколько слов, хотя всё время улыбался, словно подбадривал, молчаливо угощал Наташу.

— Теперь трубку, и можно потолковать,— проговорил он, вставая из-за стола.— Рассказывай, что же ты тут поделываешь?

— А мы на оленях катались и на лодке по Медвежьей губе,— опередил Наташу Илюша.— А теперь пойдём в тундру искать хаерад цветок.

Ефим не сердито, но укоризненно взглянул на сына.

— Илько! — только и сказал он.

И Илюша понял: отец спрашивает не его, а Наташу.

Отец не любит болтливых и лезущих вперёд, чтобы показать себя. Но Илюша не болтлив. Просто слова у него вырвались как-то нечаянно.

— Ты почему молчишь? — спросил Ефим у Наташи.

— Илюша правильно сказал: мы хотим пойти в тундру искать хаерад-цветок.

Ефим хитро улыбнулся.

— Это хорошо — искать хаерад. Только где вы его найдёте? Я весь остров исходил и изъездил, а хаерада ещё не встречал. Но раз задумали — идите. Не найдёте — остров посмóтрите, много узнаете. Польза будет.

— А вы? Разве вы с нами не пойдёте?

— Я? Не до тундры мне сейчас. Дома давно не был, дома дел много, а потом — по рыбу. Да и неудачливый я по хаерадам. Я удачливый на песца, на лисицу, на нерпу, на гагу.

Наташа и Илюша приуныли. Конечно, путешествовать по тундре интересно, но в сто раз интереснее, когда рядом идёт настоящий, бывалый охотник-зверобой...

Ефим прилёг отдохнуть с дороги, а Наташа и Илюша пошли побродить.

— А может быть, он передумает? — без особой надежды спросила Наташа.

— Не знаю, может, и согласится. Хорошо бы!

14. Медальон погибшего лётчика

К радости Наташи и Илюши, Ефим Валей, окончив домашние дела, согласился пойти с ними в тундру. Собрались рано утром. И даже Игорь Осипов в этот день не проспал.

Ребят было четверо: Наташа, Илюша, Игорь и десятилетний ненец Ваня Тайбарей. Весь день накануне прошёл у них в хлопотах и трудах. Набивали всякой всячиной рюкзаки: хлебом, крупой, мясом, рыбой, запасными носками, кружками, ложками. Прихватили компас, две тетради для походного дневника, верёвку, иглы, нитки. Словом, снаряжение экспедиции было полным, как у настоящих путешественников.

Проще готовились Ефим Валей и Поморцев. Валей всегда был готов к любой дороге. Собраться он мог за несколько минут. А Степан Егорович попил чаю, надел свой чёрный плащ и шляпу, забросил за плечи мешок и сказал нетерпеливо дожидавшимся Игорю и Наташе:

— Готов.

Впереди шёл Ефим Валей. Нужно было выбирать сухой путь, а лучше охотника сделать это никто не смог бы. Болота стали попадаться сразу же, как только спустились с прибрежных сопок.

Погода стояла добрая, погожая, солнечная. Конечно, жары не было. Заполярное солнце, почти совсем без лучей, лишь желтело на небе и ничуть не грело. И это даже лучше. Кто не знает, что такое жара в пути!

Идти было легко и весело. Шествие замыкал Илюша. Он покрикивал на беспечного Игоря. Тот не признавал прямой дороги и выбегал то вправо, то влево, заметив какой-нибудь цветок или вспугивая заливающуюся трелью пичугу.

Наташа думала о том, что, должно быть, зимой по этим местам бродят огромные белые медведи и оглашают заснежённую тундру своим свирепым рёвом. Хорошо бы сейчас увидеть такое мохнатое чудище. С охотником Ефимом это не страшно. У него ружьё, и он меткий стрелок. Наташа совсем забыла о том, что белых медведей теперь стрелять запрещено. Их становится всё меньше, и жизнь этих редких зверей охраняется законом.

Прошли километров десять. Путники уже утомились, и Ефим, подняв руку, сделал знак на первый привал. К удивлению Наташи, развязав мешок, он вытащил оттуда в первую очередь не провизию, а десяток мелко наколотых поленцев. Сухие, они легко, быстро запылали.

Такое топливо было и в рюкзаке у Илюши.

Всё было вкусно у тёти Веры и у тёти Мэневы, но здесь, на вольном воздухе, у маленького костра, и мясо, и рыба, и даже простой хлеб показались девочке ещё вкуснее.

Потом опять шли, и путь уже стал казаться однообразным и даже скучным.

Второй привал сделали через час, пройдя километров пять. Наташа слышала, как Ефим сказал Степану Егоровичу, что выбирает новые для него дороги. Кто знает, может быть, они и нападут на желанный цветок. Но цветка всё не было и не было. Гвоздика встречалась, но это была не та гвоздика, не хаерад-цветок.

Так, в бесплодных поисках прошёл весь день. Было решено переночевать в тундре, чтобы завтра в полдень отправиться обратно домой.

Ребята, грустные, улеглись спать на выбранной Ефимом высотке. Только он, не ищущий ничего в тундре, был неунываем. Поужинав, он ещё долго беседовал с Егором Степановичем, а утром поднялся раньше всех.

Когда Наташа проснулась, а остальные ребята ещё спали, у Ефима уже был готов завтрак. Он сжёг

последние поленья, и на обратный путь путешественникам остался лишь сухой паёк.

Нет, оказывается, не Наташа первая проснулась — в маленьком лагере уже не было Илюши. Куда он пропал?

И вдруг произошло неожиданное. Прибежал Илюша с криком:

— Нашёл! Нашёл!

Он даже перепугал Наташу.

— Что ты нашёл? Хаерад?

— Да нет, не хаерад. Вот!

И он протянул Наташе какую-то трубочку и маленький листочек бумаги. На листке было написано: «Петров Андрей Иванович. Деревня Разуваевская, Смоленской области...»

Ни Илюша, ни Наташа не понимали, что всё это могло значить.

Объяснил Илюшин отец:

— Это гильза-медальон. Такие медальоны во время войны выдавали всем советским бойцам и командирам, чтобы в случае гибели можно было узнать имя и родину человека.

И он рассказал, как пришла на остров война.

...Далеко-далеко в Заполярье остров, но и сюда война пришла в первые дни.

По Северному Ледовитому океану с запада на восток шли караваны — большие морские транспорты с оружием и продовольствием для нашей армии. Гитлеровцы с самолётов разыскивали эти караваны и направляли на них свои подводные лодки и эскадрильи бомбардировщиков.

Один молодой охотник вернулся из тундры и сообщил: видел следы белого медведя. Ефим Валей тогда ещё не уехал на фронт. Он пошёл в тундру и сразу определил — следы не медведя, а человека, следы от меховых сапог.

Ефим не стал смеяться над неопытным охотником, а сказал:

— На наш остров фашисты сбросили парашю-

тиста. Немецкий разведчик будет следить за караванами и по радио передавать о них своему командованию.

Дважды пролетал над островом фашистский самолёт. И все понимали: самолёт сбрасывал разведчику продовольствие.

Радист с метеорологической станции сообщил о немецком шпионе на Большую землю. Вскоре с советского военного корабля на остров высадились бойцы и командиры. Они привезли с собой артиллерийские орудия и заняли на берегу оборону. Ведь враг мог попытаться захватить остров.

Вероятно, немецкий шпион передал командованию о наших войсках на острове, потому что через два дня далеко в море показался немецкий крейсер и начал орудийный обстрел берега. Потом фашистские самолёты прилетели и тоже принялись бомбить побережье острова.

Комендант советского гарнизона получил приказ захватить гитлеровского шпиона. Он пришёл к председателю островного Совета.

— На острове немецкие шпионы. Один или несколько. Необходимо ликвидировать. Выделяю команду бойцов во главе со старшиной Голубковым,— сказал комендант.— Но нам нужны проводники, знающие остров.

— Найдём,— с готовностью ответил председатель.— Сколько?

— Три.

— Пиши,— сказал председатель секретарю.— Ефим Валей, Митя Вылко, Семён Хатанзей. Вызывай в распоряжение начальника.

Команда стрелков в сопровождении Ефима Валея и двух его товарищей вышла на ликвидацию гитлеровского шпиона.

— Старшина,— сказал Ефим Голубкову,— найдём фашиста — без моего голоса не стрелять. Возьмём живого! Если что, первым стрелять буду я!

Едва команда отошла на три километра в глубь

острова, как над побережьем появились фашистские самолёты. Наперехват им летел единственный советский. Неравный воздушный бой начался над океаном и завершился над островом. Первым врезался в болото немецкий «мессершмитт». Советский самолёт загорелся. И наш лётчик пошёл на таран.

При таране он успел выброситься с парашютом, но ещё в воздухе был убит пулемётной очередью с фашистского самолёта.

Команда советских стрелков выполнила боевое задание. Замеченный немецкий шпион пытался скрыться и при бегстве был ранен Ефимом Валеем в ногу. Он оказался ценным «языком» для нашего командования.

Вскоре после операции с захватом шпиона Ефим уехал на фронт. Награда за эту операцию, орден Красной Звезды, нашла его лишь через пять лет после войны.

Обломки самолётов - нашего и двух немецких — островитяне разыскали в тундре и вывезли на берег.

А сегодня, через тридцать лет после воздушного боя над островом, Илюша Валей, разыскивая хаерад-цветок, нашёл гильзу, принадлежавшую герою-лётчику Андрею Петрову...

— Да, хотя и не хаерад, а находка знаменитая!— сказал Степан Егорович и обнял Илюшу.— Герой и счастливец ты, Илюха!

Наташа, Игорь и Ваня Тайбарей тормошили Илюшу и требовали подробнее рассказать, где и как он нашёл медальон.

— Ладно, потом,—отвечал смущённый Илюша.— Придём домой, тогда и расскажу.

— Тебя наградят, да? — тихо спросил Илюшу Игорь.

— Дурной ты! За что? Я, что ли, сбил фашистов?

15. Праздник в тундре

Северный олень!

Сколько песен спето о нём благодарными ненцами!

Сколько сказок и легенд сложено и рассказано об олене — гордом, трудолюбивом, благородном животном!

Чудесен неудержимый, кажущийся крылатым бег — полёт оленьей упряжки по заснежённой тундре. Быстрого карандаша и смелой кисти художника просят запрокинутые ветвистые рога. В тундре тишина, а кажется, что бесшумный рысистый аллюр оленей и лёгкий шелест нартовых полозьев сопровождают скрипки, валторны и флейты.

Так любил говорить об оленях старый сказочник Поморцев. Такие песни пел об оленях заполярный революционер, первый президент острова Иван Хатанзей. На таких быстрых оленьих аргишах вёз тундровой бедноте в давние времена свою стрелу восстания вождь ненецкого народа Ваули-Ненянг.

Для ненца олень самое дорогое, самое красивое животное.

Северный олень — это жизнь тундры, и ненец говорит: «Нет оленя — нет жизни».

Многие часы, многие километры едет по тундре ненец и поёт свою бесконечную песню. Он поёт обо всём, что видит перед собой, обо всём, что думает, о чём мечтает, что было вчера и чего он ожидает завтра. Он поёт, складывая песню на ходу, на один мотив. И чаще всего ненец поёт о своих быстроногих оленях:

«Меня везут быстрые олени, добрые олени, хорошие олени. Они могут довезти меня до конца тундры: на восток — до Константинова Камня Уральского хребта, и на север — до штормового и морозного Ледовитого океана, и на юг — до зелёных высоких лесов. И на большом тундровом празднике вихрями понесутся мои олени, померяются силой и в скорости с другими оленьими упряжками. Они будут первыми,

и их хозяин получит на празднике Большой приз весёлого Дня оленя и обильно угостит своих вихревых красавцев. Много-много сильных, быстрых, красивых оленей в тысячных стадах нашего колхоза. Тёплую, очень тёплую одежду дарит мне мой олень. Я сошью новую малицу и новый совик. Я сошью оленьими жилами новую обувь — тобоки и пимы. Тобоки не боятся ни воды, ни снега, и моим ногам тепло в самый сильный мороз. Я подарю моей невесте шкуры самых лучших, самых красивых белых оленей, и она сошьёт себе новую паницу и разукрасит паницу разноцветными узорами. Олень меня сытно кормит, и мясо у оленя жирное, вкусное, нежное. Мать хорошо готовит оленье мясо — отваривает, поджаривает на сковороде и на железном пруте. Я приеду в становище и буду есть сырое, горячее, с кровью, оленье мясо. А потом буду строгать мороженую оленину, буду есть вкусную холодную, ломкую строганину.

Хорошо — саво, весело — маймба мчаться — мирнась на оленях — ты по заснеженной — сыра тундре — вын.— Так то по-русски, то по-ненецки поёт ненец свою бесконечную песню об оленях.— А вот уже показалось родное стойбище! Э-э-хгей! Я вижу свой чум! Нгура — ура! Здравствуй, мать! Здравствуй, отец! Окончен мой путь, окончена моя песня!»

На оленьей упряжке в пути складывает песню и поёт её ненец, и песня его всегда по длине равна его пути — от стоянки до стоянки. Он — автор, он — композитор, он — певец-исполнитель.

...Свой большой ежегодный праздник День оленевода ненцы называют Днём оленя.

Праздник проходит в тундре. Только там можно устроить гонки оленьих упряжек, соревнования в метании топора и броске тынзея — аркана для ловли оленей.

Гостей, как всегда, и в этом году было много. Пришёл теплоход, и приехали гости с Большой земли. И был среди них старший механик Пётр Иванович, отец Наташи.

— Как отдыхала? — спросил он.— Домой пора. Мама беспокоится.

— Сегодня праздник! Папа, сегодня День оленя! Сейчас поедем в стадо.

— В стадо? — улыбнулся Пётр Иванович.— Да я смотрю, ты стала совсем тундровичка. Говоришь, как оленеводы: в стадо.

— Идут! Идут! — закричал Илюша.

Люди стояли на сопке. Вдали показались оленьи аргиши. Они приехали за гостями.

Вскоре все — и хозяева и гости — расселись по нартам и двинулись в тундру, в глубь острова.

— Хорошо, да? — то и дело спрашивала у отца Наташа.

Конечно, поездки на оленях для Петра Ивановича не были новостью, и об этом Наташа знала. Но всё-таки она спрашивала, а отец улыбался и весело отвечал:

— Хорошо! Хорошо!

— А знаешь, как по-ненецки «хорошо»?

И это слово, так часто повторяемое в Заполярье, он знал. Но чтобы не огорчать дочку, он спросил:

— Как?

— Саво! Это значит «хорошо».

Когда олени замедляли бег, то впереди, то сзади слышалось громкое и нетерпеливое «Э-гхей!». И Наташа взглядывала на отца: «Вот как у нас! Хорошо, да? Саво, да?..»

В разговорах незаметно они подъехали к чумам, где жили пастухи и помещался штаб Дня оленевода.

— Раньше в таких чумах жили все ненцы,— поспешила сообщить Наташа,— а теперь лишь те, которые пасут в тундре стада.

Как только упряжки остановились, председатель островного Совета Ефим Валей и ещё несколько ненцев окружили гостей с Большой земли и повели в чумы.

— Нет, нет, сначала поесть, сначала угоститься

с дороги, а потом уже говорить, потом — праздник. У нас так! Так, Ефим?

— Так,— подтвердил отец Илюши.

После обильного угощения олениной, рыбой и чаем все вышли из чума. На вольном воздухе начинался праздник. Стояли столы для судейской комиссии и для гостей с Большой земли. Островитяне расположились на нартах. Лёгкий ветер с океана тихо пощёлкивал и шелестел флагами и большим полотняным красным плакатом, растянутым на двух шестах.

Тундра чуть гудела говором и скрипом нартовых полозьев. Упряжки всё прибывали. Вокруг праздничного стойбища бродили, стояли, словно в раздумье, и мирно лежали сотни оленей.

Наташа смотрела на всё это праздничное зрелище и не только не слушала речей, но даже как будто забыла, что рядом с ней сидит отец. Она думала о своём.

Оленьи гонки должны были начинать самые юные. И в этих состязаниях участвовал Илюша Валей. Конечно, она думала об Илюше, она всей душой желала ему успеха. И на его победу можно было надеяться, потому что Илюша умел ловко управляться с упряжкой и с хореем. И всё-таки тревога была. Можно упасть с нарт, не рассчитать торможения хореем на повороте и удлинить дистанцию. Да мало ли что может случиться в бешеной гонке!

Состязания проходили по кругу. Со старта были пущены одновременно восемь упряжек. Гонки действительно казались бешеными. Но на первых пяти минутах три упряжки безнадёжно отстали. А на последнем километре, перед самым финишем, рога в рога, нарты в нарты неслись уже только две. Одна из этих упряжек была Илюши Валея.

Наташа ликовала.

Через минуту-две черту финиша эти упряжки так и пересекли вместе. И судья объявил:

— Два первых места среди подростков заняли

упряжки Ильи Валея и Степана Ардеева. Они оба достойны призов нашего большого праздника!..

А потом начались ещё более быстрые, многочисленные и горячие оленьи гонки у взрослых. Состязались оленеводы и охотники в метании топора. Но особенно Наташе понравились соревнования по поимке оленей тынзеем.

Спокойно, с удивительной ловкостью и силой бросал ненец тынзей на рога бегущего оленя. Конечно, в состязаниях с тынзеем участвовали лишь самые опытные, самые сноровистые оленеводы, и потому неудач в бросках было немного.

Бросали тынзей, стоя на месте, бросали на бегу и бросали с быстро несущихся нарт.

Обо всём этом Наташа слышала ещё в Архангельске от дяди Алёши Осипова. Рассказывал о соревнованиях и Илюша. И всё же девочка не думала, что всё это так интересно, так стремительно, так ярко даже в этой обычно пустынной и малоцветной тундре.

Но всему приходит конец. Окончился и праздник. Нужно было возвращаться в посёлок. А завтра — на теплоход, в обратный путь, в город, домой. И хотя Наташа немножко соскучилась по дому, по маме, расставаться с островом, с новыми друзьями и особенно с Илюшей было очень жалко.

16. До свиданья, остров!

По рейсовому расписанию теплоход, на котором плавал Наташин отец, из Медвежьей губы шёл ещё к одному становищу, а потом возвращался снова в Медвежье, грузился, забирал пассажиров и уходил на Большую землю, в порт своей приписки.

На этот раз теплоход ушёл из Медвежьей без старшего механика. Мы знаем, что Пётр Иванович на два дня оставался в Медвежьем, чтобы побывать на празднике и встретиться с дочерью.

Но вот праздник на острове кончился, теплоход вернулся. Наташа прощалась с островом, с островитя-

нами — ненцами и русскими зимовщиками-полярниками.

— Так мы и не нашли хаерад-цветок,— сказал Илюша, помогая Наташе укладывать рюкзак.

— Нет, я его нашла...

— Как нашла? Где?

— Илюшка, Илюшка...— улыбнулась Наташа.— Конечно, я нашла не хаерад, не солнечный цветок, не полярную гвоздику. Я нашла... я многое увидела, пока жила здесь, в Заполярье, на острове, у вас. Знаешь, Илюша, это для меня и есть хаерад-цветок. И я его везу на Большую землю, чтобы показать нашим ребятам.

Илюша слушал и не совсем понимал, о чём говорила Наташа.

— Да как ты не понимаешь?! — почти закричала Наташа и вскочила с пола, на котором сидела, завязывая рюкзак.— Я будто его уже нашла, этот волшебный цветок, потому что жила у вас и многое узнала. Это и есть моя полярная гвоздика!

Тогда улыбнулся и Илюша.

— Мы искали и нашли,— сказала Наташа.— Пойдём! Папа давно на теплоходе.

Они вышли из дома, и Наташа огляделась. Она видела вдали между домами посёлка кусочки тундры и представляла ягельные просторы, неяркие её цветы, оленей и множество гомонящих птиц.

— А тётя Мэнева? — вдруг спохватилась она.— Надо же проститься с тётей Мэневой!

— Пойдём,— сказал Илюша.— Когда приходит теплоход, все собираются на пристани. День прибытия теплохода у нас так и называется: теплоходов день. И мама тоже будет там.

— И Игорь сегодня не проспал?

— Он с отцом, наверное, на пристани. Дядя Алексей повезёт тебя и Егорыча на катере. Вот и Игорь хочет на катере.

— А ты?

— Меня не возьмут.

— Возьмут, Илюша, обязательно возьмут!

На сопке Наташа снова остановилась. Отсюда тундра была видна уже полностью, ничем не заслонённая. И опять перед девочкой возникла величавая картина тундры, но не той, какую она видела сейчас издали, а тундры богатой, ягельной, многоцветной, с огромными стадами оленей, с пением, пересвистом, пощёлкиванием, криками огромных птиц и крошечных пичужек.

Ветер дул с океана, а Наташа ощущала аромат тундровых цветов, хотя уже знала, что здешние цветы почти не имеют запахов.

Лёгкая, без всплесков, накатная волна раскачивала стоящий у пристани катер. В катере сидели метеоролог Осипов и Игорь. Сказочник Поморцев стоял на берегу.

— Наташа, скорее! — крикнул Осипов.— Илюша, поторопитесь! Теплоход уже дважды гудел!

Теплоход стоял в губе, далеко на рейде. Около него сновали доры, карбаса, маленькие стрельные лодки.

У борта теплохода ошвартовался пузатый колхозный бот.

Осипов завёл двигатель, и катер, набирая скорость, понёсся по заливу к теплоходу.

Мальчики радовались, а Наташа сидела тихая и грустная.

— Ты чего такая скучная? — спросил Степан Егорович.

Наташа посмотрела на сказочника и промолчала.

— Ничего, не печалься. Поднимем якоря, выйдем в море, и я расскажу тебе ещё одну легенду.

Девочка улыбнулась. Она вспомнила путь на остров и легенды о русском богатыре и об отважном вожде ненцев Ваули-Ненянге.

С борта был спущен не простой зыбкий штормтрап, а широкий и удобный трап — парадный.

Погрузку уже закончили, и бот и две доры отошли от теплохода.

В палубной сутолоке отхода Наташа заметила тётю Мэневу.

Она стояла в отдалении у борта, тихая, опечаленная, и смотрела на Наташу и сына. Расталкивая пассажиров и провожающих, девочка бросилась к ней.

Медлительный вначале и постепенно нарастающий над теплоходом и над бухтой поднялся отходный гудок. Второй гудок...

— Мальчики, на катер! — скомандовал начальник метеостанции.

Мэнева вздрогнула, засуетилась, заторопила сына. Наташа обняла её, попрощалась с дядей Алёшей, чмокнула в щёку Илюшу. Она сдерживалась, хотела улыбнуться, а в глазах чувствовала пощипывание от слёз.

— Теперь приезжайте к нам, на Большую землю,— сказала она.— Там будем искать другой хаерад-цветок, другую гвоздику... Приедешь?

Илюша только наклонил голову. Ему тоже было не по себе. Уж очень он привык к этой девочке из большого города.

Островитяне спустились на катер, и трап моментально был поднят. Загремели якорные цепи. На теплоходе раздался последний, продолжительный, прощальный гудок. Судно чуть развернулось и неторопливо пошло к выходу из Медвежьей губы.

Наташа уже стояла на крыле капитанского мостика, рядом со Степаном Егоровичем, и махала удаляющемуся катеру.

До свиданья, милый остров! До свиданья, друзья!

СОДЕРЖАНИЕ

Бронзовый капитан 3
Путешествие на «Фраме-2» 8
Мы поднимаем якоря 19
Корабли моего детства 24
Сочинение про ерша 32
Экипаж боцмана Рябова 36
Полярная гвоздика 103

Для младшего школьного возраста

Евгений Степанович Коковин

ЭКИПАЖ БОЦМАНА РЯБОВА

Рассказы и повести

Ответственный редактор *Л. И. Доукша.* Художественный редактор *А. Е. Цветков.* Технический редактор *Г. Г. Стан.* Корректоры *Л. М. Короткина* и *Е. И. Щербакова.* Сдано в набор 21/VIII 1975 г. Подписано к печати 29/XII 1975 г. Формат $60\times90^1/_{16}$. Бум. типогр. № 1. Усл. печ. л. 11. Уч.-изд. л. 8,33. Тираж 150 000 экз. Заказ № 1448 Цена 44 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература», Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущёвский вал, 49.

Цена 44 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Евгений Коковин
ЭКИПАЖ БОЦМАНА РЯБОВА
Д